

08 (662) август, 2012

ТОЧКА ОТСЧЁТА

ШАБРОВСКОЕ
МЕСТОРОЖДЕНИЕ

КАВАЛИРИСТ-ДЕВИЦА
В САРАПУЛЕ

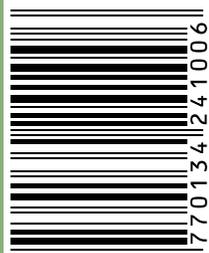
РИТУАЛЫ
ВОГУЛОВ

ОБРАЗЕЦ ТАЛЬКА
предоставлен Уральским Центром камня

1 20 0 8

9 17701341241006

Август 2012

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1-й стр. обложки Точка отсчёта (Н.Г. Ерохин)

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Евгений Виноградский, «Снежный барс», МС МК
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
- Виктор Христолюбский, Председатель Курганского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

тел. (343) 295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru **www.uralstalker.com**

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Встречный ветер

Камни Урала

Г. НЕСТЕРОВА, Д. КЛЕЙМЕНОВ

Минералогические объекты

села Шабровский 4

Безопасность

Е. ЗАХАРОВА

Маломерное судно..... 12

Река времени

Тропой поиска

В. ИЩЕНКО

Хозяин Екатеринбурга 14

Павленковский ресурс

Ю. ДЕМЧЕНКО

Три жизни

сельской

церкви 19

Далекое близкое

Г. ГУЛИНА

Песня,

ставшая

гимном 22

Тропой поиска

Н. БЕРДЮГИНА, А. СЛЕПУХИН

Эмиль Марианович

Сенкевич.

О ритуалах вогулов 24

Далекое-близкое

В. МОИСЕЕВ

Москва, космос –

Свердловск,

небо 30

Клуб собирателей

О. КАРЯКИНА

Постфольклор

«запретки» 36

200 лет победы над Наполеоном

Н. ЗАПОРОЖЦЕВА

Признание женщины столь

необыкновенной 42

Журнал в журнале

МАНАРАГА

ВСЕ ДЛЯ СПОРТА И АКТИВНОГО ОТДЫХА

www.manaraga.ru

Екатеринбург,
ул.Гагарина, 35
(343) 374-90-16

Екатеринбург,
ул.Комсомольская, 7
(343) 374-25-90

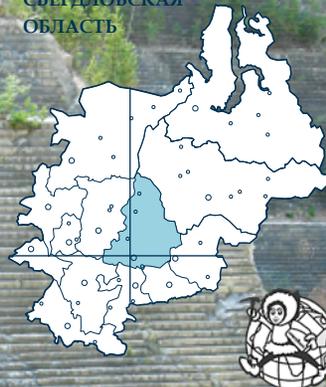
Нижний Тагил,
ул.Пархоменко, 22
(3435) 41-94-53

Челябинск,
пр.Победы, 158
(351) 211-54-19

▼ Дайка основного состава в юго-восточном борту.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ с. Шабровский

Иллюстрации предоставлены авторами

Еще лет пятнадцать тому назад, отвечая на вопрос: «Куда вы с «геологами» в это воскресенье?»

— «В Шабры», тут же следовал новый вопрос:

— «А это где?»

И действительно, если летом в карьере можно было услышать звон молотков первокурсников Горного института, то зимой на снегу были видны следы птиц и мышей, да еще постоянно живущий сторож в сторожке с насосами изредка обходил свои «владения».

Сегодня про самый знаменитый из Шабровских карьеров под названием «Старая Линза» знают все туристы и «около туристы» Екатеринбурга, чему способствовала необычайная красота карьера, близость к городу и простота доступа.

Немного истории.

Название «Шабры» происходит от старорусского «шабер» — сосед, вероятно, Горному Щиту — поселку, созданному по указу В.Н. Татищева на левом берегу реки Уктус в 1721 году. Так бы и оставался Шабрам просто соседом,

если бы крупнейший по тем временам карьер по добыче талькового кирпича в Сысерти не начало затапливать. Впервые грунтовые воды на Тальковом Камне (так называется это месторождение) начали просачиваться в 1905 году, в течение последующих 20 лет добыча шла эпизодически, а в 1925 году карьер затопило буквально за полмесяца, и маломощные насосы того времени ничего не могли сделать. Хотя кустарной добычей талькового кирпича в Шабрах заниматься начали в 80-х годах XIX столетия, но дело, по-всему, шло ни шатко ни валко. Во всяком случае, Шабровский тальк упоминается П. Миклашевским в книге «Месторождения огнеупорных материалов России», изданной в 1881 году. А в 1927 году уже советское правительство развернуло серьезные геолого-разведочные работы.

Нестерова Г.М.

Клейменов Д.А.

Зачем так был необходим тальковый кирпич молодой советской стране, вступившей на путь индустриализации? Этот мягкий и внешне податливый минерал способен выдерживать высокие температуры — до 1500–1520°C, и является отличным огнеупором.

В металлургических печах слитки металла омываются пламенем с незавершенными реакциями горения. При этом образуется окалина, которая падает на дно печи, называемое подом. Если под изготовлен из огнеупорного шамотного или кварцевого кирпича, то окалина вступает в реакцию с кирпичом, и под быстро разъедается. Тальковый же кирпич в реакцию с окалиной не вступает и способен выдержать большое количество плавок металла. Кирпичи из талькового камня широко применялись на уральских металлургических заводах на протяжении всего XIX столетия и большей части XX века.

▲ Общий вид Григорьевского карьера.

Широкое применение нашел и измельченный порошок кристаллического талька. Это минерал с необычным свойством — самый мягкий из всех минералов, который имеет красивый нежно-зеленый цвет. Название «тальк» происходит от шведского «talg», что в переводе означает «сало», поскольку плотные мелкочешуйчатые разности этого минерала жирные на ощупь и легко режутся ножом, и вообще напоминают по виду свиное сало.

Одними из первых тальк стали применять египтяне в качестве утяжелителя и уплотнителя при изготовлении папируса. Арабы уже в VIII веке добавляли тальковую муку при приготовлении бумаги. Русские красавицы, румянившие щеки в теремах в ожида-

▲ Резкий контакт.

нии заморских принцев, и не подозревали, что в составе их румян и белил была тальковая мука. А жители стран Европы практически ежедневно сталкивались с этим минералом — тальк являлся основой пудры, которой посыпали парики.

На сегодняшний день область его применения значительно расширилась — он является основным компонентом детских присыпок, в связи с чем оба названия часто употребляются как синонимы. Используется в быту для предотвращения трения соприкасающихся поверхностей (в резиновых перчатках, в обуви), в спорте (при упражнениях на спортивных снарядах — кольца, перекладина, конь и др.), а также для предотвращения слипания при длительном хранении пластмассовых изделий. Как наполнитель применяется в резиновой, бумажной, лакокрасочной, медицинской (основа таблеток), парфюмерно-косметической и других отраслях промышленности.

Важная область применения — керамика (особенно радиозащитная). Его добавка в фаянсовую массу предотвращает образование трещин в глазурном слое.

В пищевой промышленности зарегистрирован в качестве пищевой добавки E553b.

Встречается в присадках к моторным маслам для увеличения срока экс-

▲ В северо-западном углу хорошо отслеживается дайка кислого состава.

▲ Жилка благородного талька с гематитом.

▶ Рутил в хлоритовой породе.

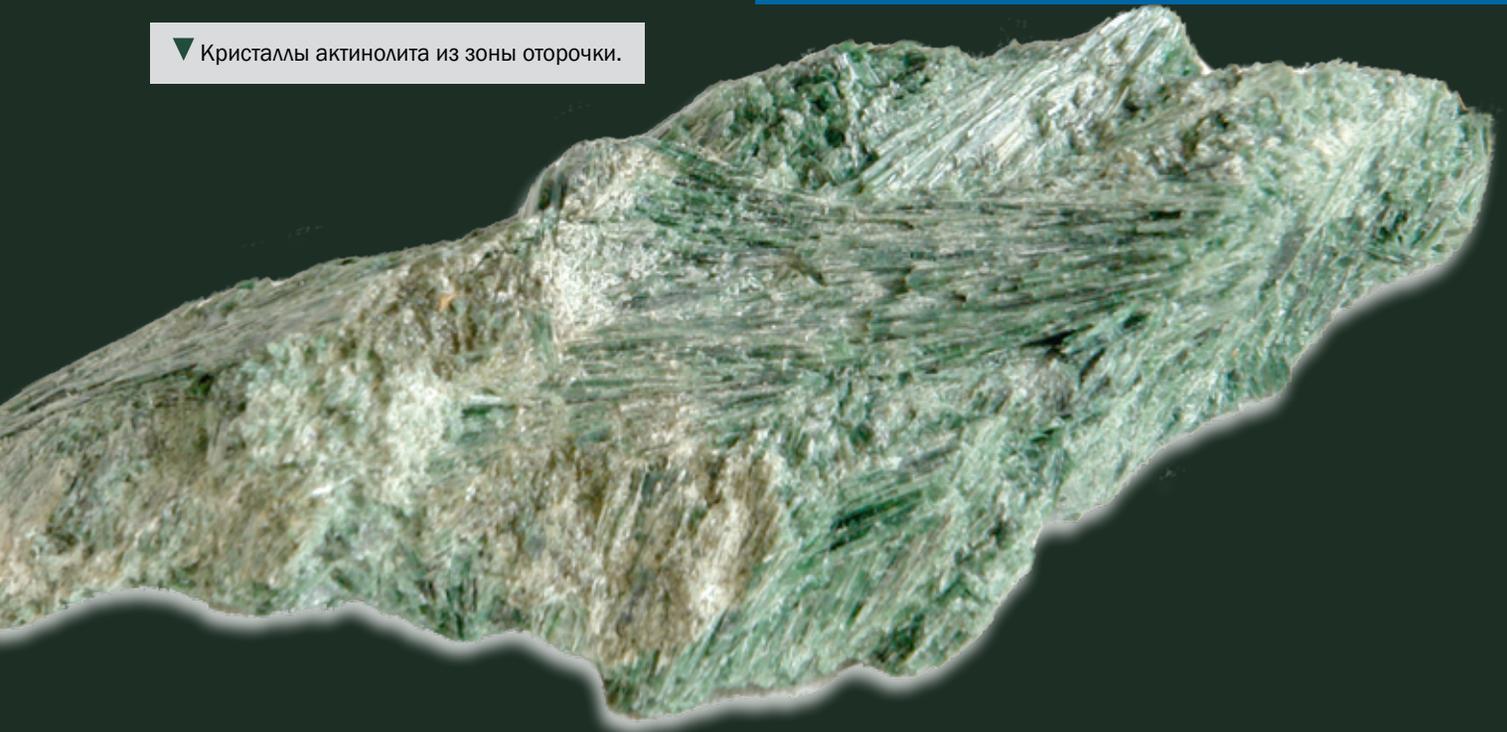

▲ «Солнышки» шерла в хлоритовой породе.

Кристаллы гематита. ▲

▼ Кристаллы актинолита из зоны оторочки.

▼ Прожилки благородного талька в карбонатной породе.

Кристаллы шерла из закопушки на дне карьера. ▼

◀ Вид на «Гематитовую горку».

плутации и защиты ДВС, например SuProtec/NanoProtec, Хадо.

Итак, если у Вас есть желание и один, а лучше два свободных дня (даже если это зима), приглашаем посетить Шабры. Садимся на 105 автобус от остановки Южная и едем до конечной остановки у железнодорожного переезда (сейчас есть еще остановка Опытное полеводческое хозяйство — ОПХ, нам туда не надо).

Первый объект в нашем списке — карьер «Старая Линза». Можно идти по «узкоколейке» на юго-восток около 800 метров, и через проходную обогащательной фабрики выйти к карьеру. Или же по бетонной дорожке, которая пойдет справа от «узкоколейки», около 500 метров мимо старого золотого разреза, превращенного в живописный пруд, идем в сторону Шабровского талькового комбината. Огибаем с правой стороны здание элеватора для хранения тальковой муки и по грунтовой дороге идем около 200 м до пересечения дороги с узкоколейной железной дорогой, затем выходим (50 метров) к спуску в карьер.

Карьер по добыче талькового камня «Старая линза» уникален и не имеет аналогов в России. Поскольку талькмагнетитовую породу длительное время добывали распиловкой, то стены карьера представляют собой множество ступенек, объединенных в большие ярусы. Некоторые туристы с богатой фантазией сравнивают его с перевернутой пирамидой далекого Египта.

Старый карьер на консервации с 1974 года. Консервация эта выражается в том, что из него откачивают воду, не давая превратиться во второе тальковое озеро. А озеро получилось бы изрядное. Максимальная глубина карьера — 50 метров, ширина — 150, и длина — 300. В свое время в одной из стен карьера пробили водную жилу, и сейчас вы можете полобаваться на водопады, пусть несравнимые с Ниагарой.

Внимание. Вам надо запомнить несколько советов, которые мне дал один из руководителей предприятия:

- В карьер лазить небезопасно. Если кого там поймаем — оштрафуем.
- Если уж вы решили туда залезть — то большой группой. Если с одним что-то случилось, то другие вынесут.
- Если собралась большая группа, то, по предварительной договоренности, мы можем к ним приставить своего человека.

Напротив лестницы лежит нечто, напоминающее бензопилу, — это остатки пилы Столярова. В первые годы добыча велась вручную, при помощи ломов, клиньев, пил, а транспортировали тальковые кирпичи на повозках, запряженных лопадьями. Но при распиловке талькового камня на кирпичи был существенный недостаток — значительные отходы (до 50%). Эта проблема была решена в 1934–1935 гг., когда коллектив

работников талькового рудника во главе с А.М. Столяровым изобрел первую в СССР камнерезную машину по резке кирпича непосредственно из массива талькового сланца. Эта машина вошла в историю под названием «Пила Столярова». До сих пор на дне карьера «Старая линза» стоит фрагмент этой пилы. Подъем напильных кирпичей на поверхность осуществлялся при помощи деррик-кранов и кабель-кранов.

Теперь о геологии. Основным элементом геологического строения Шабровского месторождения карьера «Старая линза» является тело ультрабазитов (темных бескварцевых пород). Карьер заложен на увале и представлен этой древней интрузией, которая прорвала их в метаморфизованные осадочные толщи. Эти породы находятся в верхних горизонтах и представляют собой филлитовые сланцы с тонкими прослоями известняков и сподисто-кварцевых сланцев.

При переходе с вскрышных горизонтов на добычные наблюдается северо-восточный контакт между слан-

Орхидея. ▶

цевой толщиной и телом ультрабазитов. Контакт резкий и фиксируется разгрузкой трещинных подземных вод.

Ультраосновные породы представлены антигоритовыми серпентинитами и тальк-карбонатными породами, контакты между ними четкие. Тальк-карбонатные породы состоят из талька и карбоната примерно в равных количествах с редкими кристалликами магнетита и хромита.

В юго-восточной части карьера отмечаются дайки основного состава. Это массивные породы темно-зеленой окраски. Продукты последней — родингиты — наблюдаются в южном борту карьера «Старая линза» и в глыбах свала на дне его.

На контакте габброидов развивается мелкочешуйчатый зеленый хлорит и малоомощной зоной радиально-лучистый актинолит с редкими прозрачными зернами карбонатов. В «Старой Линзе», в тальк-карбонатных породах и серпентинитах, многочисленны прожилки благородного талька.

В северной части карьера находятся развалы крупных кварцевых глыб,

кварц белый полупрозрачный. Юным геологам часто приходится поломать голову, решая вопрос, откуда он тут взялся.

Хлорит-шерловая оторочка дайки более кислого состава с кварцевыми будинами в северном борту.

В северо-западном углу хорошо отслеживается дайка кислого состава.

Для коллекционеров интересны будут кристаллы актинолита в хлоритовых сланцах — которые располагаются на юго-восточной стороне на контакте с габбровой интрузией, «солнышки» шерла в северо-западном углу за водокачкой, также на контакте с интрузией, только более кислого состава, на дне карьера, и сагенитовый рутил в хлоритовой зоне контакта на западной стороне напротив лестницы, а также многочисленные жилы благородного талька и кристаллы карбоната магнетит-брейнеритового состава.

Зимой, кроме водопадов, посещающих поразит красивый ледопад. Скальющаяся по стенке вода замерзает, образуя непрерывно растущий до самой весны глетчер. По выходным его облепливают экстремалы. Давно, когда

▲ Пила Столярова.

о глобальном потеплении еще не писали, этот глетчер не таял до июля. Но даже сейчас, при меньших размерах, голубой лед производит неизгладимое впечатление.

Любители Стругацких, впервые увидев старый карьер, тут же вспомнят «Пикник на обочине». При консервации на дне карьера оставили старую ломаную технику. Рельсы узкоколейки, уходящие в воду... Небольшой экскаватор... Разбросанные под водой артефакты — колеса от телеги, от поезда и от автомобиля, траки от тракторов и вентилятор...

Механический экскаватор КМ-602А напоминает нам о временах социалистического лагеря. Такие механизмы выпускались в Польской Народной Республике в 60–70-х годах. В рамках торгового сотрудничества между странами часть их поставлялась в СССР, и, конечно, та самая знаменитая пила Столярова.

Хватает техники и на поверхности. На противоположных сторонах

стоят башни-пилоны, соединенные тросами. Они, да и вся канатная дорога, наверное, тоже изготовлены в Германии. На вершину башен ведут лесенки. Прежде этих башен было больше, но одну из них (механики называют эту конструкцию кабель-кран) своротил пьяный тракторист.

Раньше по подвесной канатной дороге возили тальковый кирпич на фабрику. На дне карьера находятся не только остатки промэкзотики. Там еще стоят две будочки. В одной обитает добрый сторож, а во второй хранится насос, которым всю льющуюся сюда воду откачивают. Сторожу скучно, и он с удовольствием поговорит с вами. Он рассказал, что летом

сюда приходят даже с палатками и живут иногда до недели.

Горный цех, в ведении которого находится карьер, следит и за сохранностью лестниц, которые ведут на дно этой ямы — ведь не тросом смену сторожей производить.

Родников в карьере бьет много, но один из них, тот, что вытекает из трубы рядом с лестницей, особенный, по крайней мере, для верующих — сюда спускался поп и без помпы и телекамер освятил его.

Спускался в карьер и известный кинорежиссер Алексей Мурадов. Со своей группой он провел здесь сутки, снимая кадры для фильма «Правда о щелпах» («щелпа» в переводе с татарского означает вредные существа наподобие ки-

◀ Ледопад.

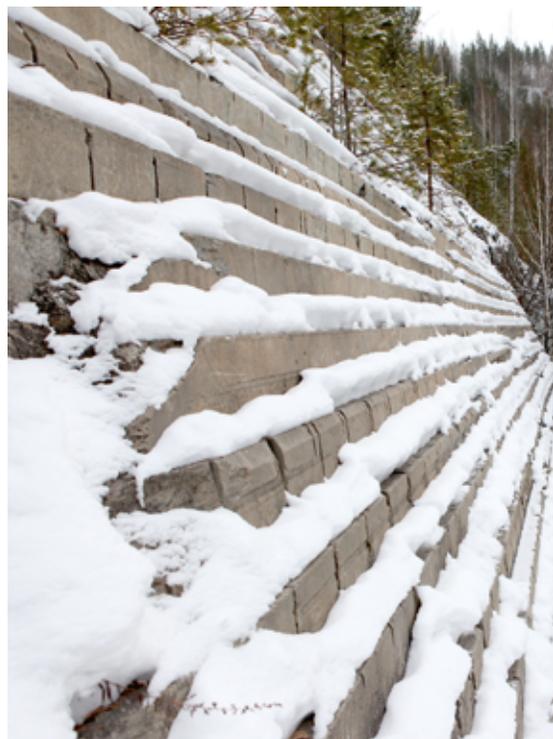
кимор или лепих). Однако название фильма обманывает. На самом деле в нём рассказывается о четырех друзьях, пытающихся построить для себя новую жизнь в новой стране.

В последнее время дно карьера начали осваивать первооселенцы — на заболоченных участках болотные травы, а где менее влажно, там прижились сосенки — растут они, правда, медленнее своих лесных собратьев. Хорошо себя здесь чувствуют и орхидеи — влажно и не очень солнечно. Из орхидей мы своими глазами видели на дне карьера пальчатокоренник мясокрасный (*dactylorhiza incarnata*). В районе карьера известны находки многих редких и исчезающих растений: венерин башмачок пятнистый (*cypripedium guttatum*), ночная фиалка (*peatenthera biforia*), наперстянка крупноцветковая (*digitalis grandiflora*), дико-растущая лилия-саранка.

Выбравшись из карьера, вы попадете на склад отходов, где можете выбрать себе небольшую плитку змеевика или мрамора. В хозяйстве пригодится (например, горячий чайник ставить), и о походе память останется.

Дальше по накатанной КамАЗами дороге двигаемся в направлении на юго-восток, и метров через 300 выйдем на Григорьевский змеевиковый карьер. Здесь пилят крупные

Следы от пилы. ▼

блоки, которые на фабрике разделяют на плитки и полируют. Змеевик очень красивый — темно-зеленый, с «мягкими» полосами и разводами. Встречаются жилки с тальком и гематитом, эти жилки портят крупногабаритные блоки, так как блоки просто расплываются вдоль жил. Весь брак лежит тут же в отвале и радуется любителей камня.

С 1978 г. эксплуатационные работы на тальк-карбонатное сырье переместились примерно на 2,6 км к юго-востоку от карьера «Старая Линза» на карьер, который был назван «Новая линза». Из руды используется только одна составляющая — тальк. Тальк-карбонатные породы дробятся, затем тальк путем флотации освобождается от карбоната. Полученный таким образом концентрат превращается в пудру — сырье, на которое спрос значителен как внутри страны, так и за рубежом.

Чтобы попасть на этот объект, нужно двигаться по узкоколейке мимо кладбища примерно 2,5 км.

Залежи тальк-карбонатных пород на Шабровском месторождении «Новая Линза» имеют преимущественно линзовидную форму. Их длина достигает 1,2 км при ширине 300 м.

Тальк-карбонатные породы практически всегда вмещаются антигортитовыми серпентинитами. Залежи тальк-карбонатных пород отчетливо контролируются крутопадающими зонами разломов. В тальк-карбонатных породах практически всегда фиксируются реликты серпентинитов.

Из коллекционных минералов интерес представляют кристаллы черного турмалина, которые образуются «солнышками» на светлых карбонатных породах, щетки кристаллов доломита и кристаллы кварца.

С 2009 года работы на карьере остановлены, и он постепенно затасливается.

Далее, если у Вас маршрут рассчитан на два дня, можно посетить Гематитовую горку или отправиться на мраморный карьер.

Проявление «Гематитовая горка» относится к Шабровскому рудному полю, которое является достаточно

непосредственно к копиям, там тоже хорошее место). Воду из Каменки пить не стоит, а вот использовать в хозяйственных нуждах ее вполне можно.

Геологически проявление связано с антигортитовыми серпентинитами, большей частью превращенных в тальк-карбонатные метасоматиты, аналогичные карьерным. Среди них на небольшой площади концентрируется серия жил «благородного» талька бледно-зеленоватой окраски. В жилах, кроме талька и доломита, встречаются довольно крупные кристаллы гематита.

▲ Старые тальковые выработки.

оригинальным по геологическому строению и было широко известным в конце XIX и начале XX вв. как главный источник гематита — кровавика для ювелирной промышленности. Оно расположено на расстоянии 5–6 км на юго-восток от карьера «Новая линза».

Если вы идете пешком, то лучше идти по «железке» (направлением от Сысерти до Сысерти, простите за каламбур, но это два поселка, находящиеся минимум километров на 20 друг от друга). Во-первых, дорога получается короче на 2 км, а во-вторых, как говорил крокодил Гена, на железной дороге никогда не бывает луж и грязи.

По «железке» идем до ЛЭП. С дороги, кстати, по ходу видно золоторудные разрезы, названные Андреевскими. Справа по ЛЭПовой просеке виднеется горка — она и есть Гематитовая. Спускаемся к р. Каменке, здесь можно устроиться на ночлег (или под-

Гематит-кровавик добывался также и из россыпей, расположенных вокруг этого месторождения. Кристаллы гематита имеют таблитчатый облик и совершенную огранку. Размеры от 0,2 до 4 см. Но известны находки и очень крупных кристаллов до 8 см в поперечнике. Мощности самих жил невелики; в забоях современных копей они составляют от 3–4 до 10–25 см. Последовательность кристаллизации минералов в жилах: тальк → доломит → гематит.

Мраморный карьер находится с левой стороны от дороги, идущей из Сысерти, и далее, не переходя переезд, двигаемся на юго-восток. За последними строениями поворачиваем налево и метров через 500 по грейдерной дороге выходим на карьер.

Мрамор в карьере среднезернистый, преимущественно белого цвета. На крупные подделки он не используется из-за сильной трещиноватости, зато мраморная крошка получается идеально белоснежной. [7]

Маломерное судно

23 мая 2012 года вступил в силу Федеральный закон РФ от 23.04.2012 года № 36-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения понятия маломерного судна».

Основные моменты из письменного разъяснения Начальника Управления ГИМС МЧС России:

1 – под маломерным судном понимается судно, длина которого не должна превышать 20 метров и общее количество людей на котором не должно превышать 12 человек;

2 – не подлежат государственной регистрации шлюпки и иные плавучие средства, которые являются принадлежностями судна, суда массой до 200 кг включительно и мощностью двигателей (в случае установки) до 8 кВт включительно, а также спортивные парусные суда, длина которых не должна превышать 9 метров, которые не имеют

двигателей и на которых не оборудованы места для отдыха;

3 – маломерные суда, используемые в некоммерческих целях, регистрируются в реестре маломерных судов. Цель использования маломерного судна (коммерческая или некоммерческая) устанавливается по письменному заявлению судовладельца. В случае, если заявитель указывает, что маломерное судно будет использоваться в коммерческих целях, оно регистрируется в речном регистре.

Кроме того, в пункт 1 статьи 333.33 части второй Налогового кодекса Российской Федерации внесены изменения:

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Елена Захарова

Старший государственный инспектор
ФКУ «Центр ГИМС МЧС России по Свердловской области»

— Государственная пошлина уплачивается в следующих размерах:

- 1) за государственную регистрацию в реестре маломерных судов: спортивных парусных судов, прогулочных судов, маломерных судов — 1000 рублей;
- 2) за государственную регистрацию изменений, вносимых в реестр маломерных судов в отношении: спортивных парусных судов, прогулочных судов, маломерных судов — 100 рублей;
- 3) за выдачу документа, подтверждающего годность маломерного судна к плаванию, государственная пошлина отменена;
- 4) за выдачу судового билета — 100 рублей.

Не проходят очередное техническое освидетельствование зарегистрированные и незарегистрированные маломерные суда в органах ГИМС:

- 1 - гребные суда, принадлежащие физическим лицам;
- 2- маломерные суда массой до 200 кг включительно и двигателем (если имеется) до 8 кВт (11 л/с) включительно, то есть суда, не подлежащие государственной регистрации в соответствии

с Законом. С момента вступления Закона в силу, при проведении технического освидетельствования маломерного судна оплата государственной пошлины не осуществляется.

Все нормативные правовые акты, действующие в отношении маломерных судов, поднадзорных ГИМС, сохра-

няют свою силу и применяются в части, не противоречащей Закону.

Пункт № 1.2. Приказа МЧС России № 498 остается в силе: «Государственная инспекция аттестует судоводителей и выдает им удостоверения на право управления самоходными судами внутреннего плавания вместимостью менее 80 тонн с главными двигателями мощностью более 3,68 и не свыше 55 кВт, или с подвесными моторами мощностью свыше 3,68 кВт, водными мотоциклами (гидроциклами), эксплуатируемыми во внутренних водах», так как маломерные суда с мощностью мотора более 5 л.с. (согласно Закону, маломерные суда, не подлежащие регистрации) также поднадзорны ГИМС.

Просим судоводителей маломерных судов также не забывать про замену старого удостоверения, у которых срок действия установлен 10 лет с момента их выдачи. Для этого необходимо обратиться в ФКУ «Центр ГИМС МЧС России по Свердловской области» по адресу: г. Екатеринбург, ул. Горького, 41, каб. 13 и оформить заявление.

Режим работы с 9 до 17, обед с 12 до 13 часов.

По истечении срока действия удостоверения для получения нового удостоверения судоводитель представляет в экзаменационную комиссию следующие документы:

1. Паспорт
2. Фотографии 3x4
3. Действующая медицинская справка
4. Старое удостоверение
5. Личная карточка судоводителя с данными о результатах проводившейся ранее государственной услуги по аттестации.

При замене удостоверения на новое уплачивается государственная пошлина в размере 400 рублей в соответствии с подпунктом 58 пункта статьи 333.33 Налогового кодекса Российской Федерации.

Доводим также дополнительную информацию о смене дислока-

ции. В связи с переездом инспекторского отделения (г. Екатеринбург) с 6 февраля 2012 года прием граждан по вопросам регистрации маломерных судов, снятия их с регистрационного учета, прохождения технического освидетельствования маломерных судов производится по адресу: г. Екатеринбург, п. Пески, Спасательная станция (оз. Шарташ). Телефон для получения информации 222-65-11

Маршрут движения: ул. Малышева — ул. Высоцкого (оптовый рынок «Кировский») — поворот налево на п. Пески с дороги на Новосвердловскую ТЭЦ — п. Пески — поворот направо 250 м вдоль берега к спасательной станции. **УС**

ХОЗЯИН ЕКАТЕРИНБУРГА

ОРЕНБУРГСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Русский музей Императора Александра III.
А. Н. ГОРОНОВИЧЪ. Мѣновой дворъ
въ г. Оренбургѣ

Edition
"Richard"
St. Petersburg.

Musée russe de l'En
A. GORONOVITC

Иллюстрации предоставлены автором

В 2012 г. исполняется 300 лет со дня рождения Петра Ивановича Рычкова, ученого, исследователя Оренбургского края, первого члена-корреспондента Академии наук, автора многих работ. Местные краеведы по праву называют его «Уральским Ломоносовым». В Оренбургской экспедиции Рычкову пришлось работать с Кириловым и Татищевым. Его знали многие видные деятели, несмотря на то, что он проживал в далеком Оренбурге. И когда заводы на Урале пришли к неуправляемости, потребовался человек, подобный В. Генину и Татищеву. И тогда Екатерина II собственноручно выбрала Рычкова.

Василий Ищенко

Главный технолог ОАО «Уралэлектромонтаж», краевед. Постоянный автор журнала. Научное направление его статей и очерков – горнозаводская деятельность на Северном Урале в XV – XVII веках. Проживает в Екатеринбурге.

◀ Меновый двор под Оренбургом.

Empereur Alexandre III.
N° Foire à Orenbourg.

Serie XIV
N° 2

Неуправляемость заводов состояла из ряда недоработок. Так, финансовые взаиморасчеты между Монетной экспедицией, Канцелярией и казенными заводами были в таком запущенном состоянии, что привели к большим долгам и прекращению дальнейшего финансирования заводов. Планировать их расходы и доходы стало невозможно. Между чиновниками возникают распри и даже разборки. Например, секретарь Монетной экспедиции Андрей Корнеев едва не стал жертвой преследования коллежским советником Сокольниковым и надворным советником Мосоловым. Частные заводы также не поставляли в Монетную экспедицию десятинную и трехчастную медь, отчего чеканка монеты находи-

лась на грани закрытия. Да и налог с выплавляемого чугуна не оплачивался.

Сложность с платежом денег в казну за выплавляемый чугун и за поставку меди с частных заводов заключалась еще и в том, что заводчиками являлись крупные государственные деятели, такие, как: генерал-прокурор князь Александр Александрович Вяземский, сенатор, действительный камергер и граф Роман Илларионович Воронцов, сенатор и действительный камергер Всеволод Алексеевич Всеволожский, генерал-майор и барон Александр Сергеевич Строганов, дворянин Никита Демидов и другие. Некоторые из них не платили налоги с 1762 г., и привлечь их к оплате было нелегким делом.

Даже деньги, отправляемые из Монетной экспедиции, разворывались. В бочке, направленной караваном в Москву в 1769 г., оказалась вместо денег земля; в 1770 г. обнаружена бочка с вырезанным отверстием, в которой не хватало 68 рублей; а в бочке, отправленной в Санкт-Петербург в 1771 г., находились чугунные гири и мраморные обсечки. Отыскать преступников не удавалось.

Правительствующий Сенат обвинял во всех недостатках бывшего главного командира Канцелярии — полковника Василия Бибикова. Но и после его ухода обстановка не изменилась. Чтобы исправить создавшуюся ситуацию, и был поставлен Петр Иванович Рычков. Удивительно, что Петр Иванович к этому

▶ Петр Иванович Рычков.

времени не имел опыта управления горнозаводским производством даже в ранге управителя какого-либо казенного завода. Он управлял только Оренбургскими соляными делами. И вдруг назначается главнокомандующим Канцелярией казанских, оренбургских и сибирских заводов и главным командиром Екатеринбургской Монетной экспедиции. Правда, некоторые авторы пишут, что Рычков был только командиром Екатеринбургских казенных заводов. Это не соответствует действительности, и, по всей вероятности, такое мнение сложилось из-за того, что в указах Правительствующего Сената часто называли его главнокомандующим Канцелярией в Екатеринбурге или просто командиром заводов в Екатеринбурге. Видимо, статус города Екатеринбурга, как центра горнозаводской промышленности, в то время был столь высок, что под управлением заводов подразумевали все заводы Урала и Сибири. Только в отдельных указах, когда требовалась особая точность, например, при назначении Рычкову оклада, указывалось: «... высочайше повелено определенному в канцелярию сибирских, казанских и оренбургских заводов правления и в экспедицию над денежным в Екатеринбурге переделом главным правителем статскому советнику Петру Рычкову производить жалованье в год 1500 р.» (ГАСО, Ф. 24, Оп. 12, Д. 89, Л. 4.). Канцелярия в Екатеринбурге, в которую назначается главнокомандующим Рычков, также не называется «главной» из-за того, что ему не подчинялась Горная экспедиция золотых производств, которая осталась под управлением коллежского советника Якова Рооде. Впоследствии Рычков обратился в Сенат с предложением объединить под общее руководство и Горную экспедицию, но такое решение произошло уже после его смерти.

С первых дней своего назначения, еще находясь в Оренбурге, Рычков активно включается в работу. Он посылает указания в Казанскую канцелярию и в Оренбургское и Камское горные начальства, требуя немедленных сведений о недоимках от заводчиков по трехчастной и десятинной меди. Даже намечает встречи с начальниками заводов по пути следования в Екатеринбург.

На первом своем совещании в Канцелярии (3 июля 1777 г.) Рычков призывает своих сотрудников приложить все свои старания к скорейшему погашению долгов заводчиками. И такие усилия оказались успешными.

ми, так как уже через месяц долги стали оплачивать почти все заводчики. Правда, имелись и такие, которые посчитали, что можно их не платить и при новом начальнике, но они прощались. Например, за неуплату долгов заводчиком Антипом Масаловым на Шурминском заводе был арестован и скован его приказчик Иван Усачев. За долги от выплавленного чугуна на Николае-Павдинском заводе были описаны имения заводчиков Походяшина и Ливинцова. Даже Вяземскому пришлось оплатить свои долги, несмотря на то, что он сразу же после назначения Рычкова написал ему письмо, предлагая свои услуги по решению вопросов в Правительствующем Сенате, но Рычков не пошел на такую сделку.

На следующем заседании Рычков объявил распорядок работы чиновников в Канцелярии. При этом, в первую очередь, установил жесткие требования к самому себе, указав, что при необходимости срочного решения важных дел немедленно сообщать ему об этом, даже если это произойдет глубокой ночью. От чиновников он потребовал не откладывать решения важных дел и решать их, оставаясь после окончания рабочего дня. Также напомнил о генеральских регламентах, принятых для Канцелярии, по которым уход с работы за час до окончания рабочего дня или за невыход на работу чиновник наказывался вычетом недельной оплаты из своего оклада. Приходить на работу следовало за час до прихода судей и в течение дня не отлучаться с своего места.

При осмотре города Рычков был разочарован состоянием городской плотины. Она выглядела ветхой и грозила в скором времени обвалиться. Кроме того, от промывальной фабрики накопились большие

▲ Меновый двор под Оренбургом. Над воротами помещалась пограничная таможня.

► Указ о назначении Рычкова главнокомандующим в канцелярию заводов правления в Екатеринбурге (ГАСО, ф. 24, оп.12, Д. 89, Л).

отвалы песка, которые не только портили ландшафт города, но и не давали возможности расширяться заводу. Рычков сразу же принялся за ремонт. За 30 дней сумел полностью закончить работы и был очень доволен ее новым видом. В Правительствующий Сенат он сообщил: «Самое главное и нужнейшее дело была плотина, которая время от времени в негодность приходила и падением угрожала, а сверх того завалена она была многочисленным числом бревен и дровами, так что в некоторых местах и проезд был труден. Сие самое первое и нужнейшее дело велел исправлять, разрывши землю до подошвы сей плотины, положить новые укрепления, да и каменную стену к воде сделать. ...Сие есть одно из главных моих дел, которые я начать и окончить могу». (ГАСО, Ф. 24, Оп. 12, Д. 90, Л. 18.).

Но его радость хотели омрачить недоброжелатели. Это произошло следующим образом: для выравнивания плотины решили использовать отвалы от промывного золотосодержащего песка. Когда стали возить песок на плотину, Рооде вдруг решил остановить работу и в течение двух дней производил испытание на содержание золота в песке. После испытания, ничего не сообщив, разрешил продолжить вывоз песка. По окончании засыпки плотины Рычков решил проверить этот песок и направил по-

штейгера Саранчина. При промывке было найдено три зернышка золота. Тогда Рычков дает указание промывать 100 пудов уже отсыпанного на плотину песка. Песок промывали на усовершенствованном шихтмейстером Раздеришиным и похштейгером Саранчиным вашгерде, и было намыто 9 золотников шлихового золота. При подсчете оказалось, что его себестоимость значительно ниже золота, добываемого в рудниках. Сообщение об этом отправили в Берг-Коллегию, и оттуда пришел указ: «Снять с плотины весь песок и промывать его!» Но это сообщение дошло до Екатеринбурга уже после смерти Рычкова. Спустя полгода Берг-Коллегия вновь запросила сведения о промывке песка с плотины, но новое руководство отказалось его промывать, мотивируя это тем, что: «... означенный песок здешняго завода на плотину возен и сыпан был еще в 1777 г., чему уже прошло немалое время, а после сверх того песку по тому ж насыпана земля, следовательно, как выше значит по довольно прошедшему времени и сыскать его теперь не можно» (ГАСО, Ф. 41, Оп. 1, Д. 300, Л. 44).

Значит, городская плотина до сих пор хранит в себе золотосодержащий песок. Не исключено, что Рооде специально, зная о наличии золота в песке, не сказал об этом Рычкову, чтобы омрачить первое его дело. И к этому имелся повод: Рычкову было поручено расследование дела по жалобе Раздеришина и Саранчина на коллежского советника и главного командира Горной экс-

◀ 1712 г. Петр Иванович Рычков – российский чиновник, географ и краевед.

▼ Вид г. Екатеринбурга. Деталь гравюры М.И. Махаева, 60-е годы XVIII в.

педиции золотых производств Якова Рооде, гиттенфервальтера Николая Соймонова, берггешворена Кирхнера и шихтмейстера Инсио о разных хищениях. При допросе Соймонов отказался отвечать на вопросы, и Рычков в гневе выгнал его из кабинета, за что Соймонов написал на Рычкова жалобу в Берг-Коллегию (Берг-Коллегией управлял сенатор М.Ф. Соймонов, видимо, его родственник).

Вопросов, рассматриваемых Рычковым по горнозаводскому производству, было очень много, и ему приходилось решать их самому. В Правительствующий Сенат он сообщал, что все свои силы и время он полностью отдает работе. Но, несмотря на такую загруженность горнозаводскими делами, он старался быть в курсе всех дел, которые совершались в городе, и требовал, чтобы каждый день его информировали о происшествиях в городе.

Большое внимание Рычков уделял и пожарной безопасности города, с этой целью он потребовал проверить пожарные установки. Оказалось, что ни одна установка не была пригодна для работы, а кожаные рукава для подачи воды, все прогнили.

Проверяя подготовку специалистов в школе при чертежной мастерской, Рычков обнаружил слабое преподавание немецкого и французского языков. Для устранения недостатков были назначены новые опытные преподаватели. Контроль за качеством обучения языков он взял на себя.

Поражает также его отношение к нуждам простых людей. Они приходили к нему с всевозможными просьбами, хотя некоторые даже не входили в его компетенцию. Но, несмотря на это, он обращался в другие ведомства и просил удовлетворить их просьбу. Особенно это касалось перевода рекрутов из других провинций в Екатеринбург, где проживали их престарелые родители.

Но самым главным и трудным делом являлось выявление высших горных чиновников, замешанных в злоупотреблениях властью. Для этого Рычков внимательно выслушивает заводчиков, горных чиновников и жителей города, которые и помогли ему уличить чиновников в хищениях, взятках и самоуправстве. Так, он выявляет, что секретарь Судной земляных дел конторы Суворов замешан в возмущении заводских крестьян против заводчика Турчанинова и во взятках, и Рычков арестовывает его. Оказалось, что в этом деле замешаны и остальные судьи. Даже причастен был

▲ Меновый двор под Оренбургом.

Рооде. Правительствующий Сенат одобрил его действия и доверил ему самостоятельно провести скорейшее расследование. Но расследовать их Рычков не успел, так как 15 октября он скончался.

Можно заметить, что Рычков без всякой осмотрительности и осторожности производил разоблачения чиновников, замеченных в злоупотреблениях властью. И нельзя исключать, что подозреваемые чиновники могли быть причастны к его смерти. Возможно поэтому, чтобы снять с себя всякие подозрения, они сообщают в Правительствующий Сенат, что смерть наступила от болезни, продолжавшейся с прибытием его сюда.

Петр Иванович Рычков в Екатеринбурге прожил всего несколько месяцев, но за это время сумел проделать огромнейшую работу, на которую другим потребовались бы годы. Изучая его горнозаводскую деятельность, можно отметить, что он был преуспевающим главным командиром, который принес в жертву самого себя, ради наведения порядка в горнозаводском деле Урала. Он гордился тем, что был назначен на такую должность лично Екатериной II, и даже переписку вел не с Берг-Коллегией, как это положено по рангу, а непосредственно с Правительствующим Сенатом. Период времени, проведенный Рычковым в Екатеринбурге, является самым важным в его жизни, и кажется странным, что он никем не описан, хотя остальные периоды его жизни описаны довольно подробно. ❧

ТРИ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ

Иллюстрации предоставлены автором

Юлия Демченко

Заведующая Еманжелинской павленковской библиотекой Еткульского муниципального района Челябинской области. Окончила Челябинский пединститут, академию культуры и искусств (ЧГАКИ), заочно учится в аспирантуре. Кандидат педагогических наук. Руководимая ею сельская библиотека — одна из лучших в области. На ее базе учились сельские библиотекари, прошла областная школа на тему «От краеведения к краеведению», а также презентация подготовленной Ю. Демченко энциклопедии села Еманжелинки.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Еманжелинка, Еманжелинск, станция Еманжелинская... В сорока километрах от Челябинска названия населенных пунктов не отличаются разнообразием, в конце запутывая приезжих и некоторых местных жителей. Этим именем когда-то «поделилась» казачья станица, которая старше и города, и железнодорожного поселка. Впрочем, она дала «крестникам» не только имя...

В 1773 году, вскоре после основания Еманжелинки, здесь поставили деревянную церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери. Однако деревянное здание сгорело. В конце 30-х годов XIX века возвели первую каменную церковь. Ее метрические книги сохранились с 1840 года. Через некоторое время она стала мала для казаков, и храм решили капитально обновить и расширить.

Возводили его на средства самих жителей. Все православные жертвовали деньги. Был и один очень своеобразный взнос: с каждого двора собирали определенное количество куриных яиц, а по осени, когда кололи скотину, на стройку несли ведра с бычьей кровью. Так, на желтках и крови, замешивали раствор, рассчитывали, что стены простоят века.

Даже к кирпичам отношение было особое: их подносили и поднимали на крепких холстах.

Как бы сказали сейчас, стройка шла по типовому проекту. Старожилы, видевшие храм своими глазами, сравнивают его с церковью в честь Владимирской иконы Божьей матери в Селязяне — она и старше нашей на пятьдесят с лишним лет.

Еманжелинцы свой храм сразу полюбили. Его освящение произошло в 1881 году. Церковь было видно с любой точки станицы. Внутрь верующие входили по высокому парадному крыльцу. Над ним сверкал позолотой маленький купол, а над входом помещалась роспись или икона с изображением Богородицы. В центральном помещении расписан был и потолок. Над алтарём традиционно располагался самый большой купол, ещё

один был над звонницей, куда вела крытая галерея. Колокола в Еманжелинке славилась своими громкими голосами. Звук главного колокола, весом в 90 пудов, прекрасно слышали в Батурино, за 7 вёрст от станицы, и в Тимофеевке — в 10 верстах. Таким запомнился храм Клавдии Ивановне Хребтовой и Елизавете Георгиевне Палкиной (Кононовой).

Обе старые женщины в детстве постоянно бывали в церкви. А у Елизаветы Георгиевны с ней связаны особые воспоминания. Ее отец, Георгий Степанович Кононов, всегда был набожным человеком. После ранения на германском фронте в 1914 году он тяжело заболел и уже не мог обрабатывать свой надел. Он стал церковным сторожем, поддерживал порядок в храме и около него, постоянно молился. Елизавета Георгиевна вспо-

минает, как мать по вечерам приводила ее в церковь к отцу, и он показывал дочери изображения святых, рассказывал о их подвигах.

Прибился к церкви и другой инвалид. Фамилия его забылась, в станице он был известен как Никита Безногий. С какой-то из войн, скорее всего, с русско-японской, он, действительно, вернулся без ног, но не спился, не отчаялся. То ли по обету, то ли по какой другой причине он вызвался красить и подновлять церковные купола. Поднимался на верхоутуру без всякой страховки и никогда не принимал помощи. Свою добровольную работу он выполнял до самой смерти, а умер казак вскоре после революции и, к счастью, не увидел, как разрушали его храм.

Сто сорок четыре года, с 1773 по 1917, жила еманжелинская церковь без больших потрясений. Хотя горела, восстанавливалась, перестраивалась, но всегда оставалась духовным центром станицы. Были прихожане и у староверческих часовен. Две самые значимые поставили в Еманжелинке и в Таяндах. Сложенные из вековых бревен, окруженные каменными заборами, часовни больше напоминали крепости. Однако и они не выстояли в бурях нового времени.

С установлением советской власти, с началом гонений на религии пошла другая жизнь. Как и по всей стране, в Еманжелинке запрещали встречать Рождество, устраивали шутовские представления на Пасху. И православные, и двоеданские приходы неуклонно редели. Однако истинно верующие все равно собирались в храмах. Конец

наступил в 1930-м году. Об этом рассказывала Варвара Ивановна Куликова, свидетель почти всех важных событий местной истории. Ее воспоминания записаны и приводятся практически дословно: «В 1930-м я ещё венчалась в ней [в церкви], в 1931-м её сломали летом. Алёша Солдатов вышел тогда из армии. Хороший парень был, умный, крепкий. А тогда кто за коммунистов был, кто за Бога, кто куда. И вот он выискался: «Я полезу крест сбрасывать!» Ну, и полез. Залез на крест, сел верхом. А крест большущий был, с полу-то маленький казался. А там... И запел:

*Бога нет, царя не надо,
В алтаре попа убьём.
Провались земля и небо -
Мы на кочках проживём!*

Ну, и с кочки-то шабаркнулся. А вот не убился, а дураком сделался вот. С год в больнице лежал, а остался дураком. Так дураком ходил. Соберёт ребятёшек маленьких, лет по 8 по 10. Марширует. Он начальник, командует ими».

Судьба Алёши Солдатова большевиков не остановила. Окончательно церковь разобрали в 1933-м. Кирпич вывезли на Еманжелинские копи. Он пошёл на строительство хлебозавода и, возможно, школы № 1. Иконы разобрали по домам. Несколько лет спустя, в 1948 году, изображения святых пере-

дали молебному дому на тех же копиях (теперь это город Еманжелинск). До сих пор часть из них сохраняется во Введенском храме города, а Еманжелинск по праву считается крестником села, получившим от казачьей станицы имя и благословление.

Староверческие часовни тоже разобрали. Брёвна отправили на копи, чтобы делать крепь в шахтах, а из каменных оград в войну выложили фундамент механического завода у станции Еманжелинской (сейчас завод относится к Зауральску). Так что главное предприятие в соседнем поселке стоит на староверческих камнях.

От староверов остались кладбища, которые раньше «охранялись» часовнями, и скит в пещерах за Коелгой. Скит славился монахинями-златошвейками и начетчицами. Там по-прежнему совершались службы. Атеистическая власть терпеть такого не могла, и монахинь разогнали. Кладбище в Таяндах вынудили забросить, хотя там до сих пор находят вросшие в землю надгробия с древнеславянскими надписями. А с захоронениями в Еманжелинке расправились кардинально.

В 1934 году на месте кладбища стали строить МТС (машинно-тракторную станцию). Из земли выворачивали долбленые домовины. Родственники плакали: тогда еще немало было коренных жителей,

и здесь хоронили из поколения в поколение. По совпадению или намеренно въезд на территорию станции устроили там, где были кладбищенские ворота, а на развалинах часовни кто-то посадил тополь.

Со временем МТС сменила «Сельхозтехника», потом — машиностроительный завод, саженец вырос в огромное дерево и был спилен, но и сегодня краеведческие экскурсии обязательно проходят мимо производственных корпусов, возведенных на костях — в буквальном смысле слова.

А у сельской церкви в 1997 году началась третья жизнь. Тогда на общем сходе атаман еманжелинских казаков, Анатолий Георгиевич Щербаков, предложил возродить храм, и жители его поддержали. Строительство шло долго и трудно. Только в 2003 году здание осветили, а сбор средств на возведение звонницы и установку колоколов продолжается по сей день. Но церковь действует, привлекает прихожан, и надо надеяться, век ее будет долгод, ведь по старым понятиям не может поселение зваться ни городом, ни селом, если нет в нем храма. ☞

▼ Николай Токарев на вершине Косьвинского Камня.

ПЕСНЯ, СТАВШАЯ ГИМНОМ

Иллюстрации предоставлены автором

Телефонный звонок из южного далека раздался, когда друзья собрались за именинным столом. Приятель юности по туристским походам, поздравив, услышал в ответ: «Хочешь послушать - для тебя споем. Помнишь?..» И в Краснодарье понеслись упругие слова: «Уральские горы, седые увалы...».

— Как не помнить, — трубка хмыкнула. — Сам сочинял. Могучие кедровые ели красавицы...

Вот это да! Одна из самых значимых для нашей братии песен столько лет и зим бытовавшая без автора, оказалась самой что ни есть своей, доморощенной. Для тех, кто поднимался на уральские вершины, сплавлялся по бурным водам горных рек, слова песни близки и понятны. Мелодия проста, сама собой выводится. Тягуча, как подъем к перевалу с увесистым рюкзаком. Но вот припев — и с каждой новой строкой песня крепнет, ширится, словно шаг при по-

явлении второго дыхания, когда уже ни валуны под ногами, ни сопротивляющиеся высоты тебе нипочем.

«Уральские горы» — так и называется эта песня — удачный опус из 1963–

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Галина Гулина

43 года в журналистике. Фотокорреспондент, корреспондент, редактор. Работала в газетах «Серовский рабочий», «Трудовая вахта». Автор очерка о городе Серове в серии книг «Урал: история в лицах городов». Член Союза журналистов России.

◀ Встречая рассвет.

▶ Район Кытлыма.

Уральский следопыт, август 2012

1964 годов двух юных красногуринцев. Ни музыкантами, ни поэтами оба не слыли, учились в индустриальном техникуме: один на теплотехника, другой — на электрика.

В истории песни косвенно замешан и третий. Отправляясь на армейскую службу, Юра Марчуков подарил свою выдавшие виды гитару другу Коле Токареву и сказал: «Приеду через три года, будешь мне песенки играть». Ничего не оставалось, как купить самоучитель и засесть за изучение. Давалось эта наука Николаю трудно. До сих пор не верит, что её можно осилить без посторонней помощи.

Был среди Колиных закадычных приятелей Валя Ламм. Вместе хаживали в походы. Паренек более светский, имел опыт выступления на сцене, пел патриотические песни. Музыкальными же инструментами тоже не владел. И решили друзья вместе осваивать гитару. После учебных занятий спешили домой и допоздна брэнчали на струнах. У Валентина получалось лучше, Николай старался не отставать.

Туристы-студенты на финише учебы надумали подарить альма-матер свою песню, как это сделала прежняя туристская гвардия техникума, оставившая после себя полюбившуюся всем песенку «Старая гитара». Валя с Колей долго писали и переписывали текст, подбирали мотив. Что получалось, показывали товарищам. Те слушали, что-то предлагали своё. В конце концов, родилась таки песня.

Впервые прозвучавшую в стенах Красногуринского индустриального техникума песню стали петь у походных костров. Она быстро разлетелась по просторам. С годами обрела негласный статус гимна туристов Северного Урала.

А ребят, что причастны к её созданию, жизнь, действительно, разбросала. Токарев по направлению учебного заведения приехал работать в соседний Серов. Здесь встретил свою Надежду.

Когда родилась Аришка, молодая семья перебралась в Брянск, на родину супруги. Теперь чета Токаревых живет на кубанской земле.

Николай о друге-Вальке давно не слышал — возможно, тот переселился в Германию. По крайней мере, в недавний приезд в родной край не нашел своего студенческого приятеля среди давних друзей, а так хотел бы с ним повидаться.

Горный массив в районе поселка Кытлым Токарев в юности знал, словно свои пять пальцев. Сначала, как все мальчишки, встав на лыжи, укрощал крутые склоны пригорода. Почувствовав силу и уверенность, стал держать ориентир на настоящие горы — и как же могло быть иначе, если вот они, совсем рядом! Магнетизм возвышающихся вершин, даже в жаркий июль с белеющими пятнами снежников, будоражит кровь беспокойным романтическим натурам.

Из Токарева вышел настоящий фанат красот и таинственности уральского горного края. Каждый выходной

▲ В горах.

ные опасности походные неожиданно-сти, шлифовал он свой характер.

В Серове его страсть к горам стала толчком к новой волне увлечения туристическим досугом на заводе ферросплавов. Объединила молодых и уже бывалых туристов. Ни один выходной не проходил без походов. Сплочение единомышленников вылилось в большее — ферро-

сплавщики стали инициаторами и организаторами небывалых турслетов — майских ТВНов под девизом «Туризм веселых и находчивых». Весть о них в 70-е годы разнеслась по всей стране. Николай Токарев — комендант первых слетов на Шихане.

О его профессионализме и отваге, оперативности и решительности (пригодилась-таки юношеская закалка!), позволивших не допустить серьезное ЧП в Брянске в 80-е годы, писали центральные газеты. Пришла чернобильская беда — не оказался в стороне: участник ликви-

дации аварии, награжден правительственными наградами.

Далеко от родных мест Николай Токарев, но Урал остается в его сердце. Снятся горы, не забываются старые песни. Супруга, бывало, скажет: «Как ты всё это помнишь, а что надо — забываешь!».

А разве можно забыть такие вот слова?

*«Если хочешь туристскую дружбу
Отыскать среди елей и скал,
Не стремись на Белуху и Ужбу,
Соберись в поход на Урал...»*

Это уже из гимна всех уральских туристов. У этой песни своя история, тесно переплетенная с судьбами её создателей и исполнителей. **УС**

*Уральские горы, седые увалы,
Могучие кедры и елей краса,
Горных речек веселость,
Неба близкого звездность...*

*Не забуду, Урал, я твои чудеса.
И бродят там нарны, упрямы, как камни.
И песни чуть слышно бродяги поют
О дорогах таежных, о ночевках тревожных,
О девчонках любимых, о дружбе мужской.*

*А дружба мужская, как песня простая,
Крепка, словно камни уральской гряды.
И тускай ветер жизни тех ребят разбросает,
Но дорогу друг к другу они проторят.*

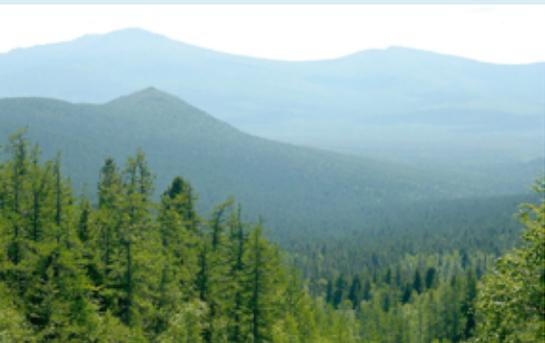
И вновь припев, а затем повтор первого куплета.

с товарищами, а часто и в одиночку — то на Конжак, Косьву, на Серебрянский Камень или вершины чуть ниже, но не менее притягательные. На рейсовом автобусе или гоночном велосипеде, затем путь в гору: летом — пешком, зимой — на лыжах по проторенному кем-то следу или прокладывая себе путь.

Из Красногуринска до Кытлыма километров 60, из Серова — все 100. До вершины Конжаковского Камня и обратно — как раз марафонская дистанция. Но для молодости и азарта это не расстояние.

— Трусоватым был, — откровенничает по истечении десятилетий Николай Иванович. — Так вот и боролся со своим страхом...

В тайге, в горах, в любое время года и при любой погоде преодолевая пол-

Эмиль Марианович Сенкевич. Человек. Исследователь. Врач.

Часть IV.

О ритуалах вогулов.

За три года службы объездным врачом Доктор Сенкевич сумел объехать огромную, даже по нынешним временам и возможностям, территорию, познакомиться и вникнуть в характерологические особенности вогулов Тавдо-Кондинского края. Его заметки, дошедшие до нас в виде охотничьих записок, уникальны. Будучи прекрасно иллюстрированы многочисленными фотоснимками, они представляют собой огромную историческую ценность,

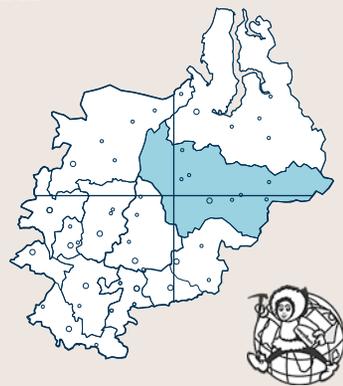
Вот как описывает их доктор:

Нерпалы – наиболее глухой угол Кондинского края. «Нерпалы» – в переводе с вогульского, – болото. Можно представить, что это за местность, если даже вогулы, привыкшие к болотам, называют его «болотом»!..

Местность эта занимает бассейн рек Тетера, Тапа и верховья Юконды и Касата. Некоторые селения, например, Усенах, даже с вогульской точки зрения в отношении выбора места не выдерживают критики. Со-

Фото предоставлены авторами

ХМАО

Наталья Бердюгина

Путешественник, действительный член
Русского Географического Общества.

Алексей Слепухин

Путешественник, врач, действительный
член Русского Географического Общества. Победитель конкурса «Многоликая
Россия – 2010».

поскольку автору удалось запечатлеть и донести до нас через сто с лишним лет интереснейшие зарисовки из жизни инородцев Урала и Западной Сибири, передать ощущение их неразрывной связи с природой.

Наибольшее внимание в своих записках он уделяет той территории, что осталась менее изменённой с давних времён. В особенности это уголок Пельма от реки Оус (правый приток Пельма) до Вершинскогопауля, а также Нерпалы.

▲ Вогулы в Есунт-пауле. Крайний слева – Данила Немельский (охотник-промышленник, поразивший своими охотничьими успехами Эмиля Мариановича, «герой» многочисленных эпизодов в заметках врача) со своими сыновьями: тринадцатилетним Филипом (по прозвищу Пилька) и семнадцатилетним Сафронием (Сопша). Группа сидит на лодке-долблёнке. Вогулы на фотоснимке одеты уже не в традиционную одежду, а в купленную или обмененную у русских. Лишь бродни – лучшая обувь для здешних мест без каблука с мягкой, широкой подошвой, крепко привязанная к ноге около щиколотки – на крайних справа мужчинах подчеркивает их принадлежность к инородцам. Да лица запечатлённых на фото – вот и всё. Жаль, что дневники доктора канули в небытие – возможно, что в них было много любопытных деталей о фотогероях-Сенкевича (архив Областного музея истории медицины)!

◀ Эмиль Марианович Сенкевич
(Архив Сенкевич Т.А.).

хранились предания, что сюда переселялись в старину, спасаясь от притеснений завоевателей русских. Связь между отдельными селениями края этого очень слаба. Особенно плохое сообщение с Леутымьей, Касатом, Яхват-паулом и Вершиною. Чтобы попасть из бассейна Тапа, из паула М. Тап, в Леутымью зимою (в начале декабря), приходится рисковать провалиться в незамерзающие пропарины болот; на озёрах мешают большие наледы, а по берегам и перешейкам препятствуют передвижению огромные заносы снега. Летом приходится то нести челн на себе по топкому болоту, то ехать на лодке по многочисленным озёрам. Такое путешествие сплошное мучение.

В прежнее время это болото имело ещё большее значение, как естественная преграда победоносному шествию русских завоевателей и колонистов вглубь края и как защита побеждённых инородцев. Этим объясняется резкая разница, наблюдаемая в характере населения, культуре и в образе обеих сторон этого болотистого пояса.

Нерпальские вогулы отличаются диким и недоверчивым нравом. Вместе с этим вогулы скрытны, особенно когда дело касается религиозных верований, ибо до сих пор большинство вогулов поклоняется шайтанам.

Именно эти верования всегда привлекали к себе внимание путешественников и исследователей. Эмиль Марианович не был исключением из этого числа. Несмотря на постоянное недоверие со стороны вогулов, доктор Сенкевич за время своих путешествий сумел запечатлеть несколько интереснейших моментов, характеризующих самобытные верования инородцев.

Давайте же познакомимся с этими прелюбопытнейшими фотоснимками Эмиля Сенкевича, посвящённых ритуалам инородцев.

Безусловно, что перед нами — приношение вогульским богам. Иерархию божков (не вдаваясь в глубокие рассуждения) условно можно представить примерно так: были боги «высшего»

порядка (например, Нуми-Торум — бог создатель или Каттащ-Эква — жена или сестра Нуми-торума), которым поклонялись все вогулы без исключения. Затем следуют боги «средней руки», весьма почитаемые не только целыми родами, но и фратриально (фратрия — совокупность нескольких родов, но у вогулов — половина народа). И, наконец, «местечковые» — божки, которые «жили и помогали» вогулам в их охотничьих угодьях и ареалах обитания. Конечно, вогулы почитали всех богов, но за практическими вопросами у себя в пауле чаще всего обращались к тому из них, кто мог решить насущные вопросы.

Сейчас утверждать, кому из богов именно было посвящено это священное место, затруднительно, но не исключено, что посвящено оно могло быть Чохрын-ойке или же Сяхыл-Торуму (богу — грома). Чохрын-ойка — один из любимых добрых духов. Он покровитель охоты и рыболовства, он находит оленей, отбившихся от стада. Может остановить течь в лодке и излечивать болезни. Обоим богам приносили в дар острые предметы: Чохрын-ойки старались подарить нож, а для Сяхыл-Торума узкие железные клинки. И в том и в другом случае, наконецники — желанный подарок для обоих божков!

► Жертвенные наконечники со стрелой, Сум-пауль. Уникальный кадр сумел запечатлеть Эмиль Марианович, поскольку вогулы не любили посвящать в свои ритуалы пришельцев, а уж тем более и показывать им что-то. На снимке воткнутые в сосну четыре железных наконечника на ритуальной площадке возле Сум-пауля в Нерпалы. К одному из них прикреплена стрела без оперения, но с сформированным раздвоенным кончиком для тетивы. Стрела зафиксирована на черешке наконечника, но под прямым углом к его оси так, чтобы располагалась она вдоль дерева, дабы не мешать и не быть сбитой случайно. Два ближних к объективу наконечника (один из них со стрелой) имеют ярко выраженную килевидную форму, но шипы выражены слабо. Зато два дальних обладают длинными шипами. Все наконечники плоские и черешковые (Архив Сенкевич Т.А.).

▼ Семья вогулов у летнего берестяного чума (снимок экспедиции Носилова К.Д.). Фото из архива Ерохина Н.Г.

Вот как описывает в своей книге «У вогулов» ритуал жертвоприношения на святилище Чохрын-ойки известный уральский путешественник, член Русского Географического Общества Константин Дмитриевич Носилов, когда зимой в 1880-х годах на Северном Урале ему удалось принять участие в этой вогульской церемонии:

Впереди шел старик Сопра, который время от времени снимал тонкие синие нитки с настороженных острыми стрелами громадных луков. Эти луки полностью окружали кедровый бор, так что попасть на место можно было только по тропинке, известной одному хранителю. В центре поляны стоял деревянный амбарчик на двух опорах, с оленьими рогами на крыше. Внутри амбарчика находилась фигура Чохрын-ойки в мехах, шарфах и опоясках; на ее голову были надеты три островерхие шапки из черного, красного и синего сукна, украшенные медными бубенчиками. Лицо оказалось деревянным, нос был обозначен грубым сучком, глаза — свинцовыми пулями. Вокруг идола стояло с десяток маленьких деревянных крашеных и позолоченных чашек, в одни были положены крендели, в другие — пряники и белый хлеб. По углам лежали десятки сломанных ножей; по стенкам амбарчика были развешаны ишкурки

бобров, темно-бурых лисиц, соболей, белок и россомах. Фигура духа-покровителя представляла собой деревянный кол с вырезанным на конце лицом, ушами и руками в виде палочек, ног не было. Шея идола была обмотана массой шелковых платков, в углах которых были завязаны серебряные екатеринские и более поздние монеты. Меховой халат из соболей также был увешан платками, лоскутами парчи и кусками мате-

рий всех цветов. Отовсюду сыпалось серебро, включая монеты разного достоинства и старинные ажурные маленькие чашечки, на дне одной из которых были изображены драконы и какие-то чудовищные птицы и звери. Жертвоприношение происходило неподалеку от амбарчика. Когда оленей поставили перед костром и за перекинутую петлей веревку ухватилось по два человека, старик Сопра запел громким голосом.

► Наконечники с Сосьвы. Экспедиция «Команды Искателей Приключений», 2010 г. (Фото А.Слепухина).

Вогулы стали кричать, одни из них давили оленей веревками, другие пускали в них стрелы. Туши разделили, мясо опустилось в котлах, а сердце, почки, уши, мозг и печень были положены в чашки. Лакомство облили кровью и понесли Чохрын-ойке. Завидев идола, вогулы с криком упали на колени и завывали диким, отчаянным голосом. Старик первым полез по лесенке в амбарчик и поставил перед фигурой чашку, за ним последовали и все остальные, после чего все опять упали на снег, продолжая громкие молитвы. Затем шкуры убитых оленей повесили на жерди рядом с амбарчиком, старик вновь читал заклинания и взмахивал руками, вогулы то повторяли за ним, то падали и молча лежали на снегу. Вернувшись на жертвенную площадку, вогулы устроили ужин, поедая сварившееся мясо. Итак, одним из примечательных духов-покровителей вогулов Северной Сосьвы являлся Чохрын-ойка «Старик-нож». Манси полагали, что летом он живет в виде стрекозы, а зимой в облике человека ходит на лыжах с подволокой из выдры. Чохрын-ойка был хорошо известен вогулам не только как лекарь, но и как помощник призрачного рода происшествий на воде: если в лодке течь, вокруг ножа наматывали три табачных листа, скрепляли их красной лентой, и затем нож вгоняли в крышку

какая. Позже этот нож с попутчиком посылал хранителю Чохрын-ойки.

Сяхыл-Торум, будучи младшим братом или даже сыном Нуми-Торума, по мансийским верованиям, был богом-громовником, т.е. небесным всадником с огненным оружием (например, стрелами), которыми и поражал менквов (злых лесных существ), которые то и дело стремились помешать или даже навредить людям.

Вогулы приносили в дар Сяхыл-Торуму не только длинные узкие клинки, желательнее с изображением антропоморфа, т.е. с человеческим обликом, но и стрелы. Можно сделать предположение, что именно такое жертвенное место и высмотрел наш герой. Хотя с полной уверенностью, кому посвящена эта жертва, утверждать сейчас крайне затруднительно.

Во время одной из наших экспедиций на Северный Урал, нами была найдена ритуальная площадка, на вершине одной из скал реки Сосьва. Здесь мы нашли 19 железных и один каменный наконечник. Весь комплекс располагался достаточно компактно. Наконечники разные — есть и охотничьи и «боевые». По всей видимости, и выкованы они были в разное время.

▲ Ещё одно «священное место» вогулов. На сухой обрубке березы они навесили два священных платка — арсына. После печати данного фотоснимка автор, Эмиль Марианович Сенкевич, вручную прокрасил их в красный цвет. Видимо, доктор Сенкевич нашёл так называемый «привяз-оберег». Возможно, вогулы приобрели для ритуальных целей кумачовые отрезки, аршины (по-мансийски арсын), для оказания почестей своим богам. Вогулы не только «дарили» вещи в ўра-сумьяхи (ритуальные лабазы) для пүпынгов (идолов), но вот так же навешивали их на деревья (Архив Сенкевич Т.Л.).

Наличие такого скопления наконечников в одном месте — подтверждение жертвоприношения мансийским (вогульским) богам.

На представленных здесь снимках видно, что и спустя пятнадцать лет после экспедиций Носилова К.Д. и его

▲ «Священное место» вогулов близ паула Евринского (на реке Евра, правого притока Конды). На жердях видно жертвоприношение из кусков материи. На земле — бесчисленные наконечники стрел (плохо вышедшие на фотографии) (Архив Сенкевич Т.Л.).

◀ Современный «привяз-оберег» возле Пома-пауль, родового поселения Пакиных. VIII мансийская экспедиция, река Пома, 2005 г. (Фото А.Слепухина).

спутника Инфантьева П.П., вогулы хоть и были вынуждены отступать всё дальше в глухие и болотистые места, например в Нерпалы, но и там они старались оставаться теми же вогулами-язычниками, как их принято было называть долгое время...

Этот небольшой фотосюжет, снятый нашей мансийской экспедицией в июле 2005 года возле Пома-пауль, подсказывает нам, что и сейчас для манси важны обереги. Поэтому и существуют вот такие «привязы» неподалёку от Пома-пауль. Сохранение обрядовости у современных манси — вопрос очень непростой. Сколько времени мы пытаемся заставить этих людей жить и думать, также как и мы, верить и ценить исключительно те же материальные ценности, поправ их устои, культуру и мировоззрение! Лишь изредка нам удаётся соприкоснуться с чем-то удивительным. Для подтверждения этого утверждения приводим небольшой отрывок из собственных впечатлений во время пребывания в гостях у манси Пакиных.

Вечер приносит необходимую прохладу. Но вместе с тем, активизируются и комары. В июле здесь ночи светлые, точнее это даже не ночи, а марево. Вдруг спавшие собаки меновенно оживают. Лай и волнение длится бурно, но не долго. Мы замечаем невысокую фигурку подростка, приближающегося к нам. Примечателен облик гостя, точнее гостыи. На лицо надета берестяная маска (искусно сделанная!) для проведения праздничного ритуала и для отпугивания злых духов (возможно, менкво), традиционное женское платье манси материи оранжевого цвета с неизменными вишивными полосками на вороте,

груды, манжетах и краю подола. На спине горб. На ногах у гостыи нярочки — мансийская обувь. На голову надета старая писцовая шапка — возможно, ничего достойного не нашлось! А поверх маски надеты ещё обычные очки. Для чего вот только?!

А ещё в руках у неё новтуп — инструмент для выскабливания шкур... Видимо, для усиления образа!

Ещё минуту назад всолошившиеся собаки лаяли, а сейчас они уже лениво лежат у своих конурок, безмолвствуя. Мы быстро признаём в госте младшую сестру Миши — Варю. Также как и брата, уговариваем почаёвничать с нами. Но Варя, ни слова не говоря, уходит.

Мы пытаемся у Марины, Прокония и Виктора разузнать, чему был посвящён маскарад, но они, улыбувшись, отмалчиваются. Нас пытались поразить, но рассказывать не хотят.

Во время написания статьи мы не могли удержаться от цитирования повествований двух уральских путешественников — Константина Дмитриевича Носилова и его дальнего родственника Порфирия Павловича Инфантьева, которого Носилов и пригласил с собой в путешествие по Кондинскому краю в 1882 году — на тринадцать лет раньше служебных скитаний героя нашего цикла статей. У нас сложилось мнение, что первоначально Порфирий Павлович долго не мог проникнуться симпатией к вогулам, но по возвращению экспедиционеров в Екатеринбург, отношение к наивным инородцам изменилось. Да так, что с середины 80-х годов позапрошлого столетия Инфантьев не просто полюбил занятия этнографией, но и будет заниматься этим профессионально.

Здесь мы приводим небольшой отрывок из его очерка «Жертва вогула» (Рассказ из жизни вогулов), опубликованный Изданием книжного магазина П.В. Луковникова в 1912 году:

Прошёл год. Снова Тимоха лежал на нарах, раздумывая о предстоящей охоте.

«В прошлом году опять было зверя мало. Не помогла и жертва Хуму (божок), — напрасно только на сивку деньги попрашили. Нет, верно, правду говорит шаимский поп, что не следует нашим шайтанам приносить жертвы. Но тогда, кому же молиться? Кого просить о том, чтобы в лесах водились звери, а в реках рыба? Может быть, и в самом деле, как говорит поп, святой Никола сердится на то, что мы поклоняемся нашим шайтанам?»

С этими мыслями Тимоха заснул, и ему привиделся сон: он только что надел лыжи и собрался иттизверовать, как вдруг из урмана вышел на встречу старик с густой седой бородой, очень похожий на святого Николу, изображение которого он видел на церковной паперти в Шаиме. Старик подошёл к нему и, гневно сверкая глазами, вскричал:

«Почему ты, Тимоха, ни разу не принёс мне никакой жертвы?»

Голос у святого Николы прогремел, как гром, по всему урману, и от испуга Тимоха проснулся. Он сел на нарах и задумался над сновидением.

«Как же это так?» — размышлял он: — ведь поп говорит, что св. Никола не нуждается в жертвах, что он любит одни только восковые свечки, а вот же он сам ко мне являлся и требовал жертву. Поп, значит, сам ничего не смыслит, а из-за него мы прогневили св. Николу, и он разогнал от нас всех зверей. Значит, надо, непременно надо умилиستивить св. Николу».

На следующий день, не говоря никому ни слова о своем сновидении, Тимоха, захватив с собой белянькаго барашка, которые водились у него для жертвоприношений шайтанам, сел в лодку и отправился в Шаим.

Дорогой он ночевал в лесу и нарочно не заезжал ни в один попутный пауль, чтобы не возбудить в ком-либо подозрения в своем намерении, так как он боялся, чтобы кто-нибудь не донес на него попу.

Через два дня пути, ночью, он причалил свою лодку к берегу в Шаиме, недалеко от церкви. Выйдя со своим барашком на землю и осмотревшись, он начал осто-

рожно пробираться к церковной оградке, ворота которой никогда не затворялись.

Ночь была темная, и ни одной живой души не было видно. Все спали. Войдя в ограду и поднявшись на паперть, он стал перед иконой Николая Чудотворца и, перекрестившись, разложив под иконой барашка, он воткнул ему в горло свой нож и подставил под брызнувшую струю крови чумашку. Когда последняя наполнилась дымящейся кровью невинного животного, он выпил её, потом нацедил снова и с наивной, но великой верой начал мазать кровью губы на иконе угодника.

После этого он вымазал этой кровью также и свой лоб и, оставив зарезанного барашка у ног святителя, сел в лодку и с облегченным сердцем и успокоенный совестью отправился домой.

Ноу Тимохи в этом году промыслы опять были неудачны, и он до сих пор недоумевает: кому же и как он должен молиться?!...

А вот ещё одна путевая зарисовка доктора Сенкевича о «ритуалах» и мировоззрении вогулов: Поскольку сообщение с Нерпалами было затруднено, то сюда никогда не попадали в прежнее время священники, и многие семьи оставались невенчанными и некрещёнными, а лишь отмечались заглазно в метрических книгах.

Изредка, примерно раз в 2–3 года, вогул появлялся за покупками в селе Сатыжинском (единственное место, где можно было приобрести продукты), и тогда между священником и нерадивым христианином происходил приблизительно такой диалог:

— Что же это ты, Аввакум, до сих пор живешь со своей женой, не обвенчавшись? Вот уже шестой год живёте, а не собрались обвенчаться.

— Та вот, патыюска, трутнотопраться то тебя!

— А сколько народили детей?

— Уже три, патыюска.

— Смотри, придётся донести на тебя в Тобольск. Уж очень нынче строго на этот счёт.

— Потерпи малостьесцо, как-нибудь соперемся, а пока восьми это.

И батюшке вручается шкурка соболя или выдры, нивесть откуда появившаяся в руках вогула.

Так обстоят отношения вогулов со священниками...

Как видно из этих воспоминаний, вогулы продолжали приносить дары своим богам так же, как и их предки на протяжении многих веков. Но в создавшихся обстоятельствах они вынуждены были иметь «взаимоотношения» и с православной церковью. Современ-

ные манси тоже считаются христианами, но это совсем не мешает им продолжать верить в своих богов.

В наших экспедициях нам приходится «добывать» этнографический материал буквально по крупицам — слишком велико влияние цивилизации на современных вогулов. Но эти крупицы дорого стоят! Эти материалы дают нам возможность наблюдать за изменениями в укладе и верованиях мансийцев. Вот небольшой пример. Во время экспедиции в январе прошло-

уголок этого платка был завязан в ритуальный узел, в который был продет старый напёрсток без доньшка.

Вместе с тем, в избушке бабушки Насти естби «красный угол», в котором стоят современные иконки Иисуса Христа, Богородицы и святого Николая.

Вот такие они манси — умудряются сохранять древние ритуалы и не забывать «договариваться» с православными богами...

Прошло более ста лет после экспедиций и путешествий Н.Л. Гондатти,

го 2011 года нам довелось пообщаться с одним из старожилков мансийского народа, бабушкой Настей Бахтияровой из поселка Полуночное, чуть севернее Ивделя, «столицы Манси-Ма». Бабушка преклонного возраста обладает, к сожалению, слабым зрением, поэтому разговор и знакомство с нашим фотоархивом манси снимков разных лет XX столетия ни к чему не привёл. Ну, не видит человек. Рад бы, ан нет! По реакции Анастасии Михайловны было видно, что ей очень любопытно было бы рассмотреть фотокарточки! Хотелось посмотреть настоящую, но уже исчезнувшую, мансийскую жизнь; распознать давних знакомцев и родственников...

Не получилось. Пока пытались рассмотреть фотоальбомы, меняли очки, надеясь найти что-нибудь приемлемое. В нехитром жилище бабушки Насти нашлось несколько пар очков от разных людей, каким-то чудным образом попавшие к ней. Но, нет, ни одна из найденных оправ не подошла. Жаль...

Но зато мы отметили одну любопытную деталь. Из выдвижного ящика шкафчика бабушка Настя вместе с оправой достала цветастый платок кистями! Любая мансийка не откажется от такой красоты! Вот только один

▲ Бабушка Настя Бахтиярова. Архив мансийской экспедиции «Команды Искателей Приключений». Пос. Полуночное, Ивдельский район, январь 2005 г. (Фото А. Слепухина).

К.Д. Носилова, А. Каннисто, Инфантьева П.П., но также как и их далекие предки, современные манси продолжают нас поражать своей непредсказуемостью, сохраненными, пусть и изменёнными, мировоззрением и культурой. И пусть у них, лесных жителей, сохраняются свои «детские» представления о мире и его создателе, горных духах, всесильных ойках, живущих в удивительных горах и причудливых скалах, пупыньгах — чудных идолах и других лесных существах...

Пусть манси продолжают верить в своих всесильных богов, не спеша влиться в обезличенную мегаполисную толпу, где у всех всё одинаково! И отрадно осознавать, что позабытые фотоснимки доктора Сенкевича позволяют нам, жителям больших городов, задуматься над сохранением уникальной уральской культуры, пришедшей к нам из далёких времён... [G]

◀ Варя Пакина «в образе». VIII мансийская экспедиция, река Пома, 2005 г. (Фото А. Слепухина).

МОСКВА, КОСМОС –

Из воспоминаний

Фото предоставлены автором

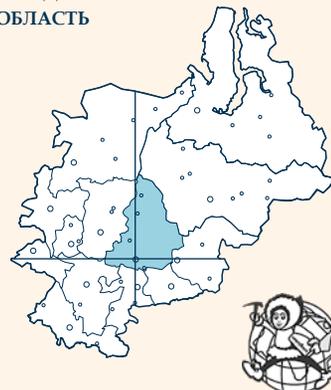
Есть в уральской столице — Екатеринбурге (в прошлом – Свердловске) построенной, как утверждают, подобно древнему Риму – на семи холмах, живописная возвышенность, называемая Обсерваторской Горкой. Она сравнительно невелика, но жители города хорошо её знают. Название её ведётся с дореволюционных времён, когда здесь существовала метеорологическая обсерватория.

Мне эта Горка знакома с юных лет. Нередко вспоминаю её; а порой — освещённая солнцем, окруженная цветущей сиренью — она видится во сне. Но чаще Горка снится вечерняя, при свете зажигающихся звёзд, таинственных и загадочных. На этом холме недалеко от метеостанции в 1960-х годах возникла ещё одна обсерватория, астрономическая, Уральского госуниверситета (УрГУ). На ней я познакомился с уральским небом и со своими однокурсниками — студентами физического факультета, на который поступил в 1962 году.

Впрочем, самая первая встреча с будущими друзьями произошла не в городе: в сентябре, сразу после вручения студенческих билетов, нас погрузили в кузов грузовиков и отправили на уборку картошки, в отдалённый район.

Работать предстояло весь сентябрь. Поселили нас по 3–4 человека в деревенских избах, потеснив их хозяев, которым пришлось спать на полу. Торопясь использовать тёплые, сухие дни, мы вставали до рассвета, трудились без выходных, на огромном, бескрайнем поле, вдали от деревни, в которую возвращались уже в темно-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Валентин Моисеев

Инженер, выпускник физического факультета УрГУ. Автор нескольких публикаций в «Уральском следопыте». Живет в Нижнем Тагиле.

▶ Обсерваторская Горка. У павильона, 1965 год.

◀ Астроном Геннадий Иванов, река Чусовая, 1977 г.

▶ Коуровский стройотряд, лето 1963 года.

▶ В колхозе, осень 1963 года.

те, с трудом отыскивая свой дом при свете карманных фонариков. Кормили нас неважно. В полдень на поле привозили бидоны с молоком и хлеб, на ужин варёная картошка — вот и всё «меню». Мы жутко уставали, бо-

СВЕРДЛОВСК, НЕБО

лели с непривычки руки, не разгибалась спина. Но вечером — аккордеон нашего командира третьекурсника Жени Пальгуева, танцы, песни. Мы не жаловались, не грустили и очень сдружились. Дали даже в сельском клубе небольшой концерт. Репетировали на кухне, когда чистили картошку. И вот уже на сцене замечательный дуэт девушек — Ирина Китаева и Галя Никитина:

*«Мир наш полон радостных чудес,
Зеленеет лес в пустыне голой,
Спутник режет небо надо мной,
До Луны подать рукой!»...*

Потом выходит Слава Карачунский с баяном, играет «Полонез» Огинского, сбивается и, добродушно ухмыльнувшись, начинает сначала... Хорошая у нас была группа, все скромные, некурящие, девушки простые и жизнерадостные, прекрасные и свежие безо всякой косметики — никто из них не красился.

▲ Астроном Лев Истомин.

◀ Выпускники и преподаватели после защиты дипломов, 1967 год.

математический и биологический располагались в четырёхэтажном здании на углу улиц Куйбышева и Белинского. Кафедра астрономии и геодезии находилась в другом здании, на соседней улице 8 Марта, это было очень неудобно. Она существовала с 1932 года, но во время войны была закрыта и воссоздана лишь в 1960-м году, который стали считать годом её рождения.

► Они строят обсерваторию, 1963 г.

◀ В аудитории. Второй курс.

Всего на первый курс физфака приняли 125 человек. Разбили на четыре группы физиков и одну — астрономов, она называлась А-101 и относилась к кафедре астрономии и геодезии, куда попал и я. Физический факультет, а также механико-

Заведующей кафедрой и её душой была талантливая, замечательно образованная и энергичная женщина Клавдия Александровна Бархатова. С первых же дней занятий она, вместе с другими преподавателями, стала учить нас звёздным наукам, передавая и свою увлечённость. Одновременно в нашем учебном плане (до специализации, начавшейся на четвертом курсе) были все те предметы, что и у студентов-физиков: математика, электродинамика, атомная и ядерная физика, квантовая механика и другие дисциплины. А также мы изучали геодезию, её читал любимый нами Николай Андреевич Куцериб, всегда спокойный, простой, великолепно знавший свой предмет. Общение с ним научило меня многому, и, прежде всего, аккуратности в работе с приборами и в записях. Однажды в обсерватории я небрежно завёл хронометр, закрутив пружину до отказа, что нарушило равномерность хода (кварцевых часов тог-

точное время до долей секунд; это запомнилось на всю жизнь.

Условия учёбы в университете были далеки от идеальных, особенно для иногородних студентов. Два общежития не вмещали всех нуждающихся в жильё, комнаты переполнены, грязные. Порой в пятиместной комнатухе стояли семь-восемь кроватей. Чтобы освободить хотя бы немного места, мы придумали ставить койки в два яруса. В одном общежитии имелась крохотная комнатка для занятий, в другом её вообще не было. В университетской библиотеке не хватало книг, имевшихся иногда лишь по два-три экземпляра, за ними в читальном зале занимали очередь. Да и мест в «читалке» было маловато, в летнюю сессию нередко приходилось идти заниматься на скамейки в соседнем сквере.

Трудности были и в моральном плане. Международная обстановка в 1962-м году необычайно накалилась, осенью при попытке ввода советских

▲ Не уходи, 1977 год.

◀ В стройотряде. Дежурная по костру Люда Кондратьева, лето 1963 года.

▼ На турбазе. Скоро вернёмся домой, 1977 год.

▲ В стройотряде. Прическа нужна всё равно. Таня Костарева, лето 1963 года.

▶ Выпускники физфака УрГУ, 1969 год.

▼ Первокурсники, 1962 год.

да не было). Николай Андреевич очень деликатно, но доходчиво объяснил мне мою ошибку и возможные последствия для результатов астрономических наблюдений, при которых важно знать

ракет на Кубу произошел Карибский кризис, мир находился на грани катастрофы. Нас вызывали в военкомат, клеивали в военные билеты красные бумажки — мобилизационные предписания. Молодой оптимизм выручал не всегда. Было не до учёбы, никто не знал, чем всё это обернётся. Но обошлось... Позднее делегация кубинцев приезжала в Свердловск, и мы видели совсем близко Фиделя Кастро. В сопровождении своих бородатых «барбудос» он довольно медленно ехал на открытой машине по улице Луначарского. Цвет лица кубинского лидера казался

зеленовато-землистым, видимо, от переутомления и непривычного для южан уральского климата. В нашей стране все любили маленькую героическую Кубу, искренне сочувствовали её борьбе за независимость.

Стоит сказать пару слов о нашем материальном обеспечении, оно было близко к нищенскому. Мы получали на первом курсе стипендию 22 рубля, на втором 24, и так далее. Простой обед в столовой стоил 50–60 копеек; надо было также платить за общежитие, покупать тетради, книги; карманы наши были всегда пусты. Не зря тогда шутили-

ли: портрет студента — это очки, скелет и студбилет. Многие старались по возможности подрабатывать — грузчиками, гардеробщиками, лаборантами. Конечно же, это мешало учёбе.

У студентов-астрономов имелась также совершенно особенная возможность приработки: нам разрешили проводить научные наблюдения искусственных спутников Земли (ИСЗ), что в те годы было экзотикой. Наблюдения вели по ночам, на Обсерваторской Горке. Там, возле небольшого одноэтажного здания, на бетонных столбиках стояли инструменты для наблюдений — ТЗК (трубки зенитные командирские), вроде спаренных изогнутых подзорных труб. Рядом с ТЗК располагались кнопки, соединённые проводами с хронографом. Задача наблюдателей заключалась в том, чтобы, увидев спутник, следить за ним и ждать, пока он окажется около каких-либо характерных групп звёзд, и нажать в нужный момент кнопку. Это называлось засечкой. Потом искали в звёздном атласе это место и определяли подписанные там координаты, а также считывали показания хронографа. Результаты передавались обычной телеграммой, но по необычному адресу: «Москва, Космос». Нам о приблизительном времени и месте прохождения спутников сообщали на адрес «Свердловск, Небо». Такие наблюдения велись по всей стране, в Москве их анализировали и получали ценную информацию о параметрах орбит и поведении спутников в полёте. За наблюдения нам платили — по 50 копеек за удачную засечку. При хорошем знании неба за ночь выполняли несколько засечек. Спустя неко-

торое время староста группы Валерия Барбашина выдавала заработанное.

Одной из главных трудностей наблюдений был холод. Самое ясное небо бывает холодными зимними ночами. Случалось, утром некоторые энтузиасты шли на лекции с отмоороженными щеками и носами. И, конечно, жутко хотелось спать. Если в интервале между прохождениями спутников удавалось задремать на овчинном полушубке, то снова идти на мороз было настоящим испытанием.

Зато как красиво звёздное небо! Невооруженным глазом видно не более 3000 звёзд, но если посмотреть хотя бы в обычный бинокль, это число возрастает многократно, и можно разглядеть целые звёздные цепочки и гирлянды причудливой формы. А как красивые названия созвездий! На небосводе сияли, например, Орион, Северная Корона, Волосы Вероники, Гончие Псы (наша Клавдия Александровна говорила «Гончие Собаки» — так ей казалось благозвучнее). Очень интересными объектами в те годы были необычайно яркие американские спутники связи «Эхо» — огромные, диаметром до 40 метров, сферы из тонкой полиэ-

фирной плёнки с алюминиевым напылением; на высокие (свыше 1000 км) орбиты они доставлялись в сложенном виде и там надувались, как воздушные шарик. Часто мелькали метеоры — только успевай загадывать желание. Тайнственно мерцал Млечный Путь. Всё это зачаровывало и будило воображение.

Но огни большого города очень мешали астрономам. Потребовалось искать новое место; оно было найдено недалеко от железнодорожной станции Коуровка, у реки Чусовой, вблизи старинного села Слобода. Летом 1963 года туда снарядили студенческий строительный отряд, и работа закипела. В отряд направили студентов-астрономов всех курсов, в том числе и почти всю нашу группу. Жили в палатках, обедом нас кормили на соседней турбазе. Под легким навесом мы ели борщи и каши, а комары ели нас. Всем сделали прививки от энцефалита — кругом тайга, в ней клещи. Впрочем, в те времена эти кровопийцы были гораздо менее опасны, чем теперь, и на них почти не обращали внимания.

Стояла жара, всё время хотелось пить. Бытовых удобств никаких не име-

► У солнечного телескопа, 1977 год.

▼ Защита дипломов. У доски Александр Мурашкин, 1969 год.

◀ Первые уральские астрономы, 1936 год.

лось, выручало купание в реке Чусовой. Правда, вода в ней имела красноватый оттенок из-за промышленных сбросов Первоуральска. Работа в стройотряде во время каникул являлась обязательной, за отказ грозило отчисление, только возражений и лени не было, мы знали — обсерватория нужна, прежде всего, нам самим.

Основные строительные работы заняли около двух лет, датой рождения

обсерватории постановили считать 12 января 1965 года.

Городская станция астрономических наблюдений на Обсерваторской Горке тоже продолжала работать и приносить пользу.

После двух лет учёбы наша университетская группа поредела — призывали в армию моих друзей Валерия Алексахина, Славу Карачунского, Витю Соколкина, Геннадия Иванова и других ребят. Правда, Иванов быстро вернулся, за него похлопотала Клавдия Александровна, ценившая одарённых своих учеников. И Гена, не доехав до места службы, был с полпути отпущен домой. Денег на билет у него не имелось, добирался зайцем. Несколько человек, не сдавших сессию, отчислили. На грани отчисления оказался умнейший Коля Макаренко (ныне крупный учёный, доктор наук). Экзамены он сдал легко, но не получил зачёта по... физкультуре. Его отстояла не стерпевшая несправедливости наша однокурсница Галя Загорулько, она добилась встречи с ректором, на что многие бы не решились,

фото Г. ЛЯМОВОЙ

▲ Весна в Коуровской обсерватории.

◀ Коуровка. На турбазе, 1977 г.

способности к научному мышлению. У него была интересная особенность — на экзаменах он задавал много вопросов и выводил оценки с точностью до сотых балла, и этого же требовал от помогавших ему ассистентов. Прекрасно читал курс математического анализа Энгельс Борисович Мураев, хотя к лекциям он, вероятно, не готовился; войдя в аудиторию, он первым долгом спрашивал кого-нибудь, на чём остановились в прошлый раз. Энгельс Борисович был очень рассеянным человеком, случалось, он клал в карман пиджака и потом не мог найти тряпку, которой стирал мел с доски.

На всю жизнь я остался благодарен нашей преподавательнице немецкого языка Елизавете Ефремовне Кагонер, добрейшей и простой, искренне стремившейся передать нам свои знания. Она умела очень увлекательно проводить занятия, мы любили этот предмет.

Запомнился преподаватель общественных наук по фамилии Петерюхин, он не был злым человеком, но всегда принимал экзамены необычайно долго, допоздна. Ночью университет охраняли собаки-овчарки, и однажды в коридоре они бросились на наших

фото Г. ЛЯМОВОЙ

► Две Галки - астрономы Лямова и Загорулько.

убедила не наказывать Николая столь строго.

Преподаватели на физфаке были самые разные. Некоторые — заурядные, безликие, а другие запомнились с первых дней учёбы. Особенно все любили лекции казавшегося нам очень пожилым, седовласого Георгия Николаевича Колесникова, просто и доходчиво рассказывавшего своим негромким голосом о законах физики и стремившегося угадать в студентах

студенток, лишь к полуночи получивших оценки в зачётные книжки и отпущенных, наконец, Петерюхиным. К счастью, девушки успели заскочить в какую-то аудиторию и не пострадали. Подолгу, увлечённо экзаменовала студентов и астроном Зинаида Николаевна Шукстова (автор только что вышедшей тогда популярной книги «Звёздное небо»). Однажды, сдав ей экзамен, я с друзьями пошёл в кино на последний сеанс. Возвращаясь после фильма в общежитие, мы с изумлением увидели на пустынной тёмной улице двух наших студенток под ручку с Шукстовой. Зинаида Николаевна обрадовалась нам и попросила: «Мальчики, не проводите ли девочек?».

Много ещё было педагогов и разных историй в прекрасной нашей студенческой жизни. Прежде всего, нас учили думать и читать научную литературу, что впоследствии очень пригодилось.

фото Г. Лямовой

фото Г. Лямовой

▲ Река Чусовая, село Слобода.

Увы, не все поступавшие в 1962-м году в университет закончили обучение. Кто-то не выдержал и бросил учёбу, кто-то перешел на заочное отделение или взял академический отпуск и получил диплом позднее. Но всем студенческие годы вспоминались потом как самое счастливое время.

Через 15 лет после поступления в УрГУ, летом 1977 года, несколько человек из нашей бывшей группы, жившие уже в разных городах, собрались вместе и навестили Коуровскую обсерваторию, чтобы вспомнить былые времена. Клавдия Александровна Бархатова, хотя мы её и не предупредили о приезде, встретила нас приветливо, пригласила в свою ма-

ленькую комнатку, усадила за стол, достала из холодильника бутылку марочного венгерского вина. Распросила каждого — где он, чем занимается. Мы вспоминали дни учёбы, произносили тосты и радовались встрече.

*«Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим».*

А потом пошли к той лесной поляне, где возле старого речного русла когда-то стояли наши палатки. Ночь была тёплой и ясной, чернели силуэты сосен и елей, искры от костра поднимались к звёздному небу, казавшемуся здесь особенно красивым и родным. **УС**

◀ Астроном Николай Макаренко, 2011 год.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не все питомцы нашей кафедры стали астрономами и геодезистами, но никто не забывал девиз: PER ASPERA AD ASTRA — «Через тернии к звёздам». Он помогал всегда.

*«О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещения дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель»...*

23 сентября 1990 года выпускницами Уральского университета Галиной Кастель и Людмилой Журавлёвой в Крымской астрофизической обсерватории была открыта новая малая планета, её назвали в честь выдающейся женщины-астронома, профессора Клавдии Александровны Бархатовой: (5781) Barkhatova. В 1996–1999 годах на звёздных картах появились имена её учениц: (4780) Polina (в честь директора Коуровской обсерватории Полины Евгеньевны Захаровой), (6165) Frolova (в ознаменование заслуг доцента Натальи Борисовны Фроловой), а также название первой уральской обсерва-

тории, известной теперь всей стране и за её пределами: (4964) Kourovka.

Учеников Клавдии Александровны Бархатовой можно встретить всюду. Институт Астрономии Российской академии наук возглавляет член-корреспондент РАН Борис Михайлович Шустов, окончивший УрГУ в 1969 году. Дважды доктор наук (физико-математических и технических) Николай Григорьевич Макаренко успевает трудиться в Алма-Ате и в Петербурге. Отличных учеников, призеров олимпиад готовит в Каменске-Уральском бывший сотрудник Коуровской обсерватории Геннадий Яковлевич Иванов. Со студенческих лет верная Коуровке научный сотрудник Галина Викторовна Лямова занимается физикой Солнца и регулярно проводит экскурсии по обсерватории.

И много, много можно ещё назвать прекрасных имён энтузиастов, проложивших свои тропинки в бесконечных звёздных просторах и на Земле. Они не забывают свою alma mater — Уральский университет, навещают крутые берега красавицы Чусовой, шаткий мостик через которую весной смывают бурлящие потоки, а летом в успокоившейся воде отражаются и плывут далёкие, манящие звёзды. Как и полсотни лет назад.

1962–2012 гг.

ПОСТФОЛЬКЛОР «ЗАПРЕТКИ»

Иллюстрации предоставлены автором

Лесной (бывший Свердловск-45) – один из десяти закрытых городов бывшего Минсредмаша (ныне Росатом), которые в обиходе называли «запретками», «почтовыми ящиками», «номерными городами» и т.п. – пока слишком молод, чтобы говорить о его собственном фольклоре в традиционном понимании. Тем не менее, за 60 с лишним лет с момента основания города здесь возникли и сформировались – на основе культуры жителей округа и приезжих носителей из многих районов страны – малые фольклорные формы со своим характерным содержанием, отражающим местные специфические черты. Взяв хоть бы упомянутые выше «конспиративные» названия. И не случайно уже появляется интерес к изучению фольклорного материала у самих горожан, уже и учителя дают задания школьникам по сбору примеров.

В начале 1990-х крупнейший российский фольклорист, доктор филологических наук С. Ю. Неклюдов в числе первых в нашей стране начал заниматься современным русским городским фольклором, которому дал название «постфольклор». Этот термин укоренился в науке, и сейчас им обозначают народную культуру новейшего времени, существенно отличающуюся от прошлых фольклорных форм. В таком понимании, пожалуй, можно говорить о фольклоре Лесного, где преобладают байки, слухи, прозвища.

Предлагаем вашему вниманию некоторые примеры устного народного творчества, возникшие и бытующие в Лесном.

«... И построился на том месте, где до сих пор и стоит, по причине поистине небесной: в этом месте Свердловской области самое большое количество пасмурных дней в году на всем Урале. Так и с грешной земли, и с неба засечь его сложнее».

Столь поэтично изложил бытующую в городе версию выбора места для будущего стратегического объекта московский журналист С. Пономарев.

Деревня Елкино, что в пяти километрах от Лесного, возникла предположительно в 1730 году. Первым поселенцем ее, как гласит без ссылки на источник церковная летопись, был житель Великого Устюга – некто По-

пов. После его смерти последователи купили здесь часть вогульских земель.

По бытующей же легенде Елкино основал некий князь Попов, якобы попавший в опалу и бежавший на Урал с семьей. Имея девять сыновей и одну дочь, он сделал свою фамилию самой распространенной в округе. Он же соорудил на одной из речек мельницу, потому и стала называться речка – Мельничная. Берет она свое начало из озера Лесное (Мельничное), что лежит на территории нашего города, недалеко от старого кладбища.

С начальных лет существования города сохранились и передаются некоторые истории, связанные с пер-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Ольга Карякина

Живет в городе Лесной Свердловской области, работает библиотекарем.

Владимир Струганов

Живет и работает в городе Лесной Свердловской области, по профессии врач, является автором-исполнителем песен.

ной грязи, где сейчас благоустроенный и чистый район города.

Известно, что в конце 1940-х для первого директора секретного завода Д. Е. Васильева на высоком обрывистом берегу Нижнетурина пруда выстроили двухэтажный де-

стерство, объявившее выговор, потом долгие годы, желая привести пример рачительного хозяйствования, предлагало другим посетить Дом Культуры в Свердловске-45.

Гордился Васильев и выговором, полученным за перерасход асфальта, — ведь выговор со временем снимут, а хорошая дорога останется.

Как известно, Лесной строили заключенные, потому, естественно, в городе живут слухи, связанные с этой категорией населения.

Существующее мнение, что Лесной «стоит на костях заключенных», некоторые исследователи категорически оспаривают. Тем не менее, в районе деревни Елкино с конца 1940-х существовал лагерный пункт для особо опасных уголовников, которые занимались добычей известкового камня и обжигали известь. Для самых отпетых и рецидивистов здесь функционировал барак усиленного режима (БУР), сохранившийся до наших дней (теперь это территория конно-спортивного клуба «Верба»).

◀ г. Лесной.

ревянный коттедж. Так полагалось по рангу. Но из-за чрезвычайной занятости жил Дмитрий Ефимович непосредственно в Свердловске-45, в деревянном «финском доме» (такие получали из Финляндии в счет ущерба, причиненного этой страной участием в войне) по улице Дзержинского. А коттедж на берегу пруда постепенно ветшал, потихоньку его начали растаскивать, а затем, к большому сожалению, и вовсе снесли...

Позднее появившийся здесь садовый поселок стали именовать «Васильевскими дачами».

Однажды Дмитрий Ефимович Васильев купил для городского Дома культуры роскошную люстру. За рачительство ему, говорят, был объявлен выговор, но при этом мини-

▼ Васильевские дачи.

▲ Д. Е. Васильев.

вым директором комбината «Электротримприбор» Д. Е. Васильевым.

Тогда вся территория, где строился новый город, была изрыта траншеями для коммуникаций. Кругом грязь, глина. По слухам сам директор Васильев потерял туфлю в непролаз-

▲ Одна из камер БУРа.

Поговаривают, что с заключенными здесь не церемонились, а трупы якобы увозили к деревне Карелино, где их сбрасывали в болото...

Вот еще одна, похожая на легенду, история.

Двадцать пять лет получил за подделку икон художник-реставратор из Ленинграда, некий Копинский. Отбывал он свой срок здесь, на строительстве нашего города. Находясь на облегченном режиме, живопись не оставлял, рисовал в свободное время. Художника начальство попросило (приказало?) выбить на скале, где-то в районе 51 квартала, изображение Сталина. Он работал на холоде и обморозил руки. Началась гангрена, но Копинский не разрешил ампутировать руки и умер от болезни. А скалу ту позднее якобы взорвали...

По номеру одного из лагерей для заключенных, располагавшемуся когда-то в центре строившегося городка, издавна среди лесничан и окрестных жителей блуждает жаргонное наименование Лесного — «Семерка».

В 1960-х в Свердловске-45 на простенький мотивчик ходила песня, начинавшаяся характерной строчкой (найти продолжение, к сожалению, не удалось): «Нас было четверо, блатных парней с «Семерки»...»

► М.Я. Мальский.

▲ Барак усиленного режима.

В 1962 году на Ассамблее Организации Объединенных Наций руководитель СССР Никита Сергеевич Хрущев снятым с ноги ботинком стучал по трибуне, угрожая всему капиталистическому миру: дескать, покажем вам Кузькину мать!

Жители Лесного полагают, что «Кузькина мать» — не что иное, как сверхмощный термоядерный боезаряд, собиравшийся в те годы на предприятии Свердловска-45.

На секретном строительстве был самолет ПО-2 («кукурузник»). Не все тогда понимали, для какой цели он предназначался. Поговаривали: мол, «высокое начальство летает на нем в Свердловск, в театр».

▼ Улица в поселке Горном.

Колоритная личность второго директора комбината тоже, конечно, породила немало баек.

Анатолий Яковлевич Мальский — Герой Социалистического Труда, лауреат двух Сталинских и Ленинской премий, являлся директором предприятия «Электротехприбор» в 1955–1971 гг. До всего ему, говорят, было дело: замечал неудачно поставленный дорожный знак, грязь и беспорядок в магазине. Увидев директорский «ЗИМ» у какого-либо здания, все знали: тут решаются какие-то важные дела. Потому-то и прозвище Мальскому в городе дали — «Хозяин».

местные выпивохи окрестили «мавзолеем».

В 1990-х в городе началась приватизация магазинов. На площадях одного из них — «Одежда» — возникло сразу три частных магазина разной направленности, которые тут же и прозвали: «Три поросенка».

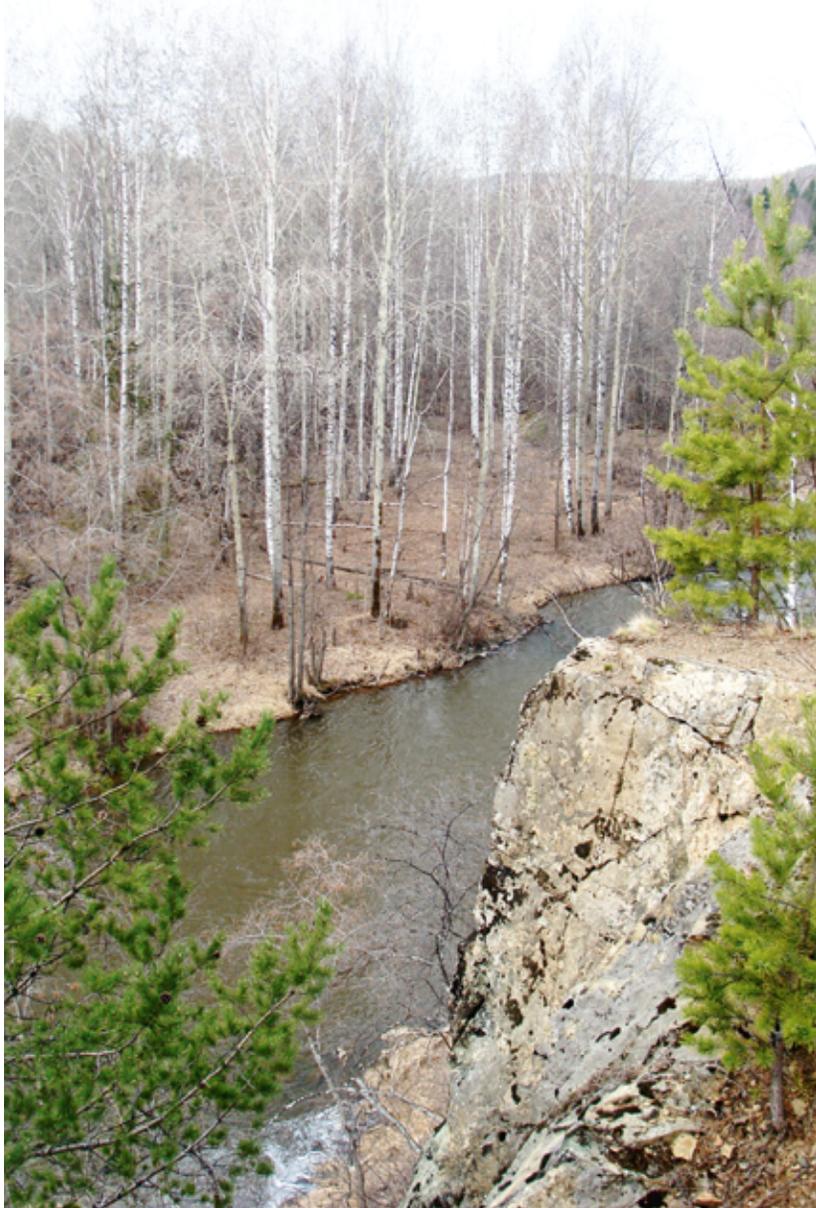
Лесной — город спортивный. На территории СК «Факел» имеется старый уже, деревянный корт, на котором тренировалось не одно поколение спортсменов (в том числе и выдающихся). Они-то и прозвали этот корт «деревяшкой».

В 2007-м, к 60-летию Лесного, в городе отремонтировали площадку перед кинотеатром «Ретро», выложив ее розовой плиткой. В народе место сразу прозвали: «Красная площадь».

Две библиотеки Лесного — Центральную городскую имени П.П. Бажова и Детскую городскую имени А.П. Гайдара — горожане именуют коротко: «Бажовка» и «Гайдаровка». Хотя последнюю, на наш взгляд, логичнее именовать «Гайдаркой» (ведь Аркадий Петрович не был Гайдаровым).

В черте города, в районе нынешнего парка культуры и отдыха, возвышается покатым холм. Несколько десятилетий назад тут было голое место, где любили загорать горожане. С чьей-то легкой руки холм получил название «Дунькин Пуп».

Первую улицу города — Сталина — позднее, в 1961 году, переименовали в Коммунистический проспект.

Существует байка, что название городского ресторана «Маяк» сложилось из инициалов директора завода А.Я. Мальского. А расшифровывали его так: «Мальский Анатолий Яковлевич кушает».

Продолжим список народных названий в Лесном.

Первостроители города вспоминают, что деревянную гостиницу в строящемся Свердловске-45 (по Компроспекту, 3) неизвестно почему прозвали «Северюгой».

До 1980 года в Свердловске-45 в подвальном помещении по улице Карла Маркса, рядом с городской администрацией, существовал специализированный винный магазин, который

▲ Гора влюбленных.

▼ На деревяшке.

▲ Гора Шайтан.

► На празднике «Сабантуй».

Любит по этой улице народ (молодежь особенно) прогуливаться. От нее, от молодежи, и пошло народное название — «Брод».

В начале 1950-х поселок Горный города Лесного (35-й квартал) только начинали строить. Прозывали его Окаёмовкой (Окаёмовский), а единственную улицу из нескольких барачков окрестили «Карпманштрассе» — по фамилиям начальника строительного района и главного инженера.

В районе 42 квартала лесного хозяйства, у речки Большая Именная (левый приток Туры), возвышается скала, с которой открывается живописная панорама тайги. С начала 2000-х сюда по сложившейся традиции устремляются свадебные кортежи. Так и закрепилось за местом название — «Гора влюбленных».

Народная наблюдательность, остроумие проникают во все сферы жизни — для меткого народного словца нет запретных тем.

С 1990-х жители Лесного периодически поднимают вопрос о выплате каждому горожанину ежемесячной денежной компенсации за проживание в условиях закрытого атомного города. Пока такая компенсация выплачивается лишь работникам комбината «Электрoхимприбор» (В 2005 году ее размер, к примеру, составлял всего 100 рублей). «Гробовые» — так называли в городе эту денежную компенсацию.

С недавнего времени госкорпорацией Росатом (руководитель С. Кириенко) выделяются государственные денежные субсидии для ограниченной категории работников ядерно-оружейного комплекса, которые на комбинате «Электрoхимприбор» города Лесного называют «кириешками».

Генеральным директором комбината «Электрoхимприбор» в 2004–2009 гг. являлся Н., до того работавший в другом городе. С первых дней своего руководства комбинатом он, как писали в одной из городских газет, «принялся ломать систему управления предприятия путем необоснованных слияний и упразднений производственных структур, сокращения должностей и понижения в должностях ведущих специалистов, необъяснимых перестановок и назначений».

За все названные преобразования Н. и обрел в народе прозвище «Ликвидатор».

Гора Шайтан (331,7 м) — в переводе с тюркского «злой дух», «черт» — хоть и считается достоянием Нижней Туры, но небезразлична и лесничам. Величественная, поросшая сосновым лесом, возвышается она на правом берегу Туры. С Шайтана, если не лениться на него подняться, открывается панорама Нижней Туры и Лесного.

Эта гора упоминается в некоторых прибаутках (забавных поговорках, вставляемых в речь). Например, в досадной ситуации иногда шутливо восклицают:

«ГРЭС, Тура,
Шайтан-гора!»

Употребление в Лесном другой прибаутки связано, возможно, с тем, что в городе проживает немало татар и башкир, приехавших из соседних поселений (Похожие варианты известны и в других регионах России).

«Деньги есть — Кушва гуляем,
Денег нет — Тура сидим!»
Существует и такой вариант:
«Деньги есть — Тура гуляем,
Денег нет — Шайтан идем!»

► г. Лесной. В большом зале ДК «Современник».

В 1985 году в Свердловске-45 построили шикарный по тем временам танцзал «Юность». Позднее его перепрофилировали в Дом творчества молодежи, а на прилегающей территории запустили фонтан. Со временем включать фонтан стали все реже и реже. Сложилась шуточная примета:

«Если возле Дома молодежи «Юность» работает фонтан — значит, это День города».

В августе 2005-го жители Лесного и соседней Нижней Туры встречали поезд с лидером ЛДПР, депутатом Государственной Думы В.Ф. Жириновским. Владимир Вольфович заехал на несколько часов, чтобы, как утверждали местные либерал-демократы, познакомиться с жителями нашего атомного города — «ядерного щита России».

На ж/д станции «Нижняя Тура» состоялось торжество. Осталась такая частушка:

Что нам Путин с Березовским,
Что нам Хакамада!
К нам приехал Жириновский —
Это то, что надо!

Приведенные образцы представляют в основном общегородской фольклор. Наверняка свои примеры имеются и на комбинате, и на стройке, в среде учителей, врачей и др.

Со временем фольклорная копилка Лесного, несомненно, пополнится новыми текстами — ведь творчество народное неистребимо. **У**

Признание женщины столь необыкновенной

Иллюстрации предоставлены автором

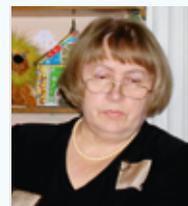
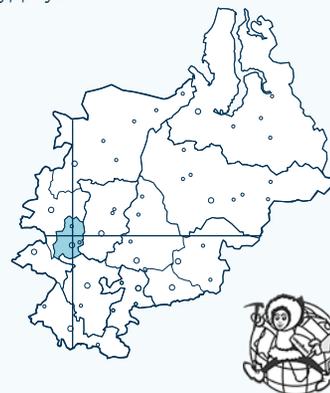

За два столетия изучены, казалось бы, все источники и документы, касающиеся Надежды Андреевны Дуровой. Но автор очерка сумела снять бронзовую окалину с имени героини 1812 года, по-новому прочесть книгу Н.Н. Блинова о землячке и приготовила читателю сюрприз из новых краеведческих находок: переписку с книгопродавцом Лисенковым, фото и исторический материал об украинской родине и польско-украинской родословной героини, более глубокую психологическую характеристику ее. Для автора — врача, психолога, краеведа, патриота города Надежда Дурова несомненно является «гением места» родного ей по духу Сарапула.

◀ Н.А. Дурова.

И сейчас в эпоху гендерной революции мы все еще разгадываем загадку, которую А.С. Пушкин обозначил овидиевским «modo vir, modo foemina» (то мужчина, то женщина), а В.Г. Белинский назвал «дивным феноменом нравственного мира». И было за что. Философия Надежды Дуровой была простой, высокой и мужественной: «Неустрашимость есть первое и необходимое качество воина; с неустрашимостью неразлучно величие души, и, при соединении этих двух великих достоинств, нет места порокам или низким страстям». В малоизвестной статье Надежды Андреевны 1858 года из архива М.П. Погодина ясно выражено ее кредо: «В наше время женщина скужающая, не умеющая найти себе занятие, утомленная бездействием, такая женщина более неуместна, чем когда-либо! Теперь, более чем когда-либо, нужны русскому обществу женщины деятельные, трудящиеся, разумно сочувствующие великим событиям, которые происходят около них, и способные вложить свою лепту для того

УДМУРТИЯ

Наталья Запорожцева

Медик, краевед, педагог-психолог, журналистка. Попав по распределению в Сарапул, сотрудничала в одноименной независимой газете. Активно занимается поисковой работой, ведет большую историко-краеведческую переписку. Является организатором и руководителем школьного музея «Сарапульская старина».

▼ Антонина Пальшина.

Василиса Кожина. ▼

С этих слов А.С. Пушкина из предисловия к «Запискам Н.А. Дуровой» читающая Россия впервые узнала о «кавалерист-девице». Дважды в XIX веке обрусевшая панночка Надежда Дурова приковывала к себе внимание всей России. И когда показывала чудеса отваги в мужском облике, и когда выпустила свои «Записки кавалерист-девицы». «Все с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют пером быстрым, живописным и пламенным».

«Вот уж два столетия с тех прошли времен, но звенят созвучья доблестных имен», — написала землячка Надежды, киевская поэтесса Наталья Сележинская.

здания общественного блага и устройства, которое воздвигается общими усилиями. Теперь русскому обществу нужнее, чем когда-либо, не женщины-космополитки, а русские женщины во всем прекрасном значении этого слова!»

За два столетия эти мысли не потеряли своего значения. Такой русской женщиной, во всем прекрасном значении этого слова, была написавшая эти строки Надежда Дурова, показавшая первый пример такого подъема духа в особе «слабого пола», писал Н.Н. Блиннов. А разве не таковы были гроза французов партизанка Василиса Кожина, некрасовские женщины, другая сарапульская кавалерист-девица — героиня гражданской войны Антонина Пальшина, — они, не задумываясь, осилили мужское поприще, когда родина позвала.

Изучая детство Н.А. Дуровой, начинаешь понимать истоки ее столь оригинального образа жизни для чопорного светского XIX века. Ребенок, которого в младенчестве выкинула из кареты мать, едва ли выжил бы: нелюбовь материнская не оставляет шансов на выживание. Но в девочке текла польско-украинская кровь, воспламеняющаяся от военных рассказов отца и усатого няньки — денщика

▲ Сарapul. Старцева гора.

► Вид со Старцевой горы на Симонику.

Астахова. И своего «большого улана» очень любил отец, человек незаурядный, с которым повезло не только Надежде, но и городу Сарapul, ибо Андрей Васильевич Дуров был не только любящим отцом, но и заботливым городничим Сарапупла более 30 лет. Замечено, что дети, обделенные любовью в детстве, часто становятся выдающимися. Неудовлетворенная потребность в любви гиперболизирует потребность в признании, толкает к самовыражению.

Юность Надежды — это легендарная, замечательная история города Сарапупла, обросшая мифами и преданиями. И когда эту историю послушали музейщики Бородинской панорамы, они воскликнули: «Как, разве Надежда Дурова сарапульская, а не елабужская?». И я ринулась защищать честь Сарапупла. Слава елабужцам, создавшим музей Надежды, и раскрутившим этот «бренд» на всю страну. Но сама Дурова называла Елабугу пещерой,

а Сарapul — местом, где «цвело ее детство». Мы же уверены, что «кавалерист-девица» — наш «гений места», так близки и родственны они с Сарapulом по духу, своенравному и вольнолюбивому.

Не спешите, елабужцы, хвататься за шпаги! Конечно же, Надежда Дурова — наше общее достояние: и Сарapul, и Елабуги, и Украины, и, в конечном счете, символ доблести и отваги женской! Но соперничество городов за «своего» гения места неизбежно. «Городом Надежды» называем мы свой старинный город Сарapul. Здесь успешно создавали «образ места», кроме Н. Дуровой, такие лите-

▲ Пристань в Сарапуле.

◀ Река Удай.

дошвы утесистой горы дремал в полуденной тишине; лучи месяца играли и отражались на позолоченных главах собора и светили на кровлю дома...» «Да, за эту прекрасную картину нужно было бороться с оружием в руках!» — замечает Н.Н. Блинов, первый сарапульский историограф Н.А. Дуровой. Такое же восторженное описание Камы мы находим в позднейшей повести Дуровой «Нурмека»: «Крутой, высокий берег осмью ровными уступами спускается к родимой реке моей. К ее быстрому, чистому, светлым струям ведут эти огромные природные ступени. Какое величие! Какое великолепии! Как прекрасна, как благородно прекрасна страна...»

Это полное жизненных чувств сангвиническое описание Камы многое открывает в характере Надежды Дуровой. Не случайно сангвиник А.С. Пушкин, творчеством своим создавший полнокровный, «вкусный» русский язык для всей страны, оценил родственное полнокровие слога и природы «кавалерист-девицы». И добрая жалостливость стареющей Дуровой к бездомным собакам того же происхождения. Как пишет известный психотерапевт М. Бурно, сангвиник — один из самых здоровых типов личности, в котором бурлит ор-

ганизаторская энергия, стремление переделывать-переворачивать все вокруг, и бурная синтонная эмоциональность. Они стремятся оставить себя в памятниках — нерукотворных и рукотворных.

Здесь Надежду Андреевну выдали замуж, здесь родился сын, но семейная жизнь не сложилась, и Надежда приняла решение служить в армии. Разумеется, она отдавала себе отчет в дерзости своего замысла, попиравшего обычай общества. Но вольнолюбивая натура Надежды не могла смириться с подчиненным положением, тягостной долей замужней женщины. С другой стороны, в тот период для мужчин из дворянских семей служба в императорской армии была делом чести. Вся предшествовавшая необычная жизнь Нади — младенчество на бивуаках, усатый нянька, военный путь отца, любовь к лошадям, юношеская смелость и проказливость, отвращение к женским занятиям, — подготавливала ее к необычному пути. И сабля отца, висевшая на стене, «казалась горящей». И вот она вырвалась! «Воля — драгоценная воля! — кружит восторгами голову мою от раннего утра до позднего вечера», — пишет она.

Родилась будущая кавалерист-девица под Киевом на бивуаке, когда ее отец был в польском походе. И до шести лет росла в Малороссии — в именье Свечек-Стороженко-Александровичей «Великая Круча» Полтавской губернии на реке Удай. В XVII веке, проезжая по этой местности, поляк Семен Сели-

раторы, как Н.Н. Блинов, С.Н. Миловский, Л. Будогоская, З. Ерощкина и др.

Итак, детство праправнучки пирятинского сотника Г. Ограновича, украинки Ф. Горленко и сыльных польских шляхтичей Туровских цвело на высокой камской круче — сарапульской Старцевой горе, где для испытания смелости и до обморока матери она изображала «ласточку» на самом краю обрыва. Отсюда было чудесно скакать домой на любимчике-коне Алкиде и любоваться величественной Камой! А сколько поэзии в ее воспоминаниях о Сарапуле! «Я остановилась взглянуть еще раз на прекрасный и величественный вид, открывающийся с горы: за Камою, на необозримое пространство видны были Пермская и Оренбургская губернии. Темные, обширные леса и зеркальные озера рисовались, как на картине. Город у по-

тринник просто-таки влюбился в природу и поселился на никем не занятой земле. Восстание Хмельницкого заставило хозяина оставить эту местность. Князь Ярема Вишневецкий распорядился построить дамбу и мельницу. Строительство завершил в 1682 г. influentialный пирятинский сотник Л. Свечка. «Амбициозный людина» Леонтий Свечка — есаул, позже полковник Лубненского полка, хитростью присвоил эти земли. Его внучка, Домна, после бракосочетания с И. А. Александровичем получила имение и земли Кручи в наследство.

Прадед Дуровой по материнской линии Григорий Корнеевич Огранович (1674–1757) — помещик, Пирятинский сотник (1719–1751). Первой его женой была Анна Леонтиевна Свечка, а второй женой — Феодосия Дмитриевна Горленко, в браке с которой родилась Ефросинья Григорьевна — бабушка Надежды Андреевны. Мать Дуровой из рода дворян Александровичей.

С ними связана трагическая любовь будущего князя Смоленского М. И. Кутузова... «Была на свете женщина,

Стороженко гласит, что М. И. Кутузов еще в маленьком чине стоял с войском в Пирятине, где и познакомился с семьей Александровичей и стал часто бывать у них в с. Великой Круче. Ему приглянулась Ульяна Ивановна, отвечавшая ему взаимностью. Уже был назначен день свадьбы, но вдруг невеста заболевает горячкой. Жених был в отчаянии. Она не умерла, но, увидевши в болезни перст Провидения, решительно не хотела «завязывать ему свет». Она сохранила к любимому человеку тихую, святую привязанность и добрую память до последних лет своей жизни (умерла в 1836 г.). Сберегла как драгоценность несколько писем от Кутузова и, когда умирала, приказала положить их к ней в гроб под голову. Кутузов умер на 23 года раньше вдали от дома, в Бунцлау, преследуя остатки армии Наполеона».

«В конце 18-начале 19 века в прикамском крае среди разнородного, инородческого населения — башкир, татар и др. — было неспокойно, — писал Н. Н. Блинов. — Не проходило года, чтобы не появлялись разбойни-

ковника Балобанова, о котором рассказывали ему новочеркасцы. Может быть, этот добрый гений — командир полка майор Степан Федорович Балабин (1759–1818 гг.), дом и семью которого в станице Раздорской подробно описала Н. Дурова? Н. Н. Блинов приводит о первых годах службы Надежды Андреевны популярный список коннопольского полка товарища Соколова 6 ноября 1807 года и отзывы начальствующих лиц: «Товарищ Александр Васильев, сын Соколов, 17 лет. (На самом деле ей было тогда 24 года — Н. Н. Б.). Рост 2 аршина 5 вершков, лицом смугл, рябоват, волосы русые, глаза карие. В службе с 1807 года марта 9 числа. Был в походах в Пруссии и в действительных с французскими войсками сражениях, 1807 года ... под Гудшгатом, под городом Гельзберхом, под Фридландом ...».

А в рапорте Государю генерал граф Букстевден (13 ноября 1807 года) отмечал отличное поведение Соколова и ревностное прохождение своей должности. Сам шеф — полка генерал-майор Каховский хвалил таковое его служение, усердие и расторопность и убедительно просил оставить Соколова у него в полку.

Дружески расположенные к нему офицеры Литовского уланского полка отпускали шутки о беззастыдли улана. Хозяйка трактира в 1807 г. в Витебске называла юного унтер-офицера «Улан-панка», жены офицеров Мариупольского гусарского полка звали его «гусар-девка». Н. Дурова, действительно, не была мужеподобной, — тонкокая, худощавая, легко краснеющая, скорее напоминала юношу.

Она отдала военной службе 10 лучших лет жизни, была ранена, лечилась

▼ Н. А. Дурова.

▲ Собор в Сарапуле.

которая ежечасно молилась за него, для которой он на всю жизнь остался первой и единственной любовью. Это Ульяна Александрович. Она родилась в 1754 году в семье малороссийского дворянина, лубненского подскарбия (казначей) Ивана Ильича Александровича. Семейство Александровичей было не только богатым, но и родовитым. Александровичи состояли в родстве с гетманом Полуботком, митрополитом Иосифом Трizonой... Кстати, родовитость Александровичей стала причиной того, что они отказались выдать младшую дочь замуж за известного офицера Дурова, и он вынужден был похитить невесту. Судьба любимой дочери Ульяны оказалась намного трагичнее. Семейное предание

чи шайки, которые с полным при них оружием причиняли жителям великие грабительства и тиранства». Разбои начинались со скригом рек и заканчивались осенью. Местные военные силы были недостаточны. Поэтому в Сарапуле на лето расквартировался отряд донских казаков. Надежда Андреевна, по отзывам лиц, знавших ее, познакомилась с казацким есаулом. Казаки выступили из Сарапула 15 сентября 1806 года. Сбежав из дома, явившись в казацкий отряд, Надежда Андреевна поступила к есаулу в виде денщика или конюха. Кто же был этот казак? И. Т. Лисенков называет фамилию пол-

Надежда Андреевна Дурова, 1783 — 1866
Nadejda Andreevna Duroff, 1783 — 1866

после ранения в Сарапуле, на рапорт о продолжении военной службы получила отказ.

«От нечего делать», в Елабуге с 1839 г., Н.А. Дурова занялась литературным трудом. За четыре года написаны 10 произведений. Дурова любила изображать все необычайное, трагическое. Брат Дуровой, повеса и картежник, был знаком с А.С. Пушкиным и предложил поэту записки сестры. Они понравились поэту, и сияние имени Пушкина озарило «Записки» Дуровой. Литературное достоинство их было так велико, что некоторые приняли их за мистификацию со стороны А.С. Пушкина. Великий поэт опубликовал отрывок из них в «Отечественных записках» и предложил издать «Записки», но писательница, занявшая у сестры 800 рублей перед поездкой в Петербург, торопилась и нуждалась в деньгах. В результате 900 экземпляров «Записок кавалериста-девицы. Происшествие в России» в 1836 году издал ее двоюродный брат Иван Григорьевич Бутовский. Он же продал часть тиража книгопродавцу И.Т. Лисенкову. Врач, писатель и переводчик Иван Григорьевич Бутовский (1785–1859) был штабс-лекарем с 1842 г. в киевском и тарутинском военном госпитале, в 1858 году написал книгу о фельдмаршале Кутузове, где отметил, что «Михайло Ларионович часто посещал дом деда». Дурова неслестно пишет о братце: «Все было бы хорошо, если б я, на беду свою, не отыскал двоюродного брата своего Бутовского. Он все дело испортил... он принялся распоряжаться всем, что касалось до издания Записок, по-своему. Горе овладевает мною даже теперь, при воспоминании, что лучшее дело мое в жизни было им втоптанно в грязь. На Записки мои еще прежде появления их в свет напала толпа порицателей и клеветников. Чего никогда не случалось бы, если б издателем их не был сумасброд». Князь П.А. Вяземский также охарактеризовал Бутовского как «набитого дурака, сотрудничество которого (в журнале «Современник» – Н.З.) было бы бесполезно или даже вредно...» В подтверждение этих характеристик в фондах Десницкого в НИОРЕ РГБ нашлась любопытная переписка Дуровой с петербургским книгопродавцом И.Т. Лисенковым в 1838 году, рассказывающая о скандальном эпизоде. Книгопродавец был управляющим книжным магазином, принадлежавшим московскому купцу Андрею Васильевичу Глазунову. В двух письмах Лисенков жалуется на «кавалерист-девицу»: «Господин штабс-ротмистр Александров в начале нынешнего года приходил ко мне в книжный магазин и предлагал купить 1000 книг его сочинений под названием «Кавалерист-девица». Я объявил ему, что имею много экземпляров, купленных мною у издательства, родственника сочинителя г-на Бутовского, и что я не имею надобности купить более. Г. Александров тоном довольно невежливым сказал сердито: «Родственник меня обокрал, а ты покупаешь их у него! Ты знаешь, что я сочинитель, почему другие покупают от меня, а ты у него?! Это просто плутовство!» Я объяснил г. Александрову, что г. Бутовский человек высокоблагородный и что он продавал эти книги за собственное издание. Тогда г. Александров предложил мне 1000 экз. по 1 рублю. Я согласился. Г. Александров вдруг говорит: «Подлец ты, мошенник, этакая дурацкая рожа, смеешь смеяться?!» Г. Александров плюнул и ушел. Я полагал было обжаловать начальству, но перенес страдальчески, и тем кончилось. Наконец, г. Александров явился ко мне в октябре и сказал: «Я печатаю новую книгу под названием «Один год жизни в Петербурге». Хочешь купить у меня? Ты знаешь, я пишу не худо, меня читают, там и на тебя пасквиль есть (инициалы книгопродавца – Н.З.) и на моего родственника Бутовского». На другой день я написал г. Александрову, что если это правда, что за непокупку книг меня карикатурно печатали, это нехорошо: «Я уважаю Вас как писателя с дарованием и имею Ваш портрет в магазине. Если правда, что Вы меня очернили пред публикой без вины, то я буду отвечать Вам тем же!» И напоминаю г. Александрову его скромное путешествие на Дон с казачьим полковником Балабановым, о котором мне рассказывали в Новочеркасске». Дурова же вот

как рассказывает об этом: «Что за лживый человек этот Л...! По крайности, час кривлялся он, шурился, хмурился, вертел головою, улыбался, ухмылялся и облизывался, пока, наконец, решился сказать цену, какую даст мне за все мои книги... было от чего кривляться! При всей его бессовестности это были, однако ж, корчи совести. Он предложил мне

▲▶ Стела Н.А. Дуровой.

как рассказывает об этом: «Что за лживый человек этот Л...! По крайности, час кривлялся он, шурился, хмурился, вертел головою, улыбался, ухмылялся и облизывался, пока, наконец, решился сказать цену, какую даст мне за все мои книги... было от чего кривляться! При всей его бессовестности это были, однако ж, корчи совести. Он предложил мне

◀ Последний портрет Дуровой.

по рублю за экземпляр». Очевидно, торговец считал ее несведущей в делах. А Бутовский стал требовать изменения первоначального договора в обмен на помощь в продаже издания. Они поссорились.

В ноябре 1838 года Дурова гневно отбрила и Лисенкова: «Что за дьявольский вздор вы пишете ко мне, господин Лисенков? ...Что это за сатана такая? Если вас кто-нибудь дурачит, мне какое до этого дело? Если вы и теперь станете писать ко мне бестолковых писем, то буду отправлять их к обер-полицмейстеру, с просьбою прекратить такие сумасбродные выходки. Александр Андреевич!.. Прошу покорно...» и в эти же минуты он говорил: «А, мое почтение, Надежда Андреевна, как поживаете?» Затем, как будто спохватившись, прибавлял: «Ах, извините, пожалуйста; а я, было, принял вас за одну свою знакомую...» После такого приветствия лицо штаб-ротмистра обыкновенно покрывалось густым румянцем, затем делалось страшно бледным. Через минуту «штаб-ротмистр» вставал и... уходил. Недели через две-три городничий и штаб-ротмистр мирились и снова начинали жить по-прежнему дружно до новой фразы: «А, здравствуйте, Надежда Андреевна...»

Остатки от тиража купил благородный книгоиздатель А.Ф. Смирдин по 7 рублей с полтиной за экземпляр и издатель Илья Иванович Глазунов. Это дало возможность «кавалерист-девице» уехать из Петербурга в Елабугу.

С 1837 г. брат Василий Андреевич вновь получил место городничего в Сарапуле, с ним переселилась и Н.А. Дурова и жила там до 1839 года. Но, по видимому, она не оставляла попытки создать что-либо достойное прежней ее славы. Уединялась не только в городе, но и жила по летам в деревне Смолино. Однако писательский талант покинул Надежду Андреевну. С этим она смирилась, и сама говорила, что уже не может писать так, как в прежнюю пору. Она переселилась в Елабугу и оставалась там до кончины.

«Вставала она всегда очень рано, — писал Н.А. Кузнец, — в силу привычки прежней военной жизни. Часов в 7-8 утра она гуляла в сопровождении собак, которых до старости обожала, потом возвращалась и пила чай в окружении своих любимцев. Часов в 6-7 вечера она отправлялась опять на прогулку и заходила к кому-нибудь из соседей. Она была веселой собеседницей и шутницей, держала себя просто и доступно». Всегда она носила мужскую одежду — сюртук или фрак с солдатским георгиевским крестом; на голове у нее была высокая черная шляпа, в руке трость, на которую она опиралась. Имела поступь твердую, держалась как мужчина, и не любила, когда к ней обращались как к женщине, сердилась и делала резкие замечания. С виду она была мала ростом, худенькая, — «тончаявая», шадровитая (рябовата лицом), отмечает Н.Н. Блинов. В 1863 г. Надежда Андреевна сфотографировалась в Елабуге. Это прижизненный и самый достоверный ее портрет, ей здесь 80 лет. Зная доброту Надежды

Андреевны, к ней обращались очень многие с просьбами о защите или помощи перед местным начальством; и она ходатайствовала, сколько могла, писала рекомендательные записки или прошения к высшим лицам, даже на Высочайшее имя.

Елабужский городничий И.И. Ерлич и члены его семьи находились в дружественных отношениях с г. Александровым. Но когда городничего донимали многочисленные просьбы штабс-ротмистра за своих клиентов, он прибегал к жестокому средству. Он встречал штабс-ротмистра словами: «А, здравствуйте, многоуважаемый Александр Андреевич!.. Прошу покорно...» и в эти же минуты он говорил: «А, мое почтение, Надежда Андреевна, как поживаете?» Затем, как будто спохватившись, прибавлял: «Ах, извините, пожалуйста; а я, было, принял вас за одну свою знакомую...» После такого приветствия лицо штабс-ротмистра обыкновенно покрывалось густым румянцем, затем делалось страшно бледным. Через минуту «штаб-ротмистр» вставал и... уходил. Недели через две-три городничий и штабс-ротмистр мирились и снова начинали жить по-прежнему дружно до новой фразы: «А, здравствуйте, Надежда Андреевна...»

Средства Надежды Андреевны были ограничены, — она получала пенсию лишь тысячу рублей (ассигнациями) в год; а с деньгами совсем не умела обращаться; с нуждающимися она делилась последним. После смерти у нее нашли один рубль.

Находясь в отставке, первое время она любила общество, играла в карты, любила танцевать (за кавалера) на балах с внучатой племянницей городского головы Ивана Васильевича Шишкина 12-летней Оленькой Груздовой. Делала частые прогулки пешком и на лошади. Дружила она со священниками Спаским и о. Петром Кульпинским. Но постепенно стала удаляться от знакомств, отдаваясь покойной обывательской жизни. Даже занималась женской работой — вышиванием и вязанием. Она не любила вспоминать о прежнем славном времени, своих подвигах, никогда в отставке не надевала военную форму даже в высокотожественные дни. К литературной славе своей она относилась более чем равнодушно. В одной квартире с родственниками она никогда не жила. В Сарапуле жила во флигеле. В Елабуге приобрела дом на Московской, уютный особнячок с цокольным этажом для прислуги, с каретником, конюшней, баней. К дому примыкал обширный сад с фруктовыми деревьями и ягодником. Для услуг у нее был отставной служака-ветеран Степан,

ходивший за своим баринком как за малым ребенком. Степан был мастер на все руки: он был и дворник, и повар, на обязанности его лежало кормить и досматривать полдожины собачек, подобранных с улицы или подобранных со стороны. Одним словом, он мог исполнять какую угодно должность в доме своего нетребовательного хозяина. Но зато последний и любил же своего Степана! Слуга пережил своего хозяина, имел средства, приобрел дом, и доживал, говорят, в Казани, уже дряхлым стариком.

В старости лицо ее отличалось белизной и приятностью, пишет Н.Н. Блинов о последних годах Надежды Андреевны. Такие умиротворенные лица бывают у людей, хорошо проживших свою жизнь и выполнивших свое предназначение. Да, она осуществила все, к чему стремилась ее душа, и отошла в мир иной с сознанием исполненного долга. **ЕБ**

◀ Носилов
Константин
Дмитриевич —
путешественник,
писатель
и этнограф,
инициатор
первой экспеди-
ции и исследова-
тель полуострова
Ямал, а также
Северного и При-
полярного Урала
(1858–1923 гг.).
(Фото из архива
Ерохина Н. Г.).

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

август 2012

49

Законы Вселенной

ОЛЕГ ДЮКОВ

Редусцер гальватный

49

Элита

Уральский следопыт, август 2012, www.uralstalker.com

Редусцер гальватный

Колян.

— Отойдите от неё! — приказал Коля, и в следующее мгновение произошло то страшное, что он будет вспоминать ночами. То, что сделает его сильнее, если, конечно, не убьет.

Двадцать мальчиков и девочек старшей группы городского детского сада № 10 повернулись лицом к Коле и разом исчезли. Вернее сказать, не исчезли, а превратились. Теперь это не были вихрастые конопатые дети в шортиках и платящах. К нему обернулось свирепое и безжалостное существо с единственным огромным тяжело гудящим чёрным глазом. Коля попытался избавиться от наваждения, тряхнув головой и сжав кулаки. Он попробовал отвести взгляд от выедающего сердце Глаза. Но куда он ни обращивался, отовсюду в упор на него глядело это одноглазое нечто в блестящем древнегреческом шлеме, с частоколом из ног внизу и лесом из шевелящихся стрекательных щупалец сверху.

Олег Дюков

Родился 18 марта 1960 года в городе Доброполье Сталинской (Донецкой) обл. в семье шахтёра. По окончании Харьковского государственного университета работал геологом в Якутии. Позже работал мастером по изоляции газопроводов (Сургут, Винница). Ныне живет и работает в Харьковской области. Увлечения: альпинизм, горный туризм, дайвинг. Первая публикация в 2007 году в журнале «Порог».

Спартанцы пошли на Коло.

— Ты мешаешь принесению священной жертвы! — произнёс страшный Глаз, и невыносимый ужас обуял мальчика. Писклявый

голосок разума попытался превозмочь подавляющий волно гул в голове: «Это сделал я, и я смогу это остановить!»

— Олег! Витя! Света! — закричал он в глаз чудища, интуитивно пытаясь вычленив людей из единой массы.

Но у спартанцев не бывает русских имён. Да и спартанских имён у них сейчас не было. ОНО было безымянно.

Коля с усилием опустил взгляд в пол и услышал наставительный голос дяди Эдика:

— Помни, Колян! Если ты один против всех, двигайся и танцуй! Главное, никакую падлу не подпускай себе за спину! И ты удержишься!

Коля поднял руки к лицу и начал игру с многоножкой. Он заскользил, пританцовывая влево вдоль стены, делая обманные агрессивные движения в сторону толпы и закрывая голову локтями. Но сейчас перед ним были не слабые детки, не способные открыть бутылку лимонада. Несколько касательных движений щупалец, и из разодранных предплечий Коли потекла густая красная кровь. Капая на пол, она расцветала красными гвоздиками. Отступить! Откуда-то он знал, что кровь и боль не самое страшное, что может сейчас случиться. Самое страшное случится, если он запаникует и побежит.

Глубоко перенося вес с ноги на ногу и раскачиваясь, Коля спиной отходил к двери в раздевалку. Воспитательница Вера Ивановна вышла, наконец, из-под гипнотического воздействия своего телефона и увидела зал.

Она отбросила трубку и истерично закричала. Это обнадёжило и размагнитило мальчика. Веру Ивановну он относил к илотам, но сейчас, когда игра приняла такой бесконтрольный оборот, Коля не хотел больше быть царём Леонидом. Он хотел вернуться из Спарты в детский сад № 10 и снова стать Колей Ивановым. Сдерживая подкативший к горлу ком слезливости, он поднял взгляд на детей и понял, что рано перестал бороться. Перед Верой Ивановной ОНО не остановится.

Чудище стеной придвинулось вплотную к Коле, а воспитательница схватила его, Колу, сзади за локти.

— Нет! — визжала она над ухом. — Прекратите драться!

Мгновение растерянности — и острые железные когти вонзились Коле в щеку, прямо под левым глазом. От боли и отчаянья он закричал.

— Знай, Колян! — дыша перегаром, объяснял дядя Эдик. — Есть такие суки на зоне — размиряльщики. Они лезут мирить. Но заметь, Колян, они не хватают того, кто сильный, они держат того, кто слабее. Это из-под их локтей я получил заточкой в бок. Поэтому сейчас я, Колян, первым делом бью размиряльщиков. Двое в драку — третий...

— Аааа! — Коля закричал, оттолкнулся ногой от круглого, глубоко играющего жёлтыми переливами щита и опрокинул илотку Веру Ивановну спиной на стол. Взмахнув руками, он скатился на пол, но встать на ноги не успел — сверху навалилось тяжёлое тело воспитательницы.

Коля лежал в кровати и не мог уснуть. Болели, отходя от наркоза, раны с наложенными швами. Стоило сомкнуть глаза, и свирепое могучее чудовище снова кидалось на него из сумерек ума.

Мальчик вздрагивал и устремлял взгляд в узкий светящийся проём между дверью и косяком. В проёме временами появлялось встревоженное мамино лицо. Мама внимательно всматривалась в темноту комнаты, потом они на секунду встречались взглядами, и Коле становилось легче. Мама тихо уходила, оставив неприкрытой дверь.

В гостиной, откуда лился свет, сидели папа, мама, дядя Эдик и Колина сестра Ася.

— Всё было хорошо, — говорила мама, — Коля не жаловался, ходил в садик с удовольствием. А воспитательница жаловалась?

— Не жаловалась! — тихо ответила Ася. — Наоборот, хвалила. Общительный, инициативный. Организатор, говорила, хороший.

— Сейчас эта воспитательница в больнице, — прокомментировал папа, — инсульт. В 25 лет! Вторая воспитательница, слава богу, уцелела и даёт показания у следователя.

— Я не понял, что за траур? — вмешался дядя Эдик. — Подрались пацан. Побили его маленько. Меня на зоне восемь раз в лазарет отправляли. И резали, и рубили, и по почкам сапогами били...

— Перестань, Эдик! — резко перебил папа. — Это всё твои эзковские байки. Ребёнок сказками не интересуется, мультфильмы не смотрит — слушает только твою ерунду о зоне.

— Зря ты, Паша! Я ему о жизни рассказываю. Это ты о муравьях ему сказки рассказываешь. А пацану жить среди людей придётся. Уже приходится!

— Ты знаешь, что он крикнул воспитательнице, когда она хотела его из толпы выгнать!

— Тихо! — вмешалась мама. — Не орите!

— Он сказал ей, — шёпотом продолжил папа, — «Отвали, сука, очко наизнанку выверну!» Это не я его научил! И не они!

Коля представил, как папин перст направился на маму и Асю.

— Да уж...

Голос у дяди Эдика был растерянный.

— Ты не видел, — продолжал шипеть папа, — что осталось от помещения! Шестилетние дети превратили детский сад в руины! Ни одного целого стула или стола, ни одного целого окна! Шкафчики, двери — всё куча щепок! Железные перила в парадном согнуты, будто бульдозер проехал! Ты это понимаешь? Из Москвы специальная комиссия приехала. Глава комиссии — майор ФСБ!

— Серьёзно! — продолжал отступать дядя Эдик.

— «Серьёзно». Его, шестилетнего пацана, сейчас не допрашивают только потому, что врач запретил. Он весь будто под комбайном побывал.

— Всё, перестань! — снова вмешалась мама. — Давай по делу! Ребёнка нужно лечить. Он дёргается непрерывно. Ищи психиатра! Потом: в этот садик мы больше не пойдём. Ищи садик! И... Эдик! Извини! Но в нашем доме тебе лучше ближайшее время не появляться.

Все молчали. Колян перестал вслушиваться, и к нему снова кинулось страшное одноглазое ОНО в древнегреческом шлеме. Мальчик вскрикнул, но успел сам себе закрыть ладошкой рот. Крика он не допустил, но от резкого движения острая боль обожгла раненую руку. Коля тихо застонал и расслабился. Боль сменилась приятным жаром в груди и в животе. И злой решимостью. Ну, попадись ты мне, одноглазый!

Зря папа ругает дядю Эдика. Если бы не наука дяди, Коля не выжил бы перед лицом монстра. Разорвали бы его, как плошевого медвежонка.

Собственно, с папиных историй о спартанцах всё и началось. И с историй о муравьях.

Это папа рассказал Коле о законах Ликурга, о спартанцах и илотах, о конструкции государства и отношениях в обществе. Поначалу Коля думал, что в камерных условиях ничего не получится. Илотов бить нельзя, нет врагов, которых можно убивать. Но оказалось, что убийство и разрушение вторичны. Дух первичен. Коля видел этот дух. И теперь лучше большинства современников представлял, что такое атака спартанцев. И древняя притча о том, что спартанцев, идущих в бой, следует не взбадривать музыкой, а успокаивать, теперь не выглядела красивой остроумной выдумкой. Спартанцы, идущие в бой, страшны. Их дух страшен и безжалостен. Безжалостен как к чужим, так и к своим.

Коля упредил очередное нападение на себя из пространства памяти. Начавший зарождаться в недрах сознания образ в медном шлеме был стёрт, будто пыль с подоконника мокрой тряпкой. Прочь! Малыш внимательно и решительно всмотрелся в темноту закрытых глаз. Чудовища там больше не было. Победа! «В моих мозгах ты не властен!» — мысленно произнёс мальчик, понимая, что это молитва на всю оставшуюся жизнь. Молитва хозяина своей души.

Ещё папа рассказывал о муравьях. О матке, которая, улетая из старого муравейника, берёт с собой грибы, которые являются основой питания нового муравейника. О том, как матка откусывает себе крылья и откладывает яйца. О рабочих муравьях, которые, мучимые инстинктом работы, целый день бегают с одной и той же веткой, не принося пользы муравейнику. О дойных тлях, которых муравьи разводят на листьях деревьев, чтобы получать от них эликсир, успокаивающий невыносимо болезненный зуд трудолюбия. О муравьях-собаках, которые живут в муравейнике на правах домашних животных и помогают охранять территорию. О маленьких муравьях-мышьях, которые живут в кучах между ходами и воруют на складах провизию. Вот бы построить такое общество!

Но Коля не смог охватить образ жизни муравьёв. Он не сумел перенести правила муравьиной жизни на окружавших его детей. Непрерывно оплодотворяемая матка была первым и непреодолимым рубежом. Поэтому был принят вариант «спартанцев».

А что дальше? Встречаться снова с монстром-разрушителем не просто не хотелось, — было не интересно. И если строить новый мир с чистого листа (какая удача-переход в новый детский сад), то зачем повторяться? Его собственный дух был мал в сравнении с сущностями, которых он создавал. Как малое может управлять большим? Каким образом настоящий царь управляет, как говорят в телевизоре, «народной массой»? Решение вытекло, как вода из перевёрнутого сапога. «Чтобы управлять народной массой, её нужно разделить!»

Коля заёрзал от удовольствия. Открытия и находки всегда вдохновляли и радовали. Но боль, остро пронзившая руки и лицо, охледила его энтузиазм.

Две недели Коля лечился. Психиатр, которого он опасался, оказался милым дедушкой. Он водил резиновым молоточком перед лицом, стучал по коленкам (отчего ноги смешно дёргались), заставил потрогать кончик носа с закрытыми глазами и ничего плохого у Коли не нашёл. Зато Коля сильно обрадовался тому, что узнал новые свойства человеческого тела. Пока папа вёз его домой, он воображал ситуации, при которых можно воспользоваться лёгкими ударами под коленку.

Два раза к ним домой приезжал Сергей Сергеевич. Красивый, подтянутый мужчина. Всегда доброжелательный и немного ироничный, он шутил, пил мамин чай и беседовал с Колей о детском садике.

— Ну, ты, Коля, молодец. Один против всех, не испугался. За девочку заступился. Кстати, чего они напали на эту девочку?

— Не знаю, — пожал плечами Коля, доверчиво глядя в глаза Сергею Сергеевичу. Не расскажет же он о Страшном Глазе Духа Спарты, требующем кровавой жертвы для своей материализации. Сергей Сергеевич сразу спросит: «А кто вызвал этого духа?»

Но впоследствии, беседуя с Сергеем Сергеевичем, он начал догадываться, что того интересует не «Кто вызвал?», а «Как вызвал?».

— Видишь ли, Коля! Коллектив — величайшая сила в мире. Наше великое государство опирается на эту могучую великую силу. Но эту силу следует изучить и укротить. Она не должна быть стихийной. Если бы Вера Ивановна не прикрыла тебя собой, эта стихия могла тебя убить. Мужественная женщина. Собой пожертвовала. Постарайся, чтобы не зря!

Сергей Сергеевич пристально посмотрел Коле в глаза. Пришлось изобразить смятение и страх. Сергей Сергеевич удовлетворённо отвёл взгляд.

— Скажи, Коля, а кто начал первым играть в Спартанцев?

Коля удержался, чтобы не метнуть взгляд в сторону папы, будто безразлично читавшего газету на диване.

— Я предложил. Мне понравилось кино «Триста спартанцев».

Сергей Сергеевич кивнул и что-то записал в толстой тетрадке.

— Где ты фильм смотрел? По телевизору? Какой он у вас старенький!

Гость похлопал по пыльной поверхности телевизора.

— Показывает?

— Один канал, — ответил папа из-за газеты, — местный.

— Фильм я смотрел в ДК Строителей! — продолжил тему Коля.

— А царём кого выбрали?

Было ясно, что он всё знает. Других детей опросил, наверное. И старшую воспитательницу.

— Меня, — ответил Коля.

— Да? — удивился мужчина. — Ты, наверное, самый сильный и смелый? Царь Леонид!

Он уважительно улыбнулся, но продолжал вопросительно смотреть на мальчика.

Коля опустил глаза, подтянул подбородок, выпятил грудь и склонил голову на бок. Пожал плечами.

— Молодец! — легко хлопнул его большой ладонью по плечу Сергей Сергеевич.

Три часа спустя, когда у Коли гулко стучало в голове, Сергей Сергеевич закрыл свою тетрадь, вложил её в папку и встал.

— Так! Спасибо за чай!

Он протянул Коле крепкую спортивную ладонь.

— Что вы надумали дальше? В тот же детский сад?
Он уже обращался к уставшему от листания газеты папе.
— Или в новый пойдёте? Да у вас уже меньше года до школы осталось. Бабушку можно пригласить и дома посидеть. А? Спокойнее будет.

— Нет!

Папа тяжело поднялся с дивана, распрямляя затёкшую спину.

— Мы перевелись в четырнадцатый детсад.

— А! От промкомбината? Говорят, туда трудно попасть?

Сергей Сергеевич, прищурившись, улыбнулся папе.

— Ситуация нестандартная. Врачи посоветовали не возвращаться на прежнее место. Жена через горком место выпросила.

— У вас в горисполкоме знакомые?

— Да! То есть, так... не близкие. Но люди пошли навстречу.

Справки от врачей посмотрели, выслушали.

— Ну, хорошо! Привет супруге. До свидания!

Сергей Сергеевич бодро вышел, и Коля отметил, — папа демонстративно не пожал протянутую ему руку.

Коля выздоравливал. Швы снимали. Синяки под глазами сошли. До обеда он спал, вторую половину дня он проводил, наблюдая, как выполняет уроки Ася, размышляя и планируя. Ко дню его выхода в детский сад Коля был переполнен идеями, ждущими воплощения. Внутри всё горело от нетерпения. Воспитательница попрощалась с папой, взяла Колю за руку и повела в группу. Большой светлый зал с четырьмя огромными окнами на юг встретил знакомым гомоном, запахами пластмассы, пластика, резины, глаженого белья и борща.

Зал Коля мысленно разделил на две половины. Отметил воображаемую линию, улёгшуюся дальним концом в угол чёрного пианино с вышитой салфеткой. Увидел, где разбросаны игрушки, где стационарные игровые столики.

— Дети! — сказала воспитательница. — Дети, внимание!

Несколько ребят обернулись.

— Дети, тихо!

Затихли все, только двое мальчиков, ворчливо гнусава, пытались вырвать один у другого большой железный самосвал.

— Костя! Дима!

Один из ребят ослабил хватку и другой завладел игрушкой.

— Дети! Познакомьтесь! Это Коля. Он будет в нашей группе.

Не обижайте его. Дружите с ним.

Она мягко подтолкнула Колю в спину.

— Подойди. Вот это Саша, это Настя, это Света...

Дети смотрели враждебно. Только мальчик Женя выглядел дружелюбным, хотя и немного надменным. И девочка Оля была безразличной и возвышенной. «Близорукая» — констатировал про себя Коля.

— ... И Миша, — закончила воспитательница на двадцать втором детсадовце. — Миша, покажи Коле комнату для игр. И, скоро будет завтрак, дети, не сильно разбрасывайте игрушки.

Миша оказался букой. Он страшно напрягся, набычился, повернулся боком к Коле и стоял молча, глядя в жёлтый паркетный пол.

В предыдущем мире Коля назначил бы Мишу илотом.

А Женю — верховным главнокомандующим. Но теперь всё будет иначе. Главное, что извлёк Коля из предыдущего урока, — не назначать себя на высокие должности. Верховный жрец и царь — первые жертвы любой расправы.

Второй урок — никаких илотов. Никакого унижения человеческого достоинства. Или, как говорит дядя Эдик, «опускания».

Третий урок, главный, — дух должен рождаться в клетке. Контроль и упреждение.

— Миша, — начал строить новый мир Коля. — Какой ты крепкий! Ты качаешься? У тебя есть друзья?

Что нужно построить, Коля не представлял. Но он знал, с чего начать. Точнее с кого. С драчунов. Коля называл их «разбойниками». Выделить этих ребят в группе было легче лёгкого. Они сами выделялись. Как говорит дядя Эдик: «на ловца и зверь бежит». Это именно тот случай. Все любители подраться и помучить решительно двинулись к новенькому. Намётанным взглядом Коля выделил трусишек. Трусишки всегда более назойливы и безжалостны. Настоящие драчуны не спешили, оставаясь на заднем плане и наблюдая. Подошедшие кривили губы, перемаргивались, изображали сплёвывание. Именно, что

изображали. В соответствии с последними Колиными изысканиями у боязливого человека пересыхало во рту. Для того, чтобы продемонстрировать свою храбрость, мальчишки плевали на пол. Коля видел, что они изображают плевков — плевать было нечем, но и ответить смачным плевком не мог — у него самого пекло губы и язык от сухости.

Что делать? Подошедший мальчик взял Колю за пуговицу рубашки.

— Оторвать или оставить?

Коля знал этот фокус. Скажешь «нет», он оторвёт и скажет, что нужно было говорить «да». Скажешь «да»... Ну куда деваться от дядьдиковой науки?

— Это что, пацаны, — обратился Коля к остальным ребятам, — он у вас командует? Это над вами такой командир?

По недовольным лицам «настоящих» драчунов Коля понял, что попал в цель. Командирами себя считают другие.

— Отвали от него! — прозвучало справа, и Колина пуговица в этот раз осталась на месте.

После завтрака от всех детей гадко пахло рыбьим жиром. Воспитательница скомандовала одеваться.

В раздевалке было тесно и суетно, но Коля торопился строить мир и, надевая валенок, отклонился к мальчику Васе. (Коля с первого раза запомнил имена всех детей, названных воспитательницей).

— Вася, кто главнее: ты или Женя?

— Дети, торопитесь! Выходим! — закричала воспитательница.

Выйдя на улицу, дети начали играть в снежки.

— Дети, прекратите! У кого будут мокрые варежки, тех накажу.

Поставлю в угол.

Коля смотрел, как азартные дети продолжают кидаться снежками, несмотря на угрозы. Боязливые — прекратили и обиженно закрывались от ударов, апеллируя к шумной и занятой воспитательнице. Но Коля выделил и третью малочисленную группу из троих ребят, которые сняли варежки и продолжили кидаться без них. Этим нужно увлекать, прежде всего. И ссорить между собой.

Особенно неистово кидался снегом Вася. Коля своей фразой задел Васю за живое, и теперь тот утверждал своё главенство. Это хорошо. Сам Коля становится царём больше не хотел.

Коля всегда с интересом внимательно осматривался вокруг. У себя дома, на улице, в телевизоре, во сне. Он искал способы, которыми люди воздействуют один на одного. Способы подчинения. Он рассматривал прохожих, взрослых и детей, стариков и животных. Он старался разглядеть силу, при помощи которой один человек подчиняет другого.

Истории дяди Эдика были убедительными лишь до какой-то степени. Мультфильмы по телевизору быстро надоели поверхностностью смысла. Художественные фильмы — наигранностью. Особенно остро задевало понимание того, что эти сражающиеся между собой мужчины-друзья и собутыльники, которые разыгрывали его, зрителя — Колю.

Но Колян с восторгом смотрел документальные хроники и новости. В них присутствовали элементы реальности, пусть и усиленно прикрываемые комментариями. В новостях самым интересным было выключить звук и наблюдать движения и мимику членов правительства и эпизоды спортивных состязаний. В напряжённой борьбе человек всегда искренен, а потому обнажает свою суть. Папа с мамой и сестра Аська были в полной растерянности, наблюдая, как шестилетний Коля впитывает каждое слово и жест президента и совершенно скучает при показе мультфильма «Ну, погоди!». Они переглядывались между собой и многозначительно кивали на напряжённо глядящего программу «Время» Колю.

Но телевизору Коля доверял всё меньше. И он начал ходить к зданию горкома, чтобы увидеть пусть не самого могущественного человека страны, то хотя бы самых успешных людей города и области. Вот Сам вышел из машины и отдаёт команды шофёру. Вот Сам что-то говорит своим спутникам. А вот Сам встречает представителя из столицы. Покорно, но с достоинством.

Коля посещал спортивные соревнования. Особенно интересовался боксом и борьбой. Он ясно ощущал присутствие или отсутствие духа у спортсменов и всегда мог навскидку заранее определить, кто будет победителем. Ещё рассматривая зрительские

трибуны, он научился определять связанных каким-либо образом между собой людей. Это было интересно и в радость.

Вообще, в течение последнего долгого и приятного года он научился узнавать силы взаимодействия между людьми.

Заинтересовали его и взаимоотношения между мужчинами и женщинами. Дядя Эдик в отсутствие родителей, неоднократно приводил в их дом разных женщин и не сильно скрывался от пришедшего со школы Коли. Дядя Эдик командовал женщины игриво слушались, и они вытворяли такое, отчего подглядывающему Коле поначалу становилось плохо. Но потом, когда ночью в Коллину комнату вбежала перепуганная Аська и прошептала: «Ой, Коля, я боюсь! Там папа с мамой закрылись, и мама так кричит! Что делать? Может, врача вызвать или милицию?» — Коля повернулся лицом к стенке и пробурчал: «Иди спать и не подслушивай! Вырастешь, тоже будешь орать по ночам». И строптивая, несговорчивая Аська, успокоенная непоколебимой уверенностью его тона, отправилась спать, даже не спросив, откуда он всё это знает.

Этот вид воздействия Коля отложил на будущее, рассудив, что его время придёт позже. Буквально в последние дни пребывания в прежнем детсадишке он обнаружил ещё один способ воздействия. Убеждение.

Женщина привела дочку в садик, но малышка капризничала и не хотела идти в группу. Коля автоматически представил, чтобы сделал он. Любовный метод дяди Эдика он отбросил сразу как неприемлемый, хотя на короткое мгновение вообразил, будто подходит к девочке, обнимает рукой за попу, дышит с улыбкой в лицо и утробно рокочет:

— Пошли, детка!

Более успешным был бы другой способ от дяди Эдика, и Коля мысленно его прорепетировал. Он крепко дёрнул бы девочку за руку и рывкнул бы ей в ухо:

— А ну пошла! Быстро! Бегом!

Дальше можно было бы произнести какое-нибудь грубое выражение.

Но женщина повела себя иначе. Она присела на корточки перед девочкой и сказала:

— Там тебя Панночка ждёт. Вы будете в куклы играть. Ещё Панночка тебе покажет, как в классики играть.

— Я сама умею играть в классики, — возразила девочка.

— Ты умеешь играть в классики? — удивилась мама.

— Конечно!

— Лучше Панночки?

— Лучше! Я вчера ни разу не заступила, а она два раза заступила!

И девочка побежала, оставив маму у двери.

Как это получилось? Коля разволновался в предвкушении открытия. Мама не обманывала и не принуждала девочку. Мама описала девочке то хорошее и интересное, что её ожидает. А девочка, почему сама этого не знала? Знала, но не думала об этом. Не помнила этого. Значит, мама заставила её подумать. Потрясающе. Только напомнила. Только заставила подумать. И девочка пошла сама. Её не тащили за руку, не толкали в спину. Убеждение. Все довольны.

Взволнованный Коля весь день пытался отработать механизм воздействия и размышлял. Тогда-то он и потерял контроль над своими спартанцами. А потом было не до экспериментов.

Но сегодня он навёрстывал.

— Если ты победишь Женю, то станешь самым главным в группе!

— Ты лучше всех строишь дома из кубиков. Если Костя и Дима будут возить на грузовиках кубики, у вас получится настоящая бригада.

— Если вы с Инной, Катей и Светой нарисуете на больших листах картины, то сможете сделать настоящую выставку, как в Доме Офицеров.

— Женя набирает солдат для своей армии. Нужно, чтобы через вот эту линию на полу никто не переступал. Это граница. Хочешь быть пограничником? Ты моряк? Тогда будешь морским пограничником...

— Женька заявил, что это его территория. Ну, территория — значит, район его... Ну, всё, что там, — его.

Брошенные зёрнышки прорастали медленно, но уверенно.

Во вторник утром Коля бежал к машине впереди папы и в нетерпении стучал ногами по железному полу, ожидая, когда папа усядется, прогреет двигатель и, размеренно объехав сквер, вырулит со двора.

Не он один торопился и волновался. Вся группа кипела. Взвешенные вчера Колей, раззадоренные дома советами родителей, дети кинулись в гущу жизни и политической борьбы. Коля был ни при чём. Он стоял в стороне, как виденный им в парке художник, и только подходил к бурлящему мольберту и наносил мазок кистью:

— Вы тут драться задумали, а Женины солдаты у вашего Кости из грузовика кубики стащили.

— Женя, смотри!

На Колиной ладони лежала пробка от пивной бутылки. Коля вынул уплотнительную прокладку и, защебив рубашку на рукаве между пробкой и прокладкой, закрепил пробку.

— Смотри: пять пробок — маршал, четыре — генерал, три — капитан, две — рядовой.

— А одна?

— Одной не бывает!

Колин ответ был нелогичным, а потому будоражил несовершенством и логической недостроенностью. Женя отошёл в сторону, и уже к вечеру граждане приулицной стороны зала ходили с пробками на левых рукавах.

Всё, что делалось Колей, делалось впервые. Он не мог предвидеть далеко вперёд, а потому не мог знать, в какой последовательности, что делать. Он наносил мазок, отходил, смотрел результат, подходил и наносил следующий. Каким-то внутренним неизвестным органом Коля ощущал возникновение единого ритма, предвестника Духа.

— Таня, у тебя мама на заправке работает? Из этих деталей можно сделать бензоколонку. Заправляться не захотят? Захотят!

— Миша, машину нужно заправлять. Ты заправляешь?

— У меня машина не заправляется, — бурчал Миша.

— Так не бывает. Бензин кончается — нужно заправлять.

— У меня вечный бензин.

— Смотри сам. Но ведь машина у тебя настоящая. А настоящие машины нужно заправлять.

— Лена, ты лучше всех считаешь. Нужно учитывать, сколько кубиков кто перевёз.

— Зачем?

— Знать, кто лучше работает, знать, сколько кубиков уходит на строительство домов.

— Света, как зовут твою куклу? Таня? Ты её мама, а кто папа? Без папы не бывает. Если вы с Серёжей поженитесь, он будет папой. А вот в этом месте у вас будет квартира. Вот здесь кроватка для Тани...

К вечеру вторника условная разделительная линия между государствами «от угла столика до гвоздя в полу» превратилась в настоящую границу с полосатыми столбиками и контрольно-следовой полосой. Лена обратила всеобщее внимание на тот факт, что «у нас больше жителей, а места меньше». На что ей ответили: «А вы ходите через нас в туалет». Начались распри с перемещением столбиков, с целью расширения территорий. И только окончание дня и приход родителей остановили назревавшую войну. Коля ехал с папой в «Москвиче» и невидящим взглядом упирался в сверкающую огнями ночь за попискивающими дворниками. Ему предстояло в течение вечера найти способ предотвратить войну.

Папа пытался с ним поговорить, задавал вопросы, но получал на них невнятные ответы.

— Как у тебя дела?

— Нормально.

— Ты подружился с кем-нибудь?

— Не знаю.

— Как это не знаешь? С кем ты играешь?

— Со всеми.

— Во что вы играете?

— Кто во что.

— Колян, — папа погладил Колю по голове. — О чём ты думаешь? Может, я что подскажу?

Коля обернулся к папе. Сосредоточился.

— Скажи, зачем нужна милиция?

— Странный вопрос! Чтобы защищать граждан. Трудящихся. От бандитов и хулиганов.

— А откуда берутся хулиганы и бандиты?

— Как и все люди. Вырастают.

Коля засмеялся.

— На грядках?

— Нет, — не разделит смех папа, — в семьях.

— А милиционеры где вырастают?

— Милиционерами становятся.

— Кто?

— Что за проблема, Колян? Странные у тебя вопросы. Тебе милиционеры не нравятся или хулиганы?

— Не в этом дело. Я понял, что милиционеры и бандиты — это одно и то же. Разбойники. Люди, которые не умеют и не хотят трудиться...

— Это ты вчера сериал смотрел? Сериалам доверять нельзя!

Коля нахмурился и замолчал.

— Ой, Колян, извини. Рассказывай. Я не буду тебя перебивать.

— Это люди, которые отбирают у других то, что другие сделали своим трудом.

Папа был явно недоволен услышанным, но смолчал.

— Тогда государство придумывает правила, по которым делит этих людей на две части. На бандитов и на милиционеров. Бандиты живут за счёт обирания граждан «не по правилам», а милиционеры получают зарплату за счёт граждан «по правилам».

Папа побледнел. Он покачал головой и прижал машину к обочине.

— В жизни всё просто, — продолжал вслух рассуждать Коля, — милиционера направили на бандита, и они убили друг друга. Двумя разбойниками меньше. А государству двойной доход. Тот не ворует, этому не нужно зарплату давать. Но мой мир искусственный. У меня милиционеры и бандиты не убивают друг друга. Мои армии не истребляют друг друга. Драчуны и бездельники никуда не исчезают. Предстоит вечная война. Я не могу создать стабильную гармонию.

— Коля! — не выдержал папа. — Что ты говоришь!? Это всё цинично и аморально! Нельзя даже думать об убийстве как способе решения проблемы. Даже убийство муравья — преступление. А это — люди!

За ужином папа был задумчив. Коля тоже. Аська несколько раз убежала от стола звонить по телефону. Наверное, своему долговязому очкарику. Мама пыталась всех разговорить и организовать застолье в праздничный семейный ужин. Потом отчаялась и ушла мыть посуду.

Коля и папа остались смотреть программу новостей. И тут пришла подсказка: «Растут и ширятся торговые связи между...» Горячая волна удовольствия разлилась по Колиному телу. Он рассмеялся и, обернувшись к мрачному папе, прошептал:

— Есть!

Папа удивлённо смотрел то на Колино торжествующее лицо, то на дикторшу, несшую скучную ахинею о поставках тракторов в Болгарию.

— Что? — спросил он Колю.

— Торговля! Торговля остановит войну!

Папино лицо снова омрачилось. Он опять смотрел на Колю так, будто впервые его видел, или будто смотрел в пропасть — со страхом и отчаянием.

Папу вдохновить на беседу не удалось. Зато мама отложила взятые на дом отчёты и засев с Колей в его комнате, подробно рассказывала о своей работе экономиста. Она поведала о золотом запасе страны, о денежном эквиваленте, об избытке денежной массы. Она чертила Коле графики экономических подъёмов и спадов, рассказывала об эмиссии, о денежных реформах страны, об экономических проблемах своего предприятия. Коля чуть ли не воочию видел станки, печатающие деньги, лопающиеся банки, производящие чугунное литьё заводы.

Потом мама перешла к фрактальности в экономике, и Коля «забуксовал». Источник маминых знаний был бездонным, и мальчик быстро в нём утонул. Мама, увидев растерянные глаза сына, с сожалением перешла к объяснению элементарных понятий.

— Вон, видишь клён во дворе?

Освещенный лампочкой, у подъезда стоял большой, побелённый снегом старый клён.

— Видишь, как у клёна расположены основные ветки? Внизу влево средняя, выше от нас длинная, выше вправо средняя, выше нас маленькая.

— Вижу, — кивнул Коля.

— Теперь смотри на нижнюю ветку. Её веточки повторяют ветки на стволе дерева. Углами наклона к центру и соотношением длин.

— Нет, — возразил Коля. — На ветке лишний отросток у ствола.

— Правильно! — обрадовалась мама. — Молодец. Ты увидел нарушение фрактальности. Теперь, если ты спустишься и осмотришь основной ствол клёна, то найдёшь внизу след отломанной когда-то ветки. У каждого дерева своя фрактальность. У береговой линии своя фрактальность. В экономике государства своя фрактальность.

Коля кивал и впитывал, как губка, чудесные знания. Когда мама рассказывала о проблемах государства, критиковала его экономическую политику и предвещала кризис, вошла сонная Аська.

— Вы с ума сошли. Второй час ночи. Завтра рабочий день!

Когда мама ушла, Коля начал готовиться к завтрашнему дню. Из всего услышанного за вечер он сделал главный вывод — основой развития экономики со свободной торговлей является инфляция. А значит, нужно много бумаги.

Утром все проспали. Коля не мог понять, чего от него хотят, когда его тормошили, тащили с него одеяло, пихали в руки одежду.

Не попив чаю, Ивановы забрались к папе в машину, и он развёз: Асю в школу, маму в институт, Колло в садик. В этой суете Коля едва не забыл приготовленный с вечера пакет.

Идея денег заинтриговала в группе всех. Девочки отложили свои натюрморты и портреты, схватив привезённую Колей бумагу, начали творить купюры. Оба государства, позабыв распри, занялись экономикой.

Лена проводила оценку имущества. Самосвал 2 рубля, кубик 10 копеек, коляска 5 рублей.

Только Миша и Саша продолжали водить свои самосвалы. Сами грузили, сами разгружали, сами заправляли горючим и, наконец, начали сами строить дома, не дождавшись каменщиков, увлечённых рождением государственных денежных знаков.

Потом Женя написал на купюрах своё имя, и началась торговля. Смежное государство также было занято банковскими проблемами. Даже пограничник Лёша и его джультбарс — Ваня оставили пост. Каждое государство следило за секретностью своей деятельности. Но хранить секреты на площади игрового зала невозможно.

В атмосфере оживлённой торговли прошёл и четверг. Коля зафиксировал тенденцию быстрого вымывания товара и пришел к выводу о приближении нового витка военного противостояния. Теперь будет война за товар. Ведь нового ничего не производилось. Цена на самосвал достигла 1500 рублей. Появились случаи воровства. Бумага кончилась. Рисовать деньги не на чем. Назревал очередной мировой кризис. Нужно было искать выход. Коля одновременно с тревогой и надеждой ожидал, какой лик проявится на его полотне. Но дух государства не формировался. Может, клетка слишком тесна?

Во время тихого часа было слышно, как ребята продолжают торговаться за цветные тряпочки, оторванные от матраца. Воспитательница, как обычно, вышла в соседнюю группу к своей подруге. За окном падал снег. А Коля испытывал жесточайший голод знания. Как говорил папа, не нужно изобретать велосипед. Всё уже придумано. Где оно, то, что придумано? По телевизору мутные неконкретные разговоры, вокруг — детский сад. Сходить с Асей в библиотеку? Но Коля плохо читал и вообще не ориентировался в горах литературы на громадных стеллажах. И что-то ему подсказывало, что в библиотеках то же, что и в телевизоре. «Только на маму надежда». С этой мыслью Коля задремал.

После тихого часа он пытался создать второе обязательное условие рыночной экономики — «безработицу», которую научно называли «рынком рабочей силы». Это могло несколько снизить цены на дефицитный товар. Он подошёл к Васе с целью объяснить тому, что два грузовика для перевозки купленных у населения

конфет и мандарин — это много. И если ускорить погрузку и сократить лишние петли на маршруте, можно обходиться одним грузовиком и платить одну зарплату, а не две. Тем более, что водитель Сеня Васе давно не нравился.

Но Коля не успел этого сказать. Он увидел, что из раздевалки в зал смотрит давешний психиатр. Божий одуванчик блестел очками и кого-то искал взглядом. Почему-то у Коли не возникло ни малейших сомнений относительно объекта поиска. Он сделал вид, будто не заметил старичка и, подняв брошенный кем-то мелок, начал вырисовывать деревья на чёрной учебной доске. Чтобы не выглядело так, будто он валяет дурака, Коля старательно рисовал дерево совершенной гармонии с чётко выраженной фрактальностью до третьего порядка. Когда он, скользящим взглядом, увидел, что психиатра в проёме нет, то не спеша подошёл к окну и увидел своего знакомца со спины. В серой каракулевой папахе тот шёл к воротам, сопровождаемый другим человеком. Статным и по-офицерски подтянутым, несмотря на гражданскую одежду, Сергеем Сергеевичем.

Вечером Колю забирала сестра. Когда он оделся и они пошли к трамвайной остановке, Аська сказала:

- Папа пропал. Тебя утром отвёз, а на работу не явился.
- Нужно в милицию заявить!
- Мама хотела заявить — сказали, только через три дня после исчезновения.

Коля был в шоке. Он пытался осмыслить услышанное и придумать, что делать дальше. Молча дошли до остановки. Грязный снег, усыпанный окурками, угнетал сырым скрипом. «Папа пропал». Коля невольно ухватил сестру за руку и сжал. Что делать?

— Дядя Эдик поехал к своим знакомым «уголовникам», — продолжила Аська. — Он пообещал маме, что найдёт папу живого или мёртвого.

От последних слов Коля сел на снег. Ася присела рядом на корточки.

- Вставай, Коленька. Вставай. Я чувствую, что всё будет хорошо. Папа найдётся.
- Это из-за меня, — вздохнул мальчик.

Мама.

Наш институт расформировывали, и мне нужно было искать работу. Предлагали должность в новом формировании, но мне не понравилось руководство. Сколькое. Знаете, то, «новое русское». Кичащееся своей беспринципностью.

В четверг утром Павел отвёз меня на работу. У входа в институт под знаком «стоянка запрещена» раскорячился огромный, как автобус, джип. Мне показалось, что я обходила его полчаса. Чтобы подойти к ступеням, пришлось тронуться полрой пальто о толстую хромированную трубу перед капотом.

В моём кабинете были посторонние. Видимо, пришла-таки моя очередь убираться вон. Ну, что ж, всё когда-то кончается. Не хочется оставлять привычное место, любимую работу, милый сердцу выше среднего заработок. Но всё когда-то кончается. И жизнь кончится. Вот когда по-настоящему будет не хотеться. Я рассмеялась.

— Интересно, интересно, Людмила Ивановна. Мы вас ждём уже полчаса, а вы смеётесь!

Незнакомец смотрел на меня в упор, будто проститутку на вокзале рассматривал. Почему они мне так не симпатичны? Люди как люди. Пришло их время, и слава Богу. Что я — тормоз прогресса? Полностью расслабленное высокомерное лицо хама. Показное золото, дублёнка нарасташку. Но кто сказал, что люди должны быть зажатыми, перекошенными, с бегаящими глазами и лоснящимися локтями? Я тоже стала перед ним во фронт и демонстративно осмотрела с головы до ног.

— Здравствуйте! Что вам нужно?

Из-за его спины показался ещё один. Такой же раскрепощенно-страшный, только худой и сутуловатый.

— Здравствуйте, Людмила Ивановна! Мы к Вам!

Я обошла обоих гостей, для чего пришлось отодвинуть их плечом, подошла к своему столу, сняла жарку для помещения шапку и положила на бумаги.

- Я вас слушаю!
- Мы знаем о Ваших трудностях и хотим Вам помочь.
- Каким образом?
- Предложить Вам работу.

Он пялился на меня и гадко блеснул золотым зубом.

— Интим не предлагать! — сказала я.

Я оценила их выдержку и признала за ними огромный такт, когда они, переглянувшись и окинув меня новыми взглядами, не стали ржать и комментировать. А может, поняли, что я их поубиваю.

— Что Вы, Людмила Ивановна? Как Вы могли подумать? Вы нам нужны как специалист. Ваш интеллект и Ваши знания.

Я молчала, пока он театрално пел дифирамбы. Раньше я бы раздражённо прервала его и потребовала быть короче, но сейчас они своим поведением и своей энергетикой пресекали во мне всякую суетливость, несдержанность и закомплексованность.

— Поехали с нами в офис, там и поговорим.

Я всегда предпочитала для серьёзных бесед свою территорию, но сейчас это место уже не было моим. И я сразу отключила в себе иллюзорную надежду на его защиту. Моя территория — весь мир. И главное. Я чувствовала, что эти люди значительно больше персонажей, которых они изображают.

— Поехали.

Я взяла со стола листок бумаги и написала. «3 ноября. 9.06. Уехала с двумя неизвестными на джипе Мицубиси. Синего цвета, с серебристым низом. Номер 777-77. Область наша. Последней буквы не помню».

Джип не «Москвич». Мне очень понравилась эта машина. Пока ехали к центру, я почувствовала, что жизнь моя делает крутой поворот. В чём это выразится? Я стану богатой? Моя без того интересная работа станет интереснее? Ася и Коля надёжно станут на ноги? Мир раскроет свои глубины?

Их офис находился рядом с парадным входом горисполкома. В этом я увидела проявление «понтов», которые так свойственны этому социальному виду.

Как говорил Эдик: «Понты дороже денег». Господи, вот и я Эдика цитирую. Хорошо, что я попросила его бывать реже в нашем доме. Если уж я его языком заговорила, то что спрашивать с ребёнка?

В офисе всё было заставлено компьютерами. На заставке ближайшего повернутого ко входу монитора в режиме слайд-шоу сменялись голые девушки и автомобили. И вдруг...

Появилось изображение оставленной на моём столе записки. «3 ноября. 9.06. Уехала с двумя неизвестными на джипе Мицубиси. Синего цвета, с серебристым низом. Номер 777-77. Область наша. Последней буквы не помню».

Изображение сменилось очередной голой задницей, и я второй раз за утро от души рассмеялась.

— Присаживайтесь, Людмила Ивановна. Меня зовут Андрей, — представился, наконец, один из моих новых знакомых.

— Очень приятно! — ответила я и перевела взгляд на второго. Сутулого. Он раздевался и вешал куртку в шкаф-купе.

— Это Владимир, — представил его Андрей.

— Я абсолютно уверен в том, что Вы согласитесь работать у нас. Поэтому пригласил Вас сразу в наш офис для обсуждения условий и составления договора.

Он обаятельно улыбнулся. Может, если хочет. Но улыбка показалась мне несовершенной. Где-то на грани восприятия или, если поэтичнее, за уголками губ... или в глубине глаз... было презрение.

— Кто директор вашей фирмы?

— Я уполномочен решать этот вопрос.

Снова улыбка.

— Тысяча евро! — сказала я, глядя, как слайды на мониторе прошли по кругу и снова показали мой стол в кабинете института. Записки на нём не было. Я поправилась:

— Две тысячи евро!

Андрей откинулся на стуле. Угодливость на его лице снова сменилась ироничным высокомерием.

— Это зарплата нашего директора. Что ты о себе возомнила?

Обыкновенно в таком случае я встаю и ухожу. Но сегодня всё было необыкновенно. Если я встану и пойду к двери, то сразу станет ясно, нужна я им или не очень. Остановят или нет? Если да, то как? Если остановят и согласятся, то и цена моя будет две тысячи евро в месяц. Мой срыв будет свиде-

тельством моей цены. А мне самой очень интересно, сколько я стою.

Я представила резиновую куклу в сексшопе с этикеткой «2000 евро» и рассмеялась.

— Чего ты всё время ржёшь? — вмешался Владимир.

Андрей поднял руку, останавливая его.

— Четыре тысячи! — сказала я.

Глаза Андрея забегали. Я отчётливо увидела, как его босс бросает ему через стол пачку денег и говорит:

— Здесь её зарплата и твои комиссионные. Дерзай!

Сдержавшись от смеха, я сказала:

— Пять!

Андрей попытался улыбнуться, но получилась гримаса. Он посмотрел на повернутый ко мне монитор, видимо, сомневаясь в том, что я заметила слайд с исчезнувшей запиской.

— Ты хоть понимаешь...

— Вы! — поправила я.

— Ты!

— Десять тысяч евро в месяц.

Он пожевал губы.

— Работа, которую... Вы, — не смог обойти обращение, — будете выполнять, того не стоит.

— Не люблю уговоров отдаться даром. Пятнадцать тысяч.

Андрей вскочил и ударил ногой по стулу.

— Та-та-та! Андрюша! Займись делом. Я поговорю с Людмилой Ивановной.

И тут он расцвёл мощью и обаянием. Вот так «сутулый»! Психолог-аналитик сказал бы: сутулитесь, значит, не уверен в себе, старается быть незаметнее. Верь после этого психоаналитикам.

Владимир был вторым эшелонном. Или тяжёлой бронетехникой. Дождавшись, когда Андрей, шипя и пиная углы, выйдет, Владимир отставил стул Андрея, пододвинул другой стул ко мне и, усевшись «колени в колени», начал меня «гипнотизировать».

— Не скрою, Людмила Ивановна, Вы мне понравились. Цену себе знаете. Это то, что нам нужно.

Он взял со стола свежееотпечатанный договор и протянул мне. В разделе зарплата стояло прописью «Две тысячи долларов». Владимир протянул ручку.

— Какая-то игра амбиций получилась, Людмила Ивановна. Детский сад, ей Богу. Андрюша наш не дипломат, конечно. Но Вы не сердитесь. Он Вам ещё понравится.

Владимир окутывал меня сексуальной аурой обаяния.

— Вопрос нужно начинать с другого. Что нам от Вас требуется? Верно? И отсюда исходить в разговоре об оплате.

Я отодвинула от края стола пресловутый монитор, положила на стол Договор и поверх двух тысяч долларов жирно навела: 30000 Евро. И толкнула лист вербовщику.

— Знакомая сумма! — как-то гадко ухмыльнулся тот. — Недавно у одного бизнесмена похитили ребёнка и потребовали заплатить именно столько.

Он дотянулся до клавиатуры, два раза ударил «ввод» и заставка из слайдов сменилась фотографией. На ней были дети старшей группы детского сада, оживлённо во что-то играющие. Возле стены одинокой фигуркой стоял мой Коля. Я ожидала и избиений, и угроз, и шантажа, но увидеть сына было очень приятно. Я засмеялась от удовольствия, увидев моего маленького задумчивого малыша.

— Вы правы, Владимир! 30 тысяч ничего не стоят в сравнении с моими детьми. Что я им дала со своей «любимой работой»? Аська скоро в невесты уйдёт. Уже в подъезде целуется с мальчиками. Коля растёт... Жизнью интересуется.

Слёзы залили мне глаза. Пришлось доставать платок. Владимир кивал и старался скрыть сочувствием самодовольство.

— Муж на старом «Москвиче» позорится. А квартира сейчас в городе не меньше пятидесяти тысяч стоит. Я мало думаю о детях. Мало. Сто тысяч, Володя! Сто тысяч евро в месяц! И всю сумму задатком за день до начала оплачиваемого месяца. Укажите об этом в Договоре отдельным пунктом.

Володя поблел, как пластик на стене.

— Будут и дополнительные требования. Но это с вашим директором.

Заслонённая углом шкафа и не видимая мною раньше дверь открылась, и в комнату вошёл высокий, элегантно одетый мужчина. Тёмные очки, блестящая лысина, гладко выбритые щёки. Наконец-то!

— Здравствуйте, Людмила Ивановна. Не удивлены? Вижу, даже удовлетворены. Вова, приготовь нам кофе.

Мужчина уселся на край стола, отвернул монитор с фотографией Колиной детской группы. Посидел, задумчиво глядя на свою идеальную туфлю.

— Я Буданцев. Александр. Директор. Босс по-нашему. Сто тысяч евро — Ваша последняя цена?

— Не знаю...

Я прислушалась к себе, но услышала лишь, как в соседней комнате полусшёпотом матом выругался Володя.

— Сто двадцать!

— Слышишь, Березняков! — обернувшись, крикнул ему Буданцев. — Двадцать тысяч ежемесячно из твоей зарплат!

Ответом был звон разбиваемой посуды.

— Иди сюда, составь Договор!

Володя вошёл тихий и покладистый. Он избегал смотреть в мою сторону. Сел за соседний стол и начал работу.

— Синецкий!

Из другой двери вышел такой же тихий и деловой Андрей.

— Возьми из сейфа сто двадцать тысяч и заплати Людмиле Ивановне!

И ко мне.

— С завтрашнего дня Вы работаете на меня.

Передо мною лежал кейс с деньгами, стояла чашка кофе и лежал свежий договор.

— На метро домой поедете? — улыбнулся Буданцев. — Или в банк отнесёте?

— Нет. Александр... Как вас по батюшке?

— Иванович!

— Иванович! Вы мне дадите паренька, — я указала на Володю, — и мы поедем на вашем Мидубиси в риэлтерскую контору. Хочу квартиру дочке купить на первую зарплату.

Буданцев улыбнулся:

— Попробуйте!

Моя рука с ручкой зависла над Договором.

— Угрожаете!

— Ничуть! Просто я Вас немного понял. А Вы меня пока нет. Вы подписывайте, подписывайте. Там Ваша настоящая цена. Настоящая первоначальная (!) цена.

Я подписала. Что такое подпись в наше время! Смех, да и только.

— Рад, что Вам весело. И предлагаю начать работу сегодня. Время, понимаете ли, не ждёт. Хотя бы ознакомьтесь. А потом поедете с Володей в риэлтерскую контору.

Передо мною лежал чёрно-белый фотоснимок пятьдесят на пятьдесят сантиметров с изображением чего-то непонятного. Возможно, земной поверхности, возможно, поверхности кожи какого-то животного. Например, рыбы. Я бы предположила, что это космоснимок пустыни. Но из-за отсутствия масштаба можно допустить, что это часть большого пляжа, сфотографированная с самолёта. Или это пыль на обочине дороги. С эловыми формами. Да, это похоже на дюны. На полчаса я погрузилась в созерцание и изучение снимка. Буданцев молчал, ничего не объясняя. Помощники затихли в соседней комнате.

— Мне можно это взять с собой? Я что-то чувствую здесь... Нужно время понять, что здесь не так.

— Нет. Выносить это нельзя. И рассматривать только в моём и их присутствии. Что-то поймёте — звоните немедленно. Это важно!

Он забрал фотографию.

— До завтра, Людмила Ивановна. Березняков, будешь сопровождать сотрудницу! Форма ноль два! Володя кивнул, оделся, взял чемодан с деньгами, и мы пошли к двери.

— И ещё! Людмила Ивановна! — Буданцев приблизился и глубоко заглянул в мои глаза. — Работая у нас, Вы поймёте, что материальные ценности не такие уж и «ценности».

Снимок всё больше беспокоил меня, но конторы были рядом, и думать было некогда. В первой конторе мне не понравилось.

Угодливый искристый юноша просвечивался неполноценностью. На первом же моём требовании начал советовать по телефону. Низкий уровень ответственности персонала.

Во второй было лучше. Но предложенные районы были мне не интересны. Нам порекомендовали третью контору, и там оказалось то, что мне подходит.

Мы поехали смотреть квартиру. Садясь в машину, я зацепилась взглядом за трещину в асфальте и ощутила, как что-то остро проскребло по сердцу. Я свесила ноги на тротуар и усталилась на трещину. Володя, собиравшийся закрыть за мною дверь, в растерянности стоял. Севший впереди возле водителя риэлтер удивлённо молчал. Что с этой трещиной? Она похожа на деталь фотоснимка... Тякнула собачонка на поводке проходящей женщины.

Мысль ушла непоиманной. Но мозги включились. Поехали!

Квартира была что надо. Третий этаж. Все окна на юг и восток. Евроремонт. 150 квадратов. Планировка, мебель... Прелесть. Я ходила, хлопала дверьми и дверцами, клацала выключателями, крутила краны. Вид с лоджии на нижний город с луковками церквей, куполом цирка, зеленью парка заворожил меня.

— Ну как? — через два часа спросил уставший продавец, пытаясь прочесть будущий ответ по моему лицу. Володя сидел в кресле и задумчиво листал журнал мод.

— Ряд условий.

Я заметила, как Володя ехидно улынулся и удовлетворённо кивнул головой, не отводя взгляда от журнала.

— В прихожей искрит выключатель. В левой комнате... Вы записывайте, не гений, поди! В левой комнате не герметично окно. Потеет изнутри. Заедает жалюзи. Заменить. На кухне нет пломбы водяного счётчика.

Я диктовала, но всё больше передо мною вырисовывалась трещина в асфальте.

— Бачок заменить в уборной.

— Что Вы, — начал наконец сопротивляться продавец, — совершенно новый...

— Вас носом ткнуть в трещину или вы сходите и посмотрите сами?

И тут я поняла.

— Володя, телефон Буданцева!

Тот вскочил, как выстрелил.

— Держите!

Набрал и протянул мобильник.

— Да, — ответили голосом Буданцева.

— Кто это?

— Это я, Люда! Нажми на телефоне троечку! Говори!

— Предмет перед Вами?

— Да.

— Как был передо мною?

— Да.

— Палец в центр. Проведите линию на восьмёрку.

— Есть!

— Возвратитесь к центру на пядь.

— Есть.

— Сантиметр вверх.

— Есть.

— Нарушена фрактальность. Если это цифровой снимок, значит, взят участок в другом месте и что-то закрыто. Или на местности что-то замаскировано под дном.

— Дай Березнякова!

Володя схватил телефон, выслушал.

— Попробуем продержаться!

И мне.

— На пол!

— Согласен, бачок заменим! — вошел продавец.

Я дёрнула его за ноги.

— Падай!

Володя побежал по комнатам, закрывая жалюзи. Открыл все двери между комнатами и кинулся в прихожую. В руках у него был пистолет. Я поползла следом. Увидев меня, он прижал палец к губам.

— Наши едут. Нужно продержаться.

Я не успела ничего спросить, когда началось нечто страшное. Лопнуло стекло в серванте, потом в двери между комнатами.

Тонкий на грани слуха звук вонзился в голову. Я застонала от боли и выкатилась в гостиную. Здесь было то же самое. Риэлтер катался возле дивана, держась за голову. Я попыталась найти источник звука, встав на ноги и мечась по комнатам. Обернула голову покрывалом, стало чуть-чуть легче. Лопнули стёкла в окнах, и сразу немного отпустило. Тогда я вернулась в гостиную и открыла балконную дверь. Опрокинула на стонущего человека мягкое кресло, надеясь как-то его защитить. В прихожей с пистолетом в руке у двери стоял Володя. В другой руке у него было зеркало, через которое он пытался заглянуть в дверной глазок. Из ушей и носа у него бежала кровь. Но тут всё прекратилось. Мы тяжело выдохнули. В глазах стояла красная пелена. В дверь постучали.

— Вовка! — голос Андрея.

— Наши, — хрипло прошептал Володя, заглядывая в зеркальце.

— Стань здесь и крикни, чтобы тот ушёл вверх по лестнице.

— Ушел вверх по лестнице! — закричала я.

Володя открыл замок, и в квартиру ввалились человек пятнадцать вооружённых людей в масках. На лестнице раздались выстрелы и крики.

Вошедшие кинулись во все комнаты, занимая позиции у окон. Вытащили из-под дивана потерявшего сознание продавца. Я обернулась к Володе и начала стирать ему кровь краем тюрбана с моей головы. Он повернул ко мне зеркальце, и я увидела свою совершенно жуткую физиономию. Два ручья бежали из носа, кровавые белки, вздувшиеся на лице поры. И бисерные капли пота.

— Ещё бы пять-десять секунд, и нам кранты, — прошептал охранник, — ультразвук. Дай бог теперь выжить и идиотом не задаться.

Я осмотрелась на лопнувшие окна, люстры и зеркала. Через открытую дверь уборной просматривался фонтан воды из развалившегося бачка.

Вдруг поняла, во что ввязалась. Поняла многозначительные намёки Буданцева. И поняла, что ни сто тысяч мне не нужны, ни миллионы мне не нужны. Некуда мне их девать с такой работой. Я рассмеялась. Что же было изображено на том снимке? Рыбья чешуя или барханы? И что за тайну я раскрывала?

И тут заурчал мой мобильник. Звонил сотрудник Павла. Павел сегодня не вышел на работу. Первая мысль: «Из-за меня!»

Дядя Эдик.

Когда Людмила позвонила к Эдику и сообщила об исчезновении Павла, тот развил бурную деятельность.

Несмотря на свои речи о тюрьме как школе жизни и восхваление тюремных нравов, Эдик был реалистом. Во всяком случае, себя он не обманывал и понимал две вещи: в тюрьму попадают неудачники и хороших людей среди бывших и настоящих зеков не больше и не меньше, чем среди несидевших.

Когда он обратился в милицию, ему сказали, что начнут поиски через три дня.

— Он сейчас сдыхает в каком-нибудь канализационном локе. Через три дня вы ему не нужны будете, — настаивал Эдик.

— Он сейчас пьяный у любовницы спит, а мы людей оторвём от серьёзной работы, — возразили ему.

К местному вору в законе, который «держал весь район», Эдик пробивался два часа. Тот выслушал просьбу и спросил:

— Ну и что ты себе думаешь? С какого это я брошу дела и займусь поиском твоего брата?

Прав был Колян. Сражаются Монтекки и Капулетти на подмостках театра — зрителя на бабки разводят, а за кулисами сядут бухать вместе — все кумовья и родичи.

Наверное, были люди как среди тех, так и среди других, но наткнуться на них — большая удача.

Эдик поехал к своему старому знакомому по зоне Михалычу. Михалыч — человек. Когда Эдик откинулся, Михалыч помог ему устроиться сторожем в строительном кооперативе, и теперь они дежурят по сменам. У Михалыча была машина. Они уговорили третьего сменщика отработать завтра за Эдика и договорились встретиться в шесть утра.

Вечером к Людке не пошёл. Подошёл к подъезду, где Пашка ставил свой «Москвич», и долго осматривал следы протекторов. Снег сегодня почти не падал, следы были ясные. Зарисовал для обострения внимания.

Потом сидел дома и размышлял над картой города. Под утро на пару часов уснул. В шесть утра вместе с Михальчем подъехали к детскому саду.

— Девяносто девять процентов людей, которые пройдут здесь с шести пятнадцати до семи, проходили здесь вчера в это же время, — вслух размышлял Эдик.

Михальч молча пожал плечами.

Эдик быстро понял, что с утра он не обаятелен. Или люди с утра сонные. Он опросил за пятнадцать минут около сотни человек, натываясь на раздражительность, непонимание и нежелание говорить. Мамы, ведущие детей в детсад, физкультурники на пробежке, клерки, идущие пешком на работу, дворник и мужчина с собакой.

— Видел я вашу машину, — сказал парень в форме охранника, пряча горло в тёплый воротник. — Трое запрыгнули в машину, когда водитель отъезжал. По лицу водителя было видно, что не друзья. Если бы он не поехал, я бы вмешался.

— В милицию не звонил?

— Нет. Я сомневался. Может, ошибся. Может, спешили ребята.

— Куда поехали?

— Вниз по проспекту. Я проводил взглядом до вон той остановки, а там трамвай их загородил.

Эдик с чувством двумя руками пожал парню руку и побегал в машину к Михальчу.

— Не выкинули. По голове не дали, — говорил он, пока Михальч разворачивал машину.

— Поехал, куда сказали. Почему? Он Афган прошёл — решительный.

— Вольной в бок ткнули, вот и поехал, — включил дедукцию Михальч.

— И куда они так доедут? Впереди на проспекте пост. Поедут они с вольной под боком мимо поста?

— Могут. Но вряд ли. Если не тупые отморозки.

— Значит, они свернули где-то до поста.

— Да, отворотов десять наберётся. А в моргах ты искал? В больницах?

— Его жена вчера обзванивала всех. Два раза ездила на опознание.

— Без ментов?

— Без. Деньги сопровождают лучше ментов.

— Куда дальше?

— Давай сначала улицы справа?

— Ты чё? Все улицы объехать хочешь? Они в город ведут. Это как реку руками вычерпывать. Мы за месяц...

— Успокойся! — прервал Михальча Эдик. — Держи!

И бросил тому на колени деньги.

— Пятьсот зелёных. Не ропщи. Сворачивай здесь.

Сначала улицы по правую сторону вели в частный сектор над рекой. Они ветвились, заводили в тупики, но следы протекторов просматривались хорошо. Потом начались кварталы многоэтажек. Личный опыт и знание жизни подсказывали Эдику, что здесь «холодно». Он объехал весь квартал, высматривая открытые подвалы, люки, развалины подстанций и залесенные склоны над рекой. Бегом. Куртку снял, чтобы не жарко. Кроссовки, полные воды. Что там за рытвина? Снег нетронутый. Нечего там делать. Склон спускается в заросли. Внизу дети играют. Было бы что — уже кипиш подняли бы.

В доме подвал открыт. Бегом туда! В кроссовках вода чавкает. На подвале решётка. Можно взломать. Только что-то внутри протривится. Поехали быстрее дальше.

Выбрались к шоссе по другой дороге. Эдик начал рассматривать постройки на противоположной стороне шоссе.

— Глянь, чудик семафорит. Нам что ли?

Михальч с трудом выехал на главную, пересёк сплошную линию и, подрезая маршрутку, выбрался к противоположному тротуару. Никакого «чудика» там не было. Зато Эдик заметил нечто такое, отчего его бросило в жар.

— Сворачивай! Вправо!

— «Сворачивай!» Там знак! Ты видишь?

— Не гунди, Михальч! Я вижу знак. Сворачивай.

Михальч не заметил того, что заметил Эдик. Под столбиком со знаком, запрещающим движение, лежала шапка, очень похожая

на Пашкину. Эх, Пашка, Пашка! Мальчика с пальчика вспомнил? Очень возможно. Очень! Но человек, который махал им шапкой, тоже не приснился. Помахал и исчез.

Машина взбиралась, объезжая колдобины, а Эдик уже различал чуть припорошенные следы Пашиного «Москвича». Или похожие. Преодолев подъём, машина пошла резвее. Но следы были заезжены грузовиками.

На заборе, огораживающем заброшенную сталинскую четырёхэтажку, висел зелёный, как у Павла, шарф.

— Сворачивай!

— Куда? В забор? Или в яму?

Михальч устал. Ещё бы. Семь часов без перерыва по подворотням приходится шастать. Утром только чаю попил. Жрать хочется. Он остановился.

Эдик, не вступая в дискуссию, выскочил и побежал к проходу. Обогнув забор, он увидел Пашин белый «Москвич». От нервного напряжения Эдик хрипло зарычал. Он стремился и одновременно боялся увидеть дальнейшее.

«Москвич» был пустым и холодным. Следы на снегу вели в парадное. В парадном под лестницей была открыта дверь в подвал. У входа лежала чёрная перчатка. Эдик не помнил, какие рукавицы носил Павел, но не сомневался, что ему туда. В подвал.

За дверью было темно, как у негра. Эдик достал самодельный нож. Всё сильно смахивало на западню. Его вели. Вернуться позвать Михальча? А может, их заманили, чтобы так же заграбастать Михальчеву «Ниву»?

Эдик, злой и растерянный, кинулся к выходу из подъезда, чтобы предупредить товарища, но сразу за дверью нарвался переносицей на кулак. Его опрокинуло навзничь. Какое-то время он лёжа промаргивался и смотрел на незнакомца, стоящего в проходе. Волевым лицом неизвестного выражало удивление.

— Почему назад?! — прохрипел тот голосом Владимира Высоцкого.

Это был парень, что махал им рукой на проспекте. Эдик ушиб спину, но нож из руки не выпустил. Он рывком встал на ноги и, мгновенно повернув лезвие, из позиции «вдоль

запястья» в позицию «укол» сделал выпад, целясь в живот незнакомца. Глупо, но в дверном проёме больше ничего не сделаешь.

Незнакомец отступил за косяк, поймал Эдикову кисть и двумя руками завернул её.

— Я вообще-то помочь пришёл, — улыбнулся он и забрал нож. Обезоруженный Эдик отступил к лестнице.

— Он там.

Человек пошёл впереди, Эдик следом. Спустились по невидимым ступеням. За поворотом горел свет. Пашка висел посреди комнаты на быльце поломанной кровати. Сначала Эдик подумал, что он привязан, но, подойдя ближе, обнаружил, что тот схватился побелевшими пальцами за железные трубы быльца и дрожит то ли от напряжения, то ли от страха.

— Кто это его?

Эдик попытался оторвать руки брата от железа. Тот застонал и схватился крепче.

— Я! — ответил незнакомец, задумчиво глядя из темноты.

Эдик засомневался, поворачиваться ли спиной к этому психу? Но тот стоял в стороне, не выражая угрозы.

— Зачем? — спросил Эдик, чтобы не терять контакта и слышать голос. При этом он отрывал Пашины руки от кровати, разгибая по очереди пальцы.

— От одиночества, — ответил незнакомец.

— Остальные двое где?

— Трое. Уехали. Я их временно нанимал.

— Ты псих?

Эдик ворочал брата, пытаясь взвалить на себя. Одежда на Павле задралась и перекрутилась. Сам он стонал, бормотал и цеплялся руками за всё вокруг.

— Давай помогу, — предложил незнакомец.

— Будь добр, оставайся, где стоишь.

Наконец, Эдик подсел и взвалил на плечи расслабленное тело. Пошёл к выходу.

— Что ты с ним сделал? Если он умрёт, я тебя из-под земли достану.

- Договорились. Но он не умрёт. Я всего лишь вернул ему память.
- Не похоже! До сих пор память у него была отличная.
- Хм! То была память. А это память! Улавливаешь?
- Эдик, тяжело дыша, нёс брата вверх по крутым тесным и тёмным ступеням.
- С трудом!

Папа.

Я отвёл Коляна в группу, постоял, глядя на кипящий котёл страстей и эмоций. Подошла воспитательница.

- Как у нас дела? — спросил я.
- Хороший мальчик. Тихий. Ни с кем не ссорится. Но пассивный. Робкий. Знаете, стоит в сторонке, смотрит, как дети играют. Не участвует. Он, видимо, чуть-чуть отстаёт от сверстников. Вы с ним больше беседуйте. Сказки ему читайте. Пора буквы учить.

Я спускался по ступеням к машине и думал. События последних недель холодной мглой навалились на душу и только сейчас начали приобретать какой-то смысл и свет. Что спрашивать с воспитательницы, если родители не заметили, кто рядом с ними. Возили к психиатру. Родители называется. Первая их мысль — ребёнок-психопат. А он оказывается — гений. В шесть лет настолько точно схватывать суть человеческих отношений! А чего я ещё о нём не знаю! Всё верно, с ребёнком нужно больше беседовать. Признаться, я только сегодня начал отходить от шока первой беседы. Я был морально убит, когда услышал рассуждения своего сына. Уголовный лексикон Эдика сменился лексиконом программы «Время». Но главное, смысл, который поначалу показался мне бесконечно циничным. Теперь я понимаю, что ребёнок выражал свои мысли, не будучи искусственным в нашем государственном лицемерии. Теперь я понимаю, что он просто не успел во всём разобраться. А разберётся он очень скоро. Колян, Колян. В кого ты такой удался? Родители — простенькие работяги. Ничего особенного. Лохи — по-нынешнему.

Когда я вырुливал от площадки у детского сада, к моей машине метнулись три тёмные человеческие фигуры. Один выскочил

перед капотом, и я ударил по тормозам, двое других распахнули двери машины и забрались внутрь.

- Спокуха! — прошипел тот, что сбоку, прижимая к моим рёбрам что-то твёрдое. Третий забрался в машину на заднее сидение.
- Поехали!

Я молча тронулся. Мысли, гамузом хлынувшие в голову, были одна другой эксцентричнее. Врезаться в трамвай! Открыть дверь и вывалиться. Нож или заточка под рёбрами меня не пугали. Остановить машину на проезжей части и выбросить в снег ключ.

- Не дури! — мы твоего пацана запомнили.

Понятно! Дурить не буду!

- Гони прямо.

Похоже, им нужна не машина. Один остался сидеть на заднем сидении, а двое других повели меня в подвал старинного под снос дома. Я эту четырёхэтажку давно рассматривал. Думал о том, что при её разрушении найдут клады, в которых будут если не золото, то старые деньги, какие-нибудь вещи. Меня всегда привлекала старина. Не антикварной ценностью, а духом чужой жизни. Духом радостей и печалей людей, которые уже умерли. Они так же, как мы, боялись смерти и болезней, с трудом воспитывали детей, собирались на семейный ужин и читали те же книги. Теперь добавлю, на них так же напали бандиты.

Под потолком горела 60-ваттная тусклая лампочка, по углам была темень. Под лампочкой стояла пандирная сетка от кровати, надетая одним краем на железное быльце. Другой край подпирался стопкой силикатных кирпичей. Под ногами окурки, старые головешки, мокрый песок. С канализационной трубы вдоль стены капает.

- Усаживайте!

Я обернулся на говорящего, но меня толкнули в спину. Усадили на кровать, закинули ноги на сетку, руки прижали к быльцу и примотали прозрачной липкой лентой, которая мерзко скрипела при сматывании. Ноги расставили шире, долго и бестолково приматывали за щиколотки к несущему уголку сетки. Что им нужно? Предвидеть дальнейшее можно, только ответив на этот вопрос.

Или за что?

— Спасибо скажешь! — исчерпывающе объяснил привязывавший.

Похитители о чём-то тихо вели переговоры.

— Машину оставьте! — услышал я.

Значит «за что?»

Я начал вспоминать свои грехи. С кем и когда подрался, с кем повздорил. Армия, институт, контора. Кинотеатры, магазины. Кого-то обошёл в очереди на жильё? Подсиживал на работе? Вышвырнул пьяного грубияна из магазина?

Ко мне приблизился мужчина. Взгляд острый. Волевые складки у рта. Одет, как из секунда. Ни в цвет, ни в фасон. Всё какое-то не советское. Шпион из мультфильма.

Переступил сетку и сел на неё верхом. Лицом ко мне.

— Ну вот, Филипп, мы и встретились.

Долго смотрел мне в лицо. Побарабанил ладонями по сетке.

— Я не Филипп. Ты меня с кем-то перепутал.

— А-а! Поверь мне — ты Филипп. А меня ты помнишь?

— Нет!

— Плохо. Придётся вспоминать.

Я вспоминал. Армия, институт, командировки.

— Это месть?

Он задумчиво поднял брови.

— Не думаю. Скорее, награда. Однако мне есть за что тебе мстить.

— Скажи прямо. Чего ты ломаешься!

— Не груби. Я не урка и терять самоконтроль из-за дурацких сравнений не стану.

— А кто ты?

— Вот! Ты и вспомни, кто я.

— За что ты можешь мне мстить?

— Например, за Ливию.

— Я никогда не был в Ливии.

— Не правда. Ты там был. Но сейчас я имею в виду девушку Ливию, которую ты увёз накануне моей с нею свадьбы. Но я не сержусь. Позже я встретил лучшую, чем Ливия, девушку. Она целый год была лучшей жемчужиной моего гарема.

— Значит, не за Ливию. А за что?

— Можно за Лемурию.

— Это тоже девушка?

— Нет. Это континент. И столица большой империи. Я очень долго добирался к лемурийскому трону. А когда достиг цели, ты остановил Луну, и Лемурия погрузилась в пучину вод.

— Не помню такого. Ты сам подумай. Мне тридцать два года. У меня не было женщин, кроме моей жены...

Я прикусил язык. Жену и сына при этом психе лучше не вспоминать.

— Да ты успокойся. Пытать твою семью я не собираюсь. Мне нужно одно — чтобы ты вспомнил. Вспоминай, братишка. Это тебе после Луны память отшибло. В наказание за Поступок. Я тебя, Филипп, по всему миру тысячи лет искал. И теперь глаз с тебя не спущу.

— Зачем я тебе?

— Грустно мне без тебя. Одиноко. И планы у меня на тебя большие. Лучше тебя мастера по твёрдому времени во всей вселенной не найти.

Он подошёл ко мне справа, крепко взял в кулак мой средний палец и, вынув изо рта очередную сигарету, медленно поднёс к ногтю. Я закричал от боли.

— Тихо, тихо, Филипп. Это, — он потряс мой палец, — точка Памяти. А это, — он затянулся и особым образом покачал над ногтем сигаретой, — клонящий дзю.

Я снова закричал. Меня бросило в пот.

— Теперь другую. Ты не отвлекайся. Вспоминай.

Когда пытки прекратились, я впал в полузабытьё.

Минуты сливались в часы. Меня начало знобить. Онемели связанные ноги. В руках пульсировала боль.

Похититель (сумасшедший или маньяк?) курил и ходил вокруг кровати, меняя свой облик при удалении от лампочки в тёмные углы.

Тени на его лице непрерывно двигались, и мне казалось, что он скалится, будто смерть на картинах Гойи. Но, сморгнув, я видел, что лицо его задумчиво и без гримас.

Что же тебе нужно? Волей-неволей я вспоминал школьные годы. Драки и детские ссоры. Армейскую дедовщину и «темные», в которых имел бесчестие участвовать. Институт. Танцы. Военные сборы. Моя совесть не была идеально чистой, и она предоставляла мне всё новые воспоминания.

Я погрузился в полудрёму. Сквозь полуопущенные веки было видно две ноги, непрерывно скрипящие песком и щебнем и опирающиеся несложные дуги вокруг моего трона. Вот ноги остановились. Толстый неизвестной фирмы ботинок вдавил в песчаную пыль дымящийся окурочок. И тут в сознании выплыла странная фраза: «Вдавил, как редусцер». Я почувствовал себя над пропастью. Подо мною открылась бездна. От ужаса я забился на кровати, пытаясь вывернуть связанные руки и схватиться за быльце. Я радовался тому, что крепко привязан.

— Что? Что? — кинулся ко мне мой похититель.

— Редусцер, — беззвучно проговорил я.

— Что? — затряс он меня так, что сетка свалилась с кирпичей и наклонилась вперёд.

— А-а! — закричал я от ужаса высоты. — Держи меня, Тракки! Держи крепче!

— Филипп! — заорал он в ответ и вместо того, чтобы держать меня, начал резать скотч на моих руках. — Вспомнил, родной!

— Нет! Не надо, Тракки!

Бездна кинулась мне навстречу, как пасть дракона. Я закричал. Вздрыгнул и открыл глаза. Надо мною склонились Людмила, Ася, Коля и Эдик.

— Редусцер, — сказал я им, — редусцер гальватный!

— Тихо, тихо, Пашка! Потом расскажешь. Успокойся. Ты с нами. Дома.

— Эдик... Открылась бездна, звёзд полна... Как велик Мир!

Я откинулся на подушки и услышал:

— Крыша поехала! Ещё бы — больше суток в подвале привязанный висел. Пытали. Сигаретами жгли ногти.

Мне очень повезло. Обыкновенный крестьянский ребёнок. Что меня ожидало в этом мире? Только крестьянский труд. Раньше, когда на Земле бывали военные походы, я мог бы стать наёмником

и увидеть мир. Сейчас для этого нужно было принадлежать касте купцов. Я к ней не принадлежал. Но к нам в деревню приехали вербовщики из столицы и предложили работать на строительстве, как они сказали, Системы Глобального Сообщения. Как было не согласиться?

Отбор был интересный. В здании школы собрали ребят со всей деревни. Человек сто набралось. Кто старше, кто младше — от подростков до трудообязанных.

Усадили, как на обыкновенном уроке, по периметру, только внутри классного периметра, где учитель показывает смысл, поставили стол. На столе большое, накрытое салфеткой блюдо.

Прежде чем снять с блюда салфетку, изнутри периметра прошли ассистенты Экзаменатора и каждого угостили пирожным. Маленькие такие, круглые и невероятно вкусные. Думаю, что не только я, но и все присутствующие ребята такой вкуснятины сроду не пробовали. Когда чудесный шарик растаял у меня во рту, я испытал яркую последовательность ощущений: восторг, отключение всяких мыслей, будто сознание потерял, страх никогда больше не попробовать такое пирожное и отчаянная безысходность. Вот, в момент этой безысходности Экзаменатор особым движением плавно снял с блюда салфетку. На блюде лежала горсть таких же пирожных. Но у меня сразу возникло ощущение, будто это не настоящие пирожные, а муляжи, выполненные из тончайшего птичьего пуха. Это оттого, что, едва салфетку сняли, белые шарики зависли над блюдом и начали парить, медленно вращаясь. Все мы уставились на вождельные пирожные. Первым порывом было прыгнуть через стол внутрь периметра и немедленно их съесть. Но дисциплина и присутствие решительных и молчаливых ассистентов сдерживали нас.

Мы поедали пирожные взглядом, как вдруг один из шариков направился в мою сторону. То ли сквозняком его погнало? Я гипнотизировал его, как змея лягушку, и он, как лягушка, нехотя, но уверенно, двигался в мой рот. Я подставил ему язык, и он лёг сверху. И едва я проглотил нежный комочек, как наваждение исчезло. Мне не просто больше не хотелось этого пирожного, оно мне даже не нравилось. Я заворожено прислушивался к своим

взбаламученным ощущениям и не сразу заметил, что ассистенты быстро раздали всем присутствующим по пирожному и попросили всех покинуть комнату.

Экзаменатор задумчиво рассматривал меня.

— С уловом, Ваша Реальность! — произнёс подошедший ассистент.

— Надеюсь, Тракки, надеюсь. Займись этим юношей. Он мне понравился, и я надеюсь, не зря.

Экзаменатор вышел. Тракки поклонился ему вслед и с улыбкой обернулся ко мне.

— Поздравляю, малыш! Перед тобой открылся мир!

Мне дали время, и я обошел всех близких мне людей. Начал со школьной учительницы. Зашёл в Храм Труда, попрощался со жрецом.

— Жаль, — улыбнулся он. — Ты был бы совершенным трудообязанным. Удачи тебе на новом поприще. Ты трудолюбив — у тебя всё получится.

Прощался с отцами-производителями у Храма Воспроизводства.

Выйдя за околицу, я обернулся и поклонился провожавшим караван детям и своей деревне.

Караван двигался торговой дорогой через холмы к ближайшему проходу. Экзаменатор плыл на узком походном облаке, пятнадцать ассистентов и я шли следом.

Я и Тракки шли последними, поэтому могли свободно беседовать. Тракки сопровождал меня даже в туалет. Он сказал, что отойдёт от меня дальше, чем на три шага, лишь когда зарегистрирует у начальника Полигона. Он был весёлым и остроумным. Лишь однажды я увидел его злым. На второй день на подходе к проходу мы миновали маленький хуторок у карьера. У тропы стояла девушка с двумя водоносными деревянными бадьями на коромысле. (Сюда не был проведен водопровод). Девушка восторженно глядела на проплывающего на облаке столичного чиновника, на проходящих крепких ассистентов и, я думаю, представляла, сколько глины за день могли накопать в карьере эти молодцы.

Экзаменатор остановил облако, спустился босыми ногами на землю и подошёл к девушке. Мы тоже почтительно замерли и следили за происходящим.

Экзаменатор что-то сказал девушке (или спросил), она покраснела и, повернувшись к нему бадейкой, дала напиток. Экзаменатор засмеялся, облив свою золочёную тогу на груди, вытер поданным полотенцем рот, наклонился к девушке и поцеловал её в губы.

Я знал об обычае целоваться в губы среди столичной элиты и значения этому не придавал. В моём положении нужно было быть толерантным. Но Тракки, стоявший сбоку и опиравшийся на посох, злобно зашипел. Я удивлённо глянул на него.

— Сволочь, — пробурчал он. И никакой почтительности в лице.

— Почему? — тихо спросил я.

— Не знаю! — буркнул Тракки. — Но терпеть не могу, когда он молодых девочек целует.

— Почему?

— А! — махнул он рукой. — «Почему? Почему?» Не знаю!

— Странно! Говорят у вас в столице в гаремах и моложе бывают.

— У меня у самого в гареме семь моложе её. Нет, здесь что-то непонятное.

— Что?

— Отстань! Не могу я объяснить!

Караван тронулся. Девушка с коромыслом осталась у дороги. Она долго смотрела нам вслед.

Проход представлял собой высокий холм на бутре. Я не раз сопровождал к нему торговцев с нашим товаром на широких транспортных облаках. Однажды мне позволили пройти в него и обратно. Впечатляюще! Мгновенная трансформация мира вызвала у меня тогда приступ рвоты. Торговцы смеялись, вытирая меня и отпаивая холодным квасом.

— Видишь, сколько пришлось добираться до прохода?

Тракки стеснялся своей прошлой резкости и некорректности и теперь был крайне вежливым.

— На Олимпе решили стусить сетку проходов. Чтобы возле каждой деревни были. Это увеличит товароборот.

— Для чего его увеличивать? Нам всего хватает.
 — Это вам хватает, а им мало, — засмеялся Тракки.
 — Чего не хватает?
 — Духа, Филипп, духа не хватает. Амбре.
 Он посмотрел на меня как на несмышлёныша.
 — Чему вас в ваших школах учат? Ну, слушай.
 — Зачем ты ешь?
 — Чтобы жизненные силы в организме поддерживать.
 — Правильно. А зачем какаешь?
 — Чтобы негодные лишённые жизненных сил отходы из организма выбрасывать.
 — Правильно. Но не совсем. В твоих какушках ещё полно жизненных сил. Видел, как их червячки едят?
 — Да! И овощи из них хорошо растут.
 — Верно. Вот такие мы несовершенные существа. А там, на Олимпе, не потребляют грубой пищи, дающей отходы. Там потребляют амбре. Жизненную силу в чистом виде.
 — Где же её берут?
 — О! В точку спросил. Её испаряют люди, и этот пар специальным образом собирают. У олимпийского амбре три ингредиента. Их сочетание даёт большое разнообразие олимпийских блюд.
 — Первый ингредиент — амбре жадности. Это поставки из вашего региона. Выращивая бобы и капусту, вы не просто производите себе пищу и товар для обмена. Стремясь вырастить больше бобов, чем в соседнем селе, вы испытываете здоровую хорошую жадность. Эта жизненная сила, испаряясь с ваших тел, питает множество невидимых летающих, порхающих и бегающих существ. Но они паразиты, поскольку по закону эта сила — достояние государства и принадлежит олимпийцам.
 — Вторая составляющая — амбре любви. Боюсь, ты меня не поймёшь. Ты с кем-нибудь целовался?
 — Нет!
 — «Нет». Любовь — не ваше производство. А сексом ты занимался?
 — Это для производства детей?
 — Например.

— Нет. Я в следующем году должен был стать трудообязанным. А детей делают Отцы-производители при храме. И меня там сделали.
 — Естественно, — протянул Тракки. — Ну, тебе полезно будет знать, что есть целые регионы, которые заняты в основном сексом.
 — Детей производят?
 — Вот детей они как раз производят мало. Секс в чистом виде. Они о нём говорят, думают, изучают в школе, как вы изучали увеличение урожайности сои. Они им торгуют.
 У меня голова пошла кругом. Как это возможно?
 — Но при этом они испаряют оранжевую сексуальную амбре, которая специальным образом собирается и поставляется... Куда?
 — На Олимп, — ответил я.
 — Молодец! Третий ингредиент — жестокость и страх. Эти испарения образуются во время войны.
 — Войны в нашем государстве запрещены двести лет! — блеснул я образованностью.
 — Не совсем. Сейчас на территории нашего государства происходит три локальных конфликта. Ты об этом не знал потому, что тебе этого знать не положено. Трудообязанные должны мечтать об увеличении производительности труда и сохранности урожая и не испытывать загрязняющих эмоций страха и жестокости.
 — Итак, что ты усвоил? Зачем нам Система Глобального Сообщения?
 — Для увеличения товарооборота!
 — А зачем нам увеличение товарооборота?
 Я задумался.
 — В основе торговли — дух жадности. Первый ингредиент олимпийской пищи.
 — Молодец. Всё понял. Именно на эту составляющую Амброзии в настоящее время увеличился спрос.
 — А жители Луны чем питаются?
 — А о жителях Луны я расскажу тебе позже. Сейчас будет проход.
 Через три дня после второго прохода Его Реальность Экзаманатор со своими ассистентами пошли другим путём

на поиски новых талантов. Мы с Тракки отправились к третьему проходу.

Местность здесь была необыкновенная. Зеленые, поросшие лесом горы, звонкие чистые реки, прохлада.

— Можно было добраться комфортнее, — объяснял мне Тракки, — но будет вдвое дольше.

Тропа вилась по ущелью, перепрыгивая с берега на берег. Мы когда по камням, когда вброд переходили быструю холодную речку.

— Никогда не видел горы.

— Это не горы. Вот Олимп увидишь, это гора!

Следующий проход удивил меня. Мы вышли к озеру. Голубая вода пахла протухшими яйцами. В воде отражались высокие, стройные ели.

— Пошли к лодке.

Мы подошли к трем мужчинам в форме таможенников. Тракки предъявил им синий плоский камень. Офицер внимательно в него взгляделся, поднял и посмотрел на просвет, вернул обратно и отдал честь. Мы четвером сели в лодку. Один военный остался на берегу.

Когда выгребли на середину озера, мир изменился. Перемещения через проходы больше не вызывали у меня тошноту. Но я к ним ещё не привык и с любопытством пытался поймать тонкую грань между мирами. Здесь тоже было озеро и тоже горное. Но другое. Жгучий ветер поднимал волны, белая вершина уходила в фиолетовое небо, уши придавило то ли не слышным звуком, то ли слышимым беззвучием. Солдат подгрёб к пристани, о которую с брызгами гулко разбивались волны.

— Вот мы и прибыли! От твоей деревеньки пешком сюда мы добирались бы год. Морями, пустынями, лесами! На облаке быстрее — полгода. Ты позевай, позевай!

Тракки бодро пошёл впереди по широкой тропе между жёсткими низкорослыми кустарниками.

— Это Олимп? — я, наконец, обрёл голос, потерянный от впечатления. — Подожди, Тракки! Дай посмотреть!

Навстречу нам к причалу прошли три женщины. Я не сразу и понял, что это женщины. Короткие тоги, губы в красной краске. И запах!

— Ты на женщин хочешь посмотреть или на Олимп? — рассмеялся Тракки.

— На... Олимп. Это снег? Как такую гору можно вырастить?

— Обычно — из редусцера гальватного. А сверху действительно снег и лёд. Ледники.

— Летом? Но как там можно жить? Там же холодно.

— Мальш! Там не просто холодно. Там нечем дышать. Там из-за ветра невозможно стоять. Там снежные лавины и взрывающиеся ледники. Там холодные туманы, способные превратить человека в статую, покрытую льдом.

— А небожители?

— А для небожителей это самый приятный климат. Скажу честно, не люблю я их, но по долгу службы выполняю их приказы. Они сильнее нас. Пошли. Нам ещё до полигона полдня топать, а я хочу вечером попасть к своим девочкам. Эх, порадуюсь! Да что тебе говорить! Ты не знаешь, что такое любовь. Тебе не понять. «Трудообязанный».

Полгода нас обучали на большом полигоне в предместье столицы. Полигон назывался Полигон, и здесь одновременно учились пять тысяч курсантов из разных частей планеты. Только мужчины. Когда нам хотелось женщин, через горы, ущелья, сады и леса мы добирались до Города. Город располагался на плато, отгороженный от Олимпа грядой чёрных гор, и там жили солдаты, чиновники, инженеры и рабочие всех аспектов инфраструктуры.

На курсах я первым делом узнал, что такое редусцер. Это метеорный минерал. Если он имел вид семигранного кристалла, то его называли гальватный и он обладал свойством выращивать горы. На месте, где в землю был положен редусцер гальватный, спустя год вырастал курган. А ещё через несколько лет вся территория поднималась. На макетах это напоминало женскую грудь с соском на вершине. Макеты весь процесс отражали в ускоренном виде. Как объяснял инструктор, полигон был расположен в районе сгущения напряжения гравитационных ячеек или так называемых

участков твёрдого времени. На вопрос, что такое твёрдое время, нам отвечали, что для нашей работы этого знать не нужно. Упор делался не на теорию, а на практику. Научиться чувствовать гравитационные ячейки, различать глубины их проникновения и правильно выбирать направление редусцера — вот что требовалось от нас. Раньше в космосе было много редусцерного вещества. Выпадая на землю с метеоритными потоками, оно меняло облик планеты, покрывая её цепями величественных гор, меняя направления рек и очертания морей. Расположение ландшафтов, в первую очередь, диктовалось выпадением метеоритных дождей.

Сейчас, когда метеорного вещества стало меньше и всё оно контролируется государственными службами, изменение рельефа стало явлением исключительно искусственным.

Как нам пояснили, гора Олимп была выращена в крайне структурированной точке сгущения напряжения из особо чистого, почти идеального редусцера гальватного. Предстоящая нам работа заключалась в нахождении участков твёрдого времени и посадке в них определённой чистоты редусцеров.

Мы должны будем находить ячейки, определять глубину, которой они достигают и, если они достигают глубины 12У, сажать в них редусцер гальватный. Посадить его не просто. Нужен отвес. В участках твёрдого времени отвес не вертикальный. Минерал — семя кладут вдоль горизонтальной проекции отвеса на грунт и вдавливают в почву особым энергичным движением ступни.

Этим движением, спустя тысячи лет, Тракки пользовался для раздавливания окурков. И по этому движению, я его узнал. Согласно уставу, работу выполнял оператор — гравитолог под охраной офицера спецслужбы. Нам говорили, что офицер нужен для нашей безопасности, но мы понимали, что редусцеры гальватные обладают большой ценностью и являются стратегически важным сырьём. И вчерашним трудообязанным крестьянам доверить их сохранность не решались. Чтобы полнее использовать (эксплуатировать) рабочую силу, охранникам так же вменялось в обязанность сажать в землю редусцеры в места обнаруженные операторами, и они проходили обучение вместе с нами. Но ночевали они не в казармах, как мы, а уезжали в город на грузовых облаках.

Величина 12У не соответствовала никакой мере длины. Это скорее была величина напряжения ячейки. Ячейки с одинаковыми напряжениями или «одинаковой глубины» достигали некоего общего места вне пространства и сообщались через это место. Так в любой части Земли, войдя в проход глубиной 12У, можно выйти в других проходах глубиной 12У. Одновременно с нами теми же путями ходили отряды, которые искали ячейки глубиной 18У. Часто их курганы вырастали рядом с нашими. Это были проходы дальнего следования. Через них люди будут попадать на другие планеты.

Для обучения применялись групповые игры. Мы играли в войну. С тех пор как войны на земле прекратились, имитация военных действий использовалась как совершенный метод шлифовки мастерства. Учительница в моей деревенской школе яростно критиковала эти методики, как использующие рудименты самых низких человеческих качеств и как противоречащие направлению прогресса.

Потом мы с Тракки много работали, участвуя в создании СГС.

— Но как ты уничтожил Лемурию? — поторопил папу Коля.

Все члены семьи, поужинав и, вопреки правилам, не вымыв посуду, собралась в гостиной вокруг папы. По телевизору показывали боевик, но никто не замечал телевизора.

На выходе из прохода нас окружили пограничники. Они проверили меня и десятиртых моих спутников гравискателями на предмет провоза редусцеров гальватных. Мы были чистыми. Но сам факт проверки покла и его свиты был неслыханным нарушением соглашений.

По выложенной из огромных плит дороге вдоль мореного вала и языка ледника нас провели во дворец. На широких белых, как снег, ступенях нас встретил второй человек после императора, его канцлер Тракки. С тех пор, как мы бродили по степям и горам, высаживая в твёрдое время редусцеры гальватные, он сильно изменился. Возмужал, распрявился духом и отпустил густую, окладистую бороду.

— Филипп! — проревел он на весь Олимп, фамильярно прижимая меня к груди. — Дорогой! Как я рад тебя видеть!

Он обнял меня за плечи и повёл во дворец. Пограничники остались у ступеней, а моя многочисленная свита последовала за нами.

Мы уселись на высокие стулья, привычно подтянув ноги к груди.

— Ах, Филипп, Филипп! Как я рад тому, что прислали именно тебя.

— Я должен говорить с императором!

— Ну, что ты, Филипп, не рад мне?

Потом Тракки сделался серьёзным и доверительно произнёс:

— Император не доживёт до завтрашнего утра. Он без сознания. Совсем скоро из Его Реальности он станет Его Нереальностью.

Тракки захохотал от своего каламбура.

— Ты не боишься ушей Его Реальности?

— Филипп, все уши, как и вся власть, давно принадлежат мне.

И говорить тебе придётся со мною. Что там у тебя?

— Во-первых, протест. Нас обыскали как смертных. Во-вторых, заставили идти пешком от прохода ко дворцу.

Тракки хотел продолжить балагурить, но я поднял руку и он, слегка побледнев, умолк.

— Ваша Реальность, руководство Луны озабочено военными конфликтами, охватившими Землю. Эти кровопролитные и жестокие войны достигли заповедных, исконно лунных территорий Ариев. Руководство Луны обеспокоено закрытием проходов Марс-Земля и усилением военного контроля проходов Луна-Земля.

В знак нашего доброго отношения и надежды на взаимопонимание Вашей Реальности передана эта чаша с лунной Амброзией.

Мой ассистент поднёс чашу, разгерметизировал её и снял охранное заклятие.

Тракки задумчиво посмотрел на чашу дружбы.

— Тронут.

Он махнул рукой, и нам принесли ответный дар-чашу с олимпийской Амброзией.

— Прощу!

Он взял нашу чашу и, приветственно кивнув, сделал глоток.

Я отпил с олимпийской амброзии.

— Ну, как тебе? — иронично прищурился он.

— Пряно! Остро! Тяжело! — честно, но сдержанно ответил я. — А тебе?

— Пресно! Безвкусно! Как нечувствительный оргазм! — и выплеснул содержимое на пол.

Мы резко встали. Тракки рассмеялся.

— Сядь! Ты пришёл по делу! Долой протокольные виляния! Выкладывай, что у тебя?

Он навязывал свой грубый хамский стиль.

— Ты знаешь, что территория Ариев — наше поле. Источник нашего питания.

— Испарения дружелюбности, поиска знаний и смысла, — прокомментировал он, — то пресное дерьмо, которым ты меня угостил.

Я смолчал.

— Мне нравится вкус страдания, ревности и алчности.

— Ингредиент страдания по максимуму!

— Молодец, Филипп. Моя школа?

— Твоя. Только ты, Тракки, сильно отстал с тех пор.

Он задумался.

— Я, Филипп, часто вспоминаю ту пору, когда мы сажали редусцеры! Тридцать лет без малого прошло. И наши проходы, Филипп, до сих пор работают. Я статистику видел. Ни единой серьёзной поломки. Мы всегда умели быть лучшими. Я и сейчас лучший! А почему ты не лучший? Почему ты не император Луны?

— У нас Совет Жителей Луны. У нас нет должности императора.

— Так сделай! — воскликнул Тракки. — Или ты так и остался трудообязанным?

— Тракки! Ваша Реальность! Остановите войны на границах Ариев!

— А что вы мне сделаете, если не остановлю? Объявите войну?

— Нет!

— А что?

— Ничего. Мы будем вынуждены покинуть пределы Луны и Земли.

— Покидайте.

— Тракки, мне жалко людей, которых ты заставляешь страдать.
 — Тебе жалко моих овец?
 — И свои! Арии — мои овцы. Их общество тысячи лет питает Луну духом сострадания, лобознательности и осознанности. Сейчас ты заставляешь их мучиться.
 — Да, мне приятен этот жгучий вкус. С твоих Ариев я собираю богатый двойной урожай. Они страдают и за себя и за других. Их склонность к состраданию делает их особенно питательными.
 Я молчал. Тракки подал знак, и к нам подвели женщину.
 — Это, Филипп, моя невеста. Ливия.
 Девушка с улыбкой поклонилась.
 — Я хочу отметить своё законное утверждение на престоле женьбой на Ливии. Какова? Она будет триста пятьдесят шестой моей женой. А? Триста пятьдесят шесть — священное число.
 Он привлёк к себе девушку.
 — Попробуй, дорогая, эту гадость.
 Тракки протянул Ливии лунную чашу с остатками амброзии на дне. Чаша была особенной и при резком опрокидывании вся не опустошалась. Ливия выпила всё до дна и поставила чашу на стол.
 — Ну, как?
 — Пресновато! — ответила Ливия, — Мало секса.
 — Дипломатично! — засмеялся Тракки, — Там вообще сексуальности нет. Ни капли!
 — А если я начну войну с Луной?
 Тракки отвернулся от девушки и опёрся подбородком на колени.
 — Луна ответит войной?
 — Нет, Тракки!
 — Почему? Я же вас уничтожу.
 — Все жители Луны обладают Памятью. Это делает их бессмертными. Они снова рождаются в других, пусть менее совершенных, телах. Но они всегда будут помнить восход Земли над Лунным горизонтом, людей с которыми дружили, знания, которые приобрели, занимаясь науками. Они всё равно когда — то умрут, но если они ответят войной, то при этом потеряют Память — осно-

ву нашего бессмертия. Поверь Тракки, они не пойдут на убийство. Убийство лишает душу бессмертия.

— Стоп! Ты сказал «они».

— Да, Тракки. Потому, что я готов пожертвовать бессмертием своей Памяти, для того, чтобы остановить страдание на Земле. Я уничтожу Лемурию.

Тракки второй раз за нашу встречу стал бледным.

— Ну-ну! Боец! Ты умеешь быть убедительным. Пусть Ливия покажет тебе Олимп, а я пока отдам распоряжения. Нельзя надолго оставлять страну без руководства. А твоих людей оставь здесь. У меня можешь находиться без охраны. Я скоро вернусь.

Ему подали облако, покрытое толстым шерстяным ковром, и он ушёл.

— Вы тепло одеты? Пройдёмся? — предложила Ливия.

— Я бывал на Олимпе, Ливия. Мне здесь не интересно.

Мы вышли на террасу над ледником. Сквозь мглу начинающегося бурана двумя светлыми пятнами отмечались: слева на востоке солнце, справа на западе Луна. Сильный западный ветер гнал снежные заряды, но многослойные блоки твёрдого времени пропускали только свет, слегка искажая спектр. Начинаящийся буран был мне на руку.

— Зачем Вы сюда прибыли? Вы же знали о положении дел на Олимпе и на Земле в целом. И Вы знали, каков будет ответ Его Реальности.

— Да, Ливия. Ещё я знаю, откуда ты привезена на Олимп. Знаю о том, что большую часть жизни воевала и дослужилась до командира полка. Знаю о том, что Тракки велел тебе следить за мною, пока моих ассистентов будут убивать. Знаю, что я нужен Тракки в качестве лучшего инженера — гравитолога для реализации его амбициозных планов по захвату власти в Солнечной системе. Поэтому Тракки не даст нам с тобой слишком долго любоваться пейзажем, и пришлет солдат арестовать меня.

— Тогда зачем Вы сюда прибыли?

— Вызови нам облако.

— Одно?

Ливия замерла в нерешительности. Потом отошла к звуковому в колонне и что-то сказала. Вернулась ко мне.

— Вы хотите бежать? Все проходы на Луну строго охраняются. И...

Она колебалась.

— Не говори, Ливия. Я знаю сам. Сейчас начнётся обстрел Луны. Поэтому я сюда прибыл. В момент начала обстрела я должен быть здесь, что бы знать какой силы редуслеры включатся первыми. Это важно для нанесения контрудара с Луны. Оттуда, — я указал вверх, — такие тонкости почувствовать невозможно.

— Вы уверены в том, что сможете вернуться на Луну?

— Вернусь. Но есть ещё одна причина моего здесь появления. Ты, Ливия. Ты переросла Олимпийский уровень. Тебе пора на Луну. Не сейчас, конечно. Когда-то. Сейчас Лунная цивилизация погибнет.

Ливия опустила глаза.

— Вы во мне ошибаетесь, Филипп. Я не люблю амбре страдания, но я не могу без секса. А у вас на Луне секс запрещён.

— Что ты, Ливия! На Луне нет запретов. Ты в детстве играла в куклы?

— Играла, — удивлённо ответила она.

— А сейчас играешь?

— Нет...

— Почему?

— Не интересно.

— Вот и секс тебе покажется не интересной детской забавой, когда расширится горизонт твоего восприятия.

— Вы приехали сказать мне это? На кануне гибели Луны с её «горизонтами восприятия»?

— Нет. Я приехал напоить тебя лунной амброзией. И напоил. Теперь в тебе начнёт прорастать Память. Будь бережна с Нею. Не убий. Не укради. Не лги. Она прорастёт. А Тракки... Он великий коллекционер совершенных талантов. Есть люди, собирающие драгоценные камни. Они просто наслаждаются, перебирая в одиночестве разноцветные прозрачные кристаллы. Тракки собирает уникалов. Одно время, я был экземпляром в его коллекции

и сейчас он снова меня туда тащит. Его гарем давно не служит ему для удовлетворения его сексуальных запросов. Предпоследняя его жена божественно готовит. И не только амброзию. Обыкновенную грубую пищу она наполняет высшими энергиями и Тракки хитрит, заявляя, будто вкус мудрости и человеколюбия для него пресен. Но для чего ему ты?

Ливия смутилась.

— Вы мне отказываете в сексуальной привлекательности?

— Не отказываю. Для меня ты привлекательна. Но не для Тракки. Не в этом твой высший талант. А в чём, Ливия?

— Я хорошо убиваю. Хорошо нахожу потерянные вещи. Я вижу то, чего не видят другие.

— Почему?

— Я чувствую закономерности и их нарушения. Видите, как падает снег? Большие быстрые снежинки от общего потока вращаются по солнцу вокруг оси движения. Снизу вырываются и вращаются им на встречу снежинки, подхваченные отражённым от стены потоком. Справа сверху летит снег, слутый с крыши и вырванный из основного потока торможением ветра об крышу. (Их снежинки отличаются траекторией и искристостью). А вон справа, на фоне чёрной скалы снег заворачивается внутрь из четырёх неравноценных направлений. Это может происходить оттого, что за углом западной стены не видимый с этого места стоит человек.

— Не вижу, Ливия, но восхищён. Теперь, собственно, всё и прояснилось.

— Что прояснилось?

— Прояснилось, за что тебя ценит Тракки — собиратель талантов.

Подали облако. Ливия оглянулась на шаги за спиной.

— Прощай, Ливия!

— Я с Вами!

Я вскинул её на пушистый ковёр с подушками и вскочил следом. Ребячество, конечно. Ребячество, ставящее под угрозу срыва мой план. Облако грузоподъемностью на одного человека просело до уровня пояса, но послушно заскользило к леднику.

Сзади закричали. Я начал вертикальными зигзагами проходить временные блоки. Заложённое во мне на полигоне и развитое годами работы по посадке редусцеров чувство твёрдого времени позволяло мне делать то, что другим специалистам было не под силу. А неспециалистам... Сзади начали стрелять, но мы были уже за первым блоком и арбалетные стрелы, как и гравитонные заряды ударялись в невидимую преграду.

Сильный ветер злобно и резко ударил, срывая с облака цветные подушки и заставляя нас распластаться и отчаянно хватиться за края. Облако, круто наклонившись, устремилось вниз над ледниковыми трещинами, моренными валами и голубыми руслами талых вод. Вошли в тучу и острые жгучие градины больно ударили в лицо. Ливия пыталась прикрыться плечом и молча боролась за жизнь. Я управлял облаком и прикрыться не мог, потому только покряхтывал, когда градины особенно больно попадали по кончику носа и глазам. Казалось, спуску не будет конца. Мы оцепенели от холода, боли и напряжения, и лишь однажды закричали хором, когда облако, набирая скорость, помчалось круто вниз с оконечности ледника и заскребло по чёрному мокрому щебню конечной морены. Только, всё это я мысленно проработал ещё вчера в своей комнате на Луне. Всё шло по плану. Я не оглядывался, потому, что знал — нас на время потеряли и у меня есть фора. Мы быстро скользили над руслом ручья. Здесь гравитационное сопротивление было наибольшим и это позволяло нам держаться увереннее и выше. Скалы с двух сторон сблизились и мы, едва не задевая их, промчались над порогами, и вырвались к широкой поросшей травой пойме. Ушли вправо к каменному лесу и остановились. Из-за камней выбежал мой ассистент. Я отправил его сюда днём раньше, сделав тайный проход Земля — Луна. Он быстро развернул толстый тяжёлый свёрток и выложил на ковёр, покрывающий облако, редусцеры гальватные.

Ливия оцепенело смотрела на происходящее не в силах оторвать замёрзшие пальцы от краёв облака. Её ресницы и брови обросли инеем. Одежда застыла от мороза.

— Как прокатилась? — спросил я её, раскладывая редусцеры в порядке необходимости, — Сейчас согреешься. Потерпи. Зевни! Зевнул сам. Размял заочечневшие кисти. Протёр ладонями лицо.

Здесь внизу накрапывал лёгкий дождик. Кружились над цветами бабочки и шмели. Пахло унавоженной почвой.

Редусцеры, готовые к действию, лежали рядами на краю ковра, покрывающего облако. Я ожидал. Ассистент стоял рядом за моим левым плечом, контролируя окрестности. Мы с Тракки очень долго дружили и не удивительно, что я перенял его склонность к стяжанию талантов. Так мой ассистент обладал удивительным даром организатора. Между собой мы шутили: дай ему десять крокодилов и за десять дней он сделает из них коллектив. Лунная колония в значительной мере благодаря ему долгие десятилетия сохраняла свою высокую организованность, цельность и спаянность.

Ливия собралась с духом и начала спускаться с облака. Она протянула ко мне руку, но я ей не помог. Потому что услышал залп. Лемурийские батареи расположенные на склонах Олимпа начали обстрел Луны.

Ливия не найдя поддержки упала с облака на траву. Ни я, ни мой ассистент не пошевелились. Мы вели отсчёт обратной волны от первого залпа.

— З1У, север-север-север-север-запад, скошенный крест, — сказал мужчина.

— Правильно!

Я сразу отодвинул влево ненужные редусцеры гальватные, и ассистент завернул их в пакет. Нужные, я начал сортировать по-новому.

— Что это? — хрипло заговорила Ливия. Только после этого я обратил внимание на гул срывающихся с горы лавин и камнепадов.

— Тракки нанёс удар по Лунным поселениям!

Десять одинаковых редусцеров я вставил в обойму. Получилось нечто похожее на гребешок. Отдал «гребешок» ассистенту.

— Будь готов по моей команде бросить его позади нас.

Он с пониманием кивнул.
— На облако!
Мы запрыгнули на облако. Ливия встала с земли на колени и схватила меня за край тоги.
— А я? Я с вами!
Я погладил её по голове.
— Куда, Ливия? Мы едем умирать.
— Если вы ответите стрельбой по Олимпу, я не умру?
— Умрёшь, Ливия. Вся континентальная плита погрузится в море.
— Тогда, я с вами.
— Облако не потянет. Будет тесно!
— Потерпите!
Мы с ассистентом рассмеялись.
— Филипп, — сказал он, — пусть садится. Я знаю маршрут вдоль глубинного разлома. Там напряжение высокое.
Я заволок Ливию на облако. Втроем мы едва помещались. Пришлось сидеть в неудобных позах, свесив ноги вниз и загребая ступнями камни.
— Мне всегда говорили, что от такой позы портится позвоночник, — рассмеялась девушка.
— Перед смертью, Ливия, рекомендуется медитировать в покое. Ты же предпочла обратное — суету побега.
— Я предпочла смерть с тобой. Считается, что совместная смерть объединяет души. Всю мою жизнь за меня решали, с кем я буду жить. Позволь мне хотя бы решить, с кем я буду умирать, — Ливия снова от всего сердца радостно рассмеялась.
Облако, огибая моренные валуны, двигалось по плато к старому полигону, и распугивало диких коз, куропаток и зайцев. Ассистент выбирал маршрут, ориентируясь на напряжение разлома и ключья мокрого тумана. Солдаты, сразу начавшие нас преследовать, попали в лавины и сейчас рассеяны по ледяным и снежным склонам горы. Новых преследователей Тракки послал сразу после залпа. Он их пропустит, прежде чем выстрелить снова. Я рассчитывал на это его неудобство. Тракки разрывался между погоней за мною и залпом. Меня нужно было догнать, прежде чем я покину Землю.

Я знаю, какими редусцерами начат обстрел. Другими они теперь не воспользуются. Иначе это приведёт к разрушению континента, который много столетий стоит на искусственных напряжениях твёрдого времени. Но когда я окажусь на Луне, я отвечу залпом именно «другими» редусцерами. Тракки попал в западню. У него дилемма. Тупо наносить удары по Луне, в надежде, что я, выйдя из прохода на Луне, попаду под гравитудар и погибну. Или догнать меня здесь. Здесь он меня пленит. Возможно, на теле Ливии имеется какой-то маркер. И Тракки знает, что если Ливия искренне попросится со мною, я ей не откажу. Весь вопрос в искренности. Ей удалось. Я знал Тракки, Тракки знал меня.

На Луне у меня шансов тоже мало. Атмосфера сорвана, потоки расплавленной лавы разрушили путепроводы. Удары наносятся точно в соответствии с данными разведки. Но моей тайной батареи не знали даже Члены Лунного Совета. У нас будет несколько мгновений для того, чтобы выйти с прохода, вогнуть редусцер в затор и выстрелить. Прежде чем кровь возьмётся пузырями.

— Погоня!

— Далеко? — я не хотел оборачиваться. Опасался, что не хватит решимости всё это уничтожить.

— Тысяча двести.

— Приготовь «гребень».

Без малого пятьдесят лет тому, когда я был курсантом Полигона, здесь мы играли в войну. На поверхности плато остались следы тех учебных сражений. Слева впереди три высоких кургана. Справа внизу на склоне нагромождение каменных глыб с крестьянский дом каждая. Эти глыбы мы должны были пронести на территорию «белых» и складывать из них пирамиды. В задачу «белых» входило не пустить нас «красных» к себе, меняя напряжение участков и выстраивая гравитационные застоны. То был хороший опыт. С тех пор я знал о существовании здесь зоны очень высокого напряжения. Она возникла, как результат быстрого роста Олимпа и ошибки в предварительных расчётах инженеров. Вот она!

— Бросай!

Ассистент бросил за спину «гребень». Раздался грохот. Нас окутало пылью и дымом. Настали сумерки. Вслед за этим, про-

странство начало трясти. Облако бросило вперёд и мой помощник, зацепившись ногами за кочку, сорвался с облака. Я оглянулся. Он вскочил на ноги, побежал следом за нами, но отстал и скрылся в пыли. Прощай, друг! Если повезёт, свидимся в других мирах. Облегчённое облако прибавило ходу. Теперь нужно было строго держать направление. Я сосредоточился на внутренних ощущениях в поисках прохода. Позади нас с рёвом поднималась горная стена. Аномально высокая скорость роста заставила плавиться породы. Гремели взрывы. Поверхность плато дрожала и извивалась гигантской змеей. Небо почернело от пыли и дыма. Ливия кричала, упав животом на облако и закрывая уши. Преследователи будут вынуждены повернуть. Горящие горы на облаках не преодолеть.

До моего секретного прохода было рукой подать, когда со стороны оврага появились солдаты. Откуда на заброшенном полигоне солдаты? Тракки что-то почувствовал и поставил охрану на Полигоне. Я знал Тракки, Тракки знал меня. Они бежали нам наперерез. Пятеро вооружённых мечами и арбалетами мужчин. Перегруженное облако двигалось слишком медленно. Я спрыгнул на землю и, сжимая в руке редусцеры гальватные, кинулся к проходу. Первая стрела просвистела перед моим лицом. Вторая и третья ударили в правое плечо. Я зарычал и прыгнул, разворачиваясь спиной вперёд, и увидел, как Ливия ударом ноги подбивает нацеленный на меня арбалет и бьёт солдата кулаком в висок.

— Нет, Ливия! Твоя Память...

Но было поздно. Голова солдата дёрнулась от смертельного удара, а я ввалился в секретный бункер рядом с затвором гравитационной пушки.

Ася.

— А я беременная от инопланетянина, — тихо сказала Аська.

Несколько секунд все сидели в оцепенении.

— Да ты что, доченька? — прошептала Люда.

— Знаю я этого инопланетянина, — буркнул Колян, — Стасик. В 8-Б учится. Длинный, в очках, вечно непричёсанный и задумчивый. Ему недавно пацаны снежку за шиворот запихнули, так он и не заметил. Точно, инопланетянин!

— Доченька, — Людмила обняла её за плечи. — Ты же ещё маленькая.

— Двенадцать лет-возраст Джульетты, — возразил Эдик, — не будь родственницей, женился бы.

Общий интерес перешёл от папы к Аське.

— Я пошутила, — грустно сказала дочь. — Вы все такие загадочные. Значительные. Гениальные. Тот мир строит и с илотами сражается, этот редусцеры гальватные разбрасывает и планеты разрушает, мама вон как в барокамере побывала и не признается, что с ней случилось, а я тут борщи варю. Они романтические герои, а мне даже не поверили об инопланетянине. Сразу на землю опустили. Откуда вы знаете, может он инопланетянин!

Всем стало стыдно.

— Девочка, ты же варишь гениальные борщи.

Папа был совершенно искренним.

— Ты добываешь неведомые рецепты, где-то в высших сферах Духа и готовишь пищу, делающую нас гениальными. Ведь ещё Лао-Цзы сказал, что еда — основа всего.

— Ася, — сказала мама, — ты видела, какой меня привезли. После того, что случилось со мною люди, без специального лечения не выживают. Или инвалидами остаются. А ты посмотри на меня сейчас. Я живая, здоровая и восстанавливаюсь по минутам. Это оттого, что ты меня покормила свом борщом. На папу посмотри. У него, после возвращения Памяти, чуть мозги не перегорели. Сутки в холодном подвале! После твоего ужина он два часа рассказывает нам о редусцерах гальватных, и не устал. У него и пальцы больше не болят. Я думаю, что ногти теперь не облезут. У дяди Эдика переносица зажила. Коля выздоровел за неделю — врачи удивились. Ты — наша опора. Все мы на службе у Вселенной. И ты — гармонизатор мира. Это важная и, порой, не заметная должность. Мир конфликтует оттого, что одни хорошие дела не стыкуются с другими хорошими делами. Поэтому, Мир нуждается в гармонизаторах. И нам без тебя, никак.

Все обнялись и заплакали.

— И мне твои борщи нравятся, — признался Эдик. — У меня от них усиленная потенция. Думаешь, почему девки со мною аж пищат?

По телевизору закончились новости. Появилась рамка, и, иллюстрируя слова Эдика, включился пронзительный писк. Но никто не поднялся щёлкнуть выключателем. Все были в едином пространстве гармонии и взаимопонимания, и никому не хотелось его покидать. Потом рамка исчезла, и телевизор зашипел.

Ангелы-хранители.

На улице падал снег. Во дворе, слившись со старым клёном в одно целое, стоял Стасик из 8-Б класса и смотрел на окна третьего этажа. Его большие немодные очки блестели в темноте, отражая свет одинокой лампы над подъездом и припорошенную крышу белого «Москвича». Изнутри, со стороны глаз, на очках было подробное изображение светлой комнаты с мерцающим телевизором и пятерых людей, тесно сидящих на диване. Вокруг них было светящееся золотое облако объединённой ауры. Хорошие люди. Все такие разные, а как тянутся друг к другу.

Взгляд Стасика сфокусировался на Асе. Какие прекрасные женщины на Земле! Не хочется их покидать. Но что поделать? Такая работа.

Земляне, народ грубый и жестокий. Наука для них — средство обмана и самообмана. И без того сложный мир они опутали ложными истинами.

Среди прочих лженаук — генетика. Некогда интересная гипотеза переросла в великое заблуждение и великую аферу. (Всё бы им друг друга обворовывать!) Питаемая огромными денежными средствами, эта лженаука всё дальше уводит землян от понимания сущности процесса наследования физиологических и психических свойств.

Им невдомёк, что поцелуи, которые они считают невинным проявлением симпатии, являются основой передачи информации. И, после позавчерашних поцелуев в подъезде, девочка Ася беременна инопланетянином. Через много лет, когда она вырастет, она встретит мужчину, выйдет за него замуж, а ещё через

девять месяцев у неё родится ребёнок. Родители и родственники, склонные к иллюзии смысла, найдут много общих черт между ребёнком и счастливым отцом. (Что удивляться? Земляне великие самообманщики и находят сходство даже между собакой и хозяином). И, опять же, невдомёк им всем будет, что среди них растёт марсианин. Выносливый, жизнестойкий, романтичный. Он будет мечтать о звёздах и стремиться к ним. И ещё он будет целоваться с девушками, после чего они будут рожать своим мужьям марсиан.

А он Стасик официально уезжает с родителями в Израиль. Как здесь говорят, на ПМЖ.

В действительности же, он уезжает на ПМЖ на родной Марс. Тысячи лет он трудился во славу своей цивилизации на этой вредной для здоровья, жаркой планете. Избыток кислорода, высокая температура и давление, низкий духовный уровень аборигенов делали работу на Земле трудной и изнурительной. Зимой здесь ещё терпимо для физически закалённого и выносливого профессионала, но летом требуются невероятные усилия. Стасик два раза в год брал отпуск, и пять недель бродил по вершинам Гималаев, отдыхая душой и телом среди ледников и снежных надувов.

А сейчас, в связи с очередной сменой климата, хоть на полосу селись. Но на полосу оплодотворять некого. Вселение марсиан в белых медведей запрещено Законом об Экспансии.

Тело Стасика метаморфизировалось и изобразило шапочку, куртку, штаны, полусапожки, и он с удовольствием ощущал всей кожей касание тёплых снежинок, и погружал ноги в сугробы из кристаллов воды. Тысячу лет назад, когда он только учился терпеть земной жар и дышать через горловой штуцер, всё это казалось романтичным и радостным. В то время Луна была выведена из тысячелетней тени и всю ночь сияла на небе ослепительным незапятнанным ликом. Прогулки при Луне почитались среди землян как ритуал. Стасик под другим именем жил на удивительно живописном и жгучем материке Лемурия, где в соответствии с Законом об Экспансии очаровывал и оплодотворял земных дев. Результаты были впечатляющими. Всего за шестьсот лет пять процентов Лемурийцев, то есть вся правящая верхушка, стали марсианами. Ему тогда вручили высшую награду цивилизации:

За заслуги перед родиной. Его вызвали на Марс и на большой площади у Великого вулкана вручили цветок папоротника — символ непогрешимости и несокрушимости Бытия. (Стасик почувствовал, как подмышками выступил пот, что соответствует слезам у землян). Тогда ему оставался один шаг до должности Прокуратора Земли. Но всё рухнуло в одночасье. Некий сумасшедший землянин, обуянный жадой власти, по средствам интриг и подкупа пробрался к лемурийскому трону. Став верховным главнокомандующим, он нанёс удар из гравитационных орудий по поселениям на Луне, в которых находились духовные кураторы землян. Разрушил гравикаркас, сорвал атмосферу, растворил в пустоте всё отражательное покрытие, уничтожил купола городов и замки со всеми ста тысячами жителей планеты. Нет. Не все тогда погибли. Кто-то уцелел. И именно этот «кто-то», пользуясь незаурядным опытом гравитолога, использовал редусцеры гальватные и изменил механику вращения Луны. Согласно другой версии, он нанёс удар из гравипушек по Лемурии. Но это «что в лоб, что полбу». В результате, поднялось гигантское цунами и уничтожило вместе с Лемурией результат долгих трудов и стараний Стасика. Можно сказать, всех его детей. После такого прокола мечтать о должности Прокуратора Земли не приходилось.

Стасик поднял глаза навстречу падающему снегу. Визор подстроился, повинуюсь приказу его мозга, и сквозь облака и крыши стал виден родной Марс. Снежная шапочка на полюсе умилила Стасика, и его подмышки снова стали мокрыми.

И тут, краем глаза, из под очков, он увидел другой оранжевый огонёк. «Юноша» перевёл взгляд на подъезд противоположного дома, настроил визор и увидел человека с сигаретой в зубах, скрывающегося в тёмном тамбуре. Человек показался знакомым. Через секунду, спектральный анализ излучения чакр подтвердил ужасающую догадку. Романтическое настроение Стасика исчезло. Неужели!? Снова этот страшный человек, который тысячи лет портит жизнь и карьере марсианскому труженику. Он снова рядом! Бывший ученик Его Реальности Экзаменатора (Стасика), впоследствии сам ставший Его Реальностью и узурпировавший Лемурийский трон, неутомный собиратель талантов — Тракки!

Самым отличительным свойством людей Стасик считал использование одежды. Остальные существа в мире адаптируются к среде, и только люди одеваются в одежды. Одежды из чужих шкур, трав... синтетические одежды. Их космические и подводные скафандры, как и корабли, сохраняют в себе неизменной комфортную для них среду. Но высшим достижением мастерства этого свойства является смена тел. Многие из людей разотождествили себя со своим телом. Они приобрели Память и меняют тела, как свитера. Они живут много веков, преследуя свои узкие примитивные интересы по узурпации власти, накоплению сокровищ и созданию роскошных гаремов. Разве в этом смысл бытия? Эх, земляне!

Человек, стоящий в подъезде, имел новое не знакомое Стасику тело, и тело это было одето в незнакомые одежды. Но это был именно тот человек, который долгое время был его ассистентом и подчинённым, но потом захватил лемурийский трон, начал обстрел Луны и привёл мир к катастрофе. И зачем? Рассказывали, что он мстил кому-то жившему на Луне, за самку, которую не смог забрать в свой гарем, состоящий из нескольких сотен женщин. Именно этот человек был причиной поломанной карьеры и скомканной судьбы марсианина. Стасик запомнил его на всю жизнь.

Что он здесь делает? Его присутствие здесь не просто настораживало. Его присутствие, как носителя неудачи, пугало. Он следит за окнами той же квартиры, что и Стасик. Так же вовлечён в поле, которое как гравимагнит притягивает события и судьбы к этой загадочной семье Ивановых? Или заметил, что девушка беременна марсианином и хочет помешать? Сомнительно. Не его это масштаб. Впрочем, и для Стасика это не масштаб. Разве он, оплодотворивший, когда-то двадцатую часть населения Лемурии, думал, что будет жить в забвении, маскируясь под стеснительного подростка — очкарика. А может это он Стасик не понимает веления судьбы, и эта девочка-подросток стоит всего лемурийского государства? Ведь какая в ней необыкновенная гармония!. Какую удивительную пищу она готовит!

А это кто?

Во дворе появился ещё один посторонний. Излучая ауру алчности и страха, незнакомец приблизился к машине Аськиного отца.

— Куда он смотрит? — спросил Андрей, подстраивая приборы.
— Не нравится он мне. Не понятно всё. Давай его грохнем.

— Отставить! — тихо отозвался Володя, — Буданцев голову оторвёт. Он сказал наблюдать и убивать только в случае непосредственной угрозы для Людмилы.

Володя достал шприц и сделал себе инъекцию для восстановления стенок сосудов.

— Сволочи, — как потрепали меня этим ультразвуком. Тот мужик, продавец, умер от кровоизлияния. А Людка хороша. Вот нравится мне эта баба. Башку скатертью обмотала... двери распахнула... Удар снизился на порядок. Не растерялась ни на секунду. Будто всю жизнь с марсианами воевала. А как она анализ космоснимка провела! Марсиане, когда поймали её ментальный сигнал, обгадились с перепугу. Сволочи. А она сразу Буданцеву всё выложила. Будто понимала, насколько это важно. Фу, как мне плохо! Может нужно было отлежаться? Врач настойчиво рекомендовал. А Людка вон совсем отказалась от уколов. И живая. Из чего она сделана?

Володя потёр виски.

— То, что она мгновенно слила информацию Буданцеву по открытому каналу, вас и спасло. Они бы весь спецназ с орбиты на вас бросили. А так, в Солнечной системе каждый узнал, где у них на Большом Сырте склад контрабандных редусцеров. Конечно, обгадились!

— Но куда же это он смотрит, рептилия поганая?

— Этот «ультразвук» — не совсем ультразвук. Там целый аккорд из акустических ультра и инфро, и из радиочастот. Подобрано для нашей атмосферы и наших физических оболочек. Выпускается в нескольких вариантах: «подземелье», «город», «открытое пространство», «вода». Они их на американцах лет двадцать тому активно испытывали. Оптимальные соотношения подбирали. Пока до сената не дошло. Говорят, в отдельных случаях человека разрывает как тротилом.

— Сволочи! — повторился Володя, — Да! Мне Буданцев показал Людкину биографию.

— И что?

— Восемь лет назад, на корпоративном утреннике ей вручили шуточную медальку «Мисс Вселенная».

— И...

— Её босс вручил ей награду и, как водится, поцеловал её в губы.

— Да ты что?! И он?..

— Да, он марсианин.

— Значит её сынишка?..

— Да. Стопроцентный марсианин. Сначала таланты и необыкновенные способности, потом глубокая сентиментальность и слёзы над котятками, потом походы с гитарой по Алтаю и восхождения на Эльбрус, потом борьба за экологию, а потом, в двадцать пять лет, он в первый раз переспит с женщиной. В общем, у них своя последовательность возрастного развития.

— А Эдик?

— Эдик — бабник и драчун.

— Стопудово, землянин!

— Заметь, на зоне несколько раз под ножи и заточки подставлялся за друзей.

— Наш. Русский парень.

— Славянин, — поправил Володя, который был украинцем.

— Да! — согласился с поправкой Андрей, — Наш!

— Ну и семейка. Вот, так Ивановы!

— Да уж. А это кто?

Через арку двора вошёл человек в телогрейке и ушанке, с чайником в левой руке. Воровато озираясь, он подошёл к «Москвичу» Ивановых и начал ковыряться в замке.

— Ты видел? — прошептал Володя.

— Человек? — подобрался на сидении Андрей.

Володя глянул через прибор.

— Человек!

— Будет угонять машину. Ещё одна напасть на Людку. Марсиане не убили, так земляне машину угонят. Звони Буданцеву.

— А зачем звонить? Пойдем, прогоним.
 — Пойдём! Святое дело, Людмиле помочь.
 — Черт побери! — воскликнул Сергей Сергеевич, — Не следил бы сам с того момента, как они подъехали, не подумал бы, что там есть люди. Пять часов ни каких признаков жизни.

Он смотрел на синий джип Мицубиси, стоящий в глубине двора.

— Профессионалы. Но чьи, не пойму. Уж, не за нашим ли вундером следят?

Ответом ему был храп. Доктор Брагин специалист в области детской психиатрии и прикладного гипноза в очках, одетый и обутый уснул на запрошенной кровати явочной квартиры, которая использовалась как пункт наблюдения за квартирой Ивановых.

Устал старик. Круглые сутки наблюдать за мальчиком, мотаться по городу, ни поесть, ни отдохнуть, ни помыться — не всякому молодому под силу.

Дома стояли под прямым углом, и из окна этой квартиры можно было видеть, что делается в квартире смежного дома этажом ниже. Семейство Ивановых сидело кругом, обнявшись и пуская слюни. Шипел не выключенный телевизор и не давал услышать, о чем у них идёт речь. Проклятый жучёк не правильно установили. Да он же Сергей Сергеевич его и установил, когда беседовал с мальчишкой. И выругать теперь некого.

А мальчик то не простой! Ох, не простой. Такого нужно под себя загрывать и беречь. Козырный мальчик. Какие с ним дела можно будет делать!

Ну, кто же это в джипе? Уж не армейская ли разведка? Другие, частнособственнические интересы отпадают — уровень очень высокий.

Сергей Сергеевич глянул на храпящего Брагина. Неужели он кому-то рассказал? Из всей комиссии он один обладал полной информацией и был знаком с теорией Соборного Духа. И только он знал, что Коля Иванов — катализатор Духа.

Прощупать их спецсредствами? А если засекут? В лучшем случае его раскроют. А если занервничают и мальчика умыкнут?

И семейка вела себя весь день крайне подозрительно. Глава семейства сутки отсутствовал и его брат привёз его откуда-то потасканного и невменяемого. С попойки? (Майор зло скривился. Дятел самодовольный! Как же! Устроил бы ты ребёнка в детсад через своих знакомых в горисполкоме, если бы Контора не подсуетилась). Коля не был сегодня в детском саде. Молча просидел день у телевизора. Мать, Людмила, сегодня на работе не была, а вчера вернулась опухшая, с воспалёнными глазами тоже, как с похмелья. Такие лица Сергей Сергеевич видел у пилотов после перегрузок и у водолазов после аварийного всплытия.

Сергей Сергеевич решил направить на джип звукозаписывающую аппаратуру. Он открыл окно, но порыв ветра бросил в него снежный заряд и начал трясти раму. Пришлось срочно закрыть окно. Всё равно при таком ветре и снеге ничего не получится. И ракурс не подходящий. Вытерев намокшее лицо платком, Сергей Сергеевич увидел, что во дворе нарисовался новый объект.

К машине подошёл какой-то хрен в телогрейке и начал ковыряться в замке. Чёрт побери! — повторился Сергей Сергеевич. — Угоняет. Как же пацана в садик будут таскать? На трамвае? А если простудится? Да и тяжело будет ребёнку. Что же делать?

Михалыч был человеком практичным. Дружба дружбой, считал он, а денежки врозь. Да, Эдик парень хороший. И на зоне, несколько лет тому, здорово помог. Лежать Михалычу в сырой могиле, если б Эдька под топор свою башку, вместо Михалычевой, не подставил. Но не всю же жизнь быть его должником. И машина эта не его, а брата непутёвого. И без сигнализации оставил. Толкают, провокаторы, честных людей на грех.

К автомобилистам Михалыч относился по особенному. Петька, сын сожительницы, учится в университете. Оболтус ещё то, блин. Но как-то за бутылкой, студент рассказывал, чему их там учат, и открыл глаза отчиму на суть некоторых явлений. Кивая на каких-то докторов и профессоров фрейдом, умными словами и жестами он пояснил, что всякий

мужик по натуре (или в натуре?) — убийца. И каждый мужик — воин, ищущий силу. То есть ищущий всё, что даёт силу. Автомат, вольну, перо, крутых дружбанов, крышу. Раньше меч, братва и конь давали силу. Сейчас вместо коня автомобиль. Автомобиль нужен не для скорости. Кого привлекает хмырь из сказки про джинов, который на ковре самолёте и в чалме на босу голову куда-то летает. Мужик смотрится в танке, в истребителе, в джипе. И на худой конец в «таврии». Даже в «запоре» можно идти на таран и ставить на место всяких козлов в «мерсах». Конечно, сел за руль и ты не квольный дохляк весом 50 кило. У тебя тонны и лошадиные силы. В этом железном костюмчике с гидроусилителями ты завалишь кого хочешь. И как «калаш» делается для убийства, так и «жигуль» выпускается для убийства. Кто б шо не думал и как не закрашивал свою тягу к крутизне. И как баклану после мешка с песком охота попробовать ударить живую челюсть, как бандогану после мишеней и тарелок охота шамальнуть по настоящему человечку, так и автомобилисту охота при случае боднуть пешеходика. «И будь уверен, Михалыч, — мудрствовал пьяный Петька, — рано или поздно он его «боднёт»!

Правда это или брехня, но Михалыч, относивший себя к уголовной элите т. е. к ворам, а потому демонстративно презиравший мокрушников и бакланов, поставил на одну ступень с ними всех автолюбителей. Это позволяло, как в данном случае решить по понятиям возникающие вопросы с совестью.

Замок дверцы замёрз (во хозяин, блин). Пришлось поливать кипятком из чайника. Когда раздался щелчок, Михалыч оглянулся по сторонам. Пурга. Хозяин собаку на улицу не выгонит. Лампу над подъездом надо было разбить. Блин. Распахнул дверь и ввалился на сидение. Кинул чайник на пол, подышал на руки. Ох, зимушка, разыгралась, блин. Ничо машинка. Справная. Надо быть лохом, чтоб лоха не нагреть. Но как Эдька её нашёл! Вушлый, блин. Как ищейка. Ну, ничо. Теперь не найдёт. Тут не то шо следы, тут и машину заметёт.

А завтра он, Михалыч, не дежурит — за день разберёт на винтики, только кузовок белый останется.

Из подъезда дома напротив вышел человек, закурил сигарету и пошёл к машине, в которой пришибился Михалыч. От старого клёна отделилась высокая сутуловата фигура и, блестя очками, тоже направилась к «Москвичу». В глубине двора ярко вспыхнули мощные галогенные фары затаившегося джипа Мицубиси и, как рентгеном, просветили кабину. Дверцы джипа открылись и два человека уверенной походкой профессиональных убийц пошли к похищаемому автомобилю. Михалыч упал на сидения. Спецоперация! Замели, блин! Или это Эдькина западня? Убьёт за измену, блин. Во влип!

Из подъезда смежного дома выбежал ещё один человек. Упругий и осанистый, как морской офицер, он на бегу застёгивал куртку и поправлял шапку.

Пятеро окружили полумасштабный «Москвич» под одинокой лампой.

Тракки открыл дверь и за воротник телогрейки выволок упирающегося и кряхтящего Михалыча из салона. Толкнул его в железные руки Андрея. Стасик забрался в салон, вытащил чайник и передал его в руки Сергея Сергеевича. Тот сунул чайник сопящему и боязливо заслоняющемуся Михалычу. Андрей развернул вора-неудачника к выходу со двора и слегка пнул ногой под зад. Михалыч, до последнего ожидавший смертной казни за свой гнусный грех — крысятничество, не поверил в подарок судьбы. Он плёлся к арке и представлял, как его, блин, накажут. Перо или маслина? В голову или в спину? И только пройдя арку, метнулся влево и исчез в метели.

За время проведения неплановой операции по спасению «Москвича» не было произнесено ни одного слова. И теперь, когда вор исчез за углом дома, Тракки захлопнул дверцу и все пятеро, не глядя друг на друга, разошлись по своим рабочим местам. Андрей и Володя вернулись в джип, Сергей Сергеевич — к окну явочной квартиры, Стасик — к старому заснеженному клёну, а Тракки — в тёмный тамбур подъезда.

Всё обошлось. Ивановых не потревожили. **✒**